ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 2020

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет» Виноградов Борис Витальевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Гатустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. СеменоваТян-Шанского»

Зеленко Наталия Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Игропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

> НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2020 г.

Nº 4

Выходит 4 раза в год г. Армавир Краснодарский край

Web site: http://vestnik.agpu.net/ E-mail: vagpu@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-72831 от 17 мая 2018 года

УДК-378 ББК-74.58 В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социальногуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социальногуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социальногуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальногуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Сережаевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна, Армения

Ответственные редакторы

Гладченко Виктория Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технический редактор

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Галустов Р.А., Князева А.С.	
Виды педагогического взаимодействия субъектов	
образовательного процесса в гуманитарном колледже	5
Зеленко Н.В., Казарян М.Г.	
Особенности использования информационно-коммуникационных	
технологий в дошкольной образовательной организации	12
Пономарева В.В.	
Активизация познавательной деятельности студентов-бакалавров	
с помощью интерактивных методов в процессе обучения психологии	18
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ	
Гармышев Д.А.	
Политика «мягкой силы» России на Кавказе: образование и религия	25
Головлёв А.А., Дударев С.Л.	
Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 1. Введение.	
Большая и Малая Чечня, Аух (1856–1857 гг.)	31
Гром О.А., Дмитриева Н.В.	
Столетний юбилей Отечественной войны 1812 г. в Кавказском крае	
(по материалам периодической печати)	50
Матвеев В.А.	
Мусульманство на Северном Кавказе: осмысление в контексте	
отечественного востоковедения и его направленности в начале XX в	62
Панарин А.А.	
Геноцид советского народа в отражении исторической памяти	
о Великой Отечественной войне	75
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
Глечян Э.Р., Макаров А.С., Омельченко С.В.	
Мышление адвоката как творческий процесс: философские аспекты	
юридической практики	91
Губанова М.А.	100
Трансформация человека в глобальном сетевом обществе	103
Дурова Е.А., Похилько А.Д.	
Философия коллективного творчества: игра как механизм нормативного творчества	110
•	119
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	119
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник	100
Апмавинского госуланственного пелагогического унивенситета»	123

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

Galustov R.A., Knyazeva A.S.	
Types of Pedagogical Interaction of Subjects of the Educational Process in a Humanitarian College	5
Zelenko N.V., Kazaryan M.G.	J
Peculiarities of Using Information-communication Technologies	
in a Preschool Educational Organization	12
Ponomareva V.V.	
Activation of the Cognitive Activity of Bachelor Students	
Using Interactive Methods in the Process of Learning Psychology	18
HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY	
Garmyshev D.A.	
Russian Soft Power Policy in the Caucasus: Education and Religion	25
Golovlyov A.A., Dudarev S.L.	
General Nikolay Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 1. Introduction.	21
Bolschaya and Malaya Chechnya, Aukh (1856–1857)	31
Grom O.A., Dmitrieva N.V. The Centenary Anniversary of the Patriotic War of 1812 in the Kavkaz Region	
(on the Materials of the Periodic Print)	50
Matveyev V.A.	50
Islam in the North Caucasus: Comprehension in the Context of Russian Oriental	
Studies and Its Focus in the Early 20th Century	62
Panarin A.A.	
Genocide of the Soviet People in Reflections of the Historical Memory	
of the Great Patriotic War	75
PHILOSOPHICAL SCIENCES	
Glechyan E.R., Makarov A.S., Omelchenko S.V.	
The Attorney's Thinking as a Creative Process: Philosophical Aspects	
of Legal Practice	91
Gubanova M.A.	100
Human Transformation in the Global Network Society	103
Durova E.A., Pokhilko A.D. The Philosophy of Collective Creativity	
The Philosophy of Collective Creativity: a Game as a Mechanism of Normative Creativity	110
a Game as a mechanism of normative creativity	110
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	119
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR	
STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	123

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 377

ВИДЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ГУМАНИТАРНОМ КОЛЛЕДЖЕ

Р.А. Галустов, А.С. Князева

TYPES OF PEDAGOGICAL INTERACTION OF SUBJECTS OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN A HUMANITARIAN COLLEGE

R.A. Galustov, A.S. Knyazeva

Анномация. В данной статье рассматриваются различные виды педагогического взаимодействия субъектов образовательного процесса: деструктивный, рестриктивный, рестриктивный, реструктивный и конструктивный; учебное, воспитательное и дидактическое педагогическое взаимодействие; ценностный вид взаимодействия; продуктивное учебное взаимодействие; взаимодействие в контексте общения; анализируются три компонента общения: перцептивный, коммуникативный, интерактивный, на основе которых устанавливаются принципы субъект-субъектности и продуктивности педагогического взаимодействия.

Abstract. In this article different types of pedagogical interaction of subjects of the educational process are considered: destructive, restrictive, restorative and constructive; educational and didactic pedagogical interaction; value type of interaction; productive learning interaction; interaction in the context of communication. Three components of communication are analyzed: perceptive, communicative, interactive, on the basis of which the principles of subject-subjectivity and productivity of pedagogical interaction are established.

Ключевые слова: виды педагогического взаимодействия, субъекты образовательного процесса, гуманитарный колледж, компоненты общения, принципы взаимодействия.

Keywords: types of pedagogical interaction, subjects of educational process, humanitarian college, components of communication, principle of interaction.

Педагогическое взаимодействие субъектов СПО представляет научный и практический интерес, поскольку оно реализуется в рамках образовательного процесса, построенного на идеях системно-деятельностного подхода.

Качество образовательного процесса в СПО зависит в большей степени от установленных видов педагогического взаимодействия субъектов гуманитарного колледжа.

Основанием для определения видов педагогического взаимодействия А.В. Петровский считает результаты анализа понятий «личность» и «система». Согласно его мнению, понятие «система» «характеризует все взаимодействующие сферы педагогического пространства: мезо-, мега- и мета-...» [15]. На основании этого А.В. Петровский выделяет следующие виды взаимодействия: деструктивный, реструктивный и конструктивный.

Деструктивный (разрушающий) вид педагогического взаимодействия, отмечает автор, искажает форму и содержание образования, дестабилизирует связи между участниками и приводит к необратимым последствиям в образовательной сфере. Рестриктивный (ограничивающий) вид педагогического взаимодействия, по его мнению, не учитывает целостного подхода к процессу развития и формирования личности (системы), предполагает строгий контроль за развитием отдельных качеств (свойств, элементов и т. д.) и приводит к формированию безликой массы безынициативных исполнителей, «винтиков» педагогической системы [15]. Реструктивный (поддерживающий) вид педагогического взаимодействия обеспечивает решение тактических задач в педагогическом процессе, необходимых для сохранения целостности личности на определенном уровне достижений, но не учитывает перспективу и стратегию ее развития. Конструктивный (развивающий) вид педагогического взаимодействия обеспечивает целостность развития личности, субстанциальную связь, необходимую для полноценного жизнеобеспечения, создает условия для оптимальной адаптации личности к динамичной среде, ориентирует личность на долгосрочное сотрудничество, кооперацию, сотворчество.

Выбор того или иного вида взаимодействия определяется в процессе профессиональной подготовки специалистов.

Исследуя проблему взаимодействия, Е.В. Коротаева отмечает, что существующая неравновесность (социальная, психологическая и педагогическая) позиций участников взаимодействия опосредует формирование деструктивного (разрушающего), рестриктивного (ограничивающего), реструктивного (поддерживающего), конструктивного (развивающего) взаимодействия, что выбор того или иного вида взаимодействия зависит от исследования той или иной сферы педагогического пространства и влияния субъективных и объективных факторов [8].

Е.В. Коротаева предлагает педагогическое взаимодействие делить на учебное, воспитательное и дидактическое. Целью учебных взаимодействий является передача знаний, общественного опыта, накопленного человечеством. Воспитательные взаимодействия нацелены на усвоение и творческое переосмысление опыта прошлых поколений подрастающей личностью с целью самоактуализации, саморазвития и социальной адаптации. Целью дидактических взаимодействий является раскрытие закономерностей обучения, обобщение многочисленных связей элементов процесса образования [8]. Виды взаимодействия, предложенные Е.В. Коротаевой, могут быть взяты за основу при проектировании образовательного процесса в СПО.

Ценностный вид взаимодействия предлагает А.В. Кирьякова. Основными моментами, раскрывающими суть ценностного взаимодействия, по ее мнению, являются: «обмен ценностями как личностный обмен в свободном общении и деятельности; целенаправленное приобщение студентов к ценностям общества; восхождение преподавателя к ценностям студентов через диагностику, через интуитивное и теоретическое освоение индивидуальных интересов и стремлений студентов; прогнозирование развития ценностных ориентаций на трансспективу: прошлое — настоящее — будущее» [7]. Данный вид взаимодействия выявляет аксиологический потенциал личности, «способности человека одним взглядом охватить весь жизненный путь, поднявшись от простых воспоминаний до осмысления значения своей жизни, обеспечивает гармонизацию личности и способствует ее самоактуализации» [3].

В контексте педагогического взаимодействия субъектов образовательного процесса в гуманитарном колледже «восприятие и осмысление прошлого, настоящего и будущего играют детерминирующую роль в поведении каждой личности, выступают в качестве его «ориентировочной основы» и кристаллизуют «смысл жизни» [11].

В.Я. Ляудис определяет виды взаимодействия по критериям мотивации и активности обучаемого и педагога, которые обеспечивают продуктивную учебную деятельность учащегося с самого начального этапа освоения учебного материала и на всем протяжении обучения. Такой вид взаимодействия она называет продуктивным учебным взаимодействием [13].

В концепции продуктивного учебного взаимодействия, разработанной В.Я. Ляудис, указываются три особенности: активное включение в решение продуктивных задач; диалогическое общение, сотрудничество как средство решения продуктивных задач и условие овладения учащимися способов познавательной деятельности и межличностных отношений; механизмы овладения операционально-техническими средствами выполнения различных видов деятельности при решении творческих задач [13].

Принципы организации продуктивного педагогического взаимодействия основаны на педагогической поддержке (Т.В. Анохина, М.А. Богуславский, О.С. Газман, Л.А. Даринская, Г.Б. Корнетов); деятельностном характере обучения, свободном самостоятельном выборе активных форм обучения и воспитания; активизации интерактивной функции общения (С.В. Шедина); положительной мотивации (В.И. Загвязинский). Продуктивное учебное взаимодействие среди других видов взаимодействия занимает особое место с точки зрения мотивации учения.

О взаимосвязи общения и взаимодействия свидетельствует точка зрения, высказанная Г.М. Андреевой, которая считает, что интерактивная сторона общения включает в себя те компоненты, которые связаны с взаимодействием людей и их непосредственной организацией совместной деятельности [1]. Причем под взаимодействием Г.М. Андреева понимает организацию совместных действий, позволяющих группе людей реализовать общую деятельность [1].

Общение и деятельность – относительно самостоятельные, хотя и тесно взаимосвязанные стороны единого процесса и между ними существует множество связей и переходов [4, с. 11].

Исследование педагогического взаимодействия в контексте общения определилось сравнительно недавно.

Сущность и особенности педагогического общения раскрываются в трудах В.А. Айнштейна, Т.И. Бабаевой, А.А. Бодалева, Н.А. Горловой, А.Ю. Гордина, И.А. Зимней, В.А. Кан-Калика, Я.Л. Коломинского, Н.В. Кузьминой, Л.Н. Куликовой, А.А. Леонтьева, А.В. Мудрика, Б.Д. Парыгина, А.А. Реана, Г.И. Щукиной и др.

Б.Д. Парыгин, исследуя категорию «общение», отмечает, что «это сложный многогранный процесс, который может выступать в одно и то же время как процесс взаимодействия индивидов; как информационный процесс; как процесс взаимовлияния людей друг на друга; как процесс сопереживания и взаимного понимания друг друга; как отношение людей друг к другу» [14].

По определению Б.Ф. Ломова, общение составляет внутренний механизм жизни коллектива или социальной группы [12, с. 18].

В социальной психологии под общением понимается универсальная реальность, в которой зарождаются, существуют и проявляются в течение всей жизни психические процессы, состояния и поведение человека [18, с. 94].

Существует точка зрения, что «общение определяется как неотъемлемый элемент педагогической деятельности, вне которого невозможно достижение целей обучения и воспитания» [17]. На наш взгляд, этот момент важен, поскольку «учитель в процессе общения с обучающимися ненамеренно и преднамеренно продолжает себя в них, осуществляя значимые в них преобразования личностных смыслов, мотивов, поведения» [5, с. 173–176].

- Н.В. Кузьмина считает, что «искусство педагога в условиях общения в том и проявляется, что он умеет должное со своей позиции сделать желаемым с позиции учащегося» [9, с. 140].
- Н.В. Кузьмина акцентирует внимание на педагогически-целесообразных взаимоотношениях, которые «устанавливаются педагогом на основе предвидения, предвосхищения того, какой эмоциональный, интеллектуальный и практический отклик вызовет у учащихся способ его отношения, поведения, воздействия на них» [там же].

При этом В.П. Беспалько отмечает, что такой способ приведет к вполне определенным сдвигам в структуре личности процесса [2, с. 36].

А.А. Коротаев и Т.С. Тамбовцева приходят к выводу о том, что изменение личности благодаря сформировавшемуся индивидуальному стилю общения [5].

А.А. Леонтьев считает, что изменение личности невозможно без процесса общения и вне него [10, с. 177]. Психолог указывает и на взаимосвязь общения с воспитанием: «В процессе общения ребёнка или подростка со взрослыми осуществляется процесс воспитания, направленный на формирование системы социальных установок, норм, ценностей, одним словом —

формирование ценностной ориентации личности» [10]. Специфичность общения как формы педагогического взаимодействия ученый видит в том, что, «...чем более сложные аспекты личности мы «надстраиваем», тем большую роль здесь играет именно речевое общение» [10].

Поскольку составляющими общения являются три компонента: взаимное восприятие и понимание людьми друг друга (перцептивный аспект общения), обмен информацией (коммуникативный аспект), осуществление совместной деятельности (интерактивный аспект), то применительно к теме исследования первый компонент определяется ролями участников: преподаватели колледжа и обучающиеся; коммуникативный компонент обусловлен характером их взаимоотношений; интерактивный компонент — совместной деятельностью всех субъектов образовательного процесса в СПО.

Совокупность данных компонентов дает основание определить общение не только как форму взаимодействия, но и как метапредметный результат профессиональной подготовки студентов [16].

В основе единства коммуникативного, интерактивного и социальноперцептивного компонентов общения лежат принципы субъект-субъектности и продуктивности педагогического взаимодействия [14].

Позиция В.А. Кан-Калика при решении данного вопроса сводится к тому, что взаимодействие отражает интерактивную сторону особого вида деятельности – общения [6, с. 25].

В нашем случае педагогическое взаимодействие преподавателей и студентов осуществляется в образовательном процессе на основе реализации принципов субъект-субъектности и продуктивности педагогического взаимодействия при познании студентами содержания педагогического образования, установлении отношений, ликвидации барьеров, обмене педагогической информацией, воздействия друг на друга в зависимости от мотивов, целей и задач общения.

Поэтому педагогическое взаимодействие субъектов образовательного процесса в гуманитарном колледже мы рассматриваем как процесс, который выстраивается с точки зрения его коммуникантов, речевого поведения и характера взаимодействия между преподавателями и обучающимися.

Таким образом, педагогическое взаимодействие преподавателей и обучающихся в образовательном процессе гуманитарного колледжа — это процесс отношений и общения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. М. : Аспект Пресс, 1999-375 с. Текст : непосредственный.
- 2. Беспалько, В. П. Основы теории педагогических систем / В. П. Беспалько. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1997. 304 с. Текст: непосредственный.
- 3. Бороздина, Л. В. Возрастные изменения временной трансспективы субъекта / Л. В. Бороздина, Л. А. Спиридонова. Текст : непосредственный // Психологический журнал. 1998. № 2. С. 40–50.

- 4. Зимняя, И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. М. : Логос, 1999. 384 с. Текст : непосредственный.
- 5. Интегральное исследование индивидуальности: теоретические и педагогические аспекты : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Б. А. Вяткин. Пермь, 1988. 107 с. Текст : непосредственный
- 6. Кан-Калик, В. А. Грамматика общения / В. А. Кан-Калик. М. : Роспедагенство, 1995. 108 с. Текст : непосредственный.
- 7. Кирьякова, А. В. Развитие аксиологического потенциала личности в условиях университетского образования / А. В. Кирьякова. Текст: непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 1. С. 6–14.
- 8. Коротаева, Е. В. Педагогика взаимодействия в современном образовательном процессе : дис. ... д-ра пед. наук / Е. В. Коротаева. Екатеринбург, 2000. С. 74—76. Текст : непосредственный.
- 9. Кузьмина, Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища / Н. В. Кузьмина. М. : Высшая школа, 1989. 167 с. Текст : непосредственный.
- 10. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. М. : Смысл, 1999. 365 с. Текст : непосредственный.
- 11. Леонтьев, А. Н. Психология образа / А. Н. Леонтьев. Текст : непосредственный // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
- 12. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. М.: Наука, 1999. 350 с. Текст: непосредственный.
- 13. Ляудис, В. Я. Структура продуктивного учебного взаимодействия / В. Я. Ляудис. Текст : непосредственный // Психолого-педагогические проблемы взаимодействия учителя и учащихся / под ред. А. А. Бодалева. М., 1980. 218 с.
- 14. Парыгин, Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. М.: Мысль, 1971. 351 с. Текст: непосредственный.
- 15. Петровский, А. В. Личность. Деятельность. Коллектив / А. В. Петровский. М.: Политиздат, 1982. 255 с. Текст: непосредственный.
- 16. Реутова, Л. П. Концептуальные основы развития УУД младших школьников / Л. П. Реутова. Текст: непосредственный // Вестник Майкопского государственного университета. Вып. 2 (136). Майкоп: изд-во АГУ, 2014. С. 50–56.
- 17. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. М. : БРЭ, 1993. Т. 2. С. 132. Текст : непосредственный.
- 18. Шевандрин, Н. И. Социальная психология в образовании / Н. И. Шевандрин. М. : Владос, 1995. 544 с. Текст : непосредственный.

REFERENCES

- 1. Andreeva G.M. *Social'naya psihologiya* [Social Psychology]. M., Aspekt Press, 1999. 375 p.
- 2. Bespal'ko V.P. *Osnovy teorii pedagogicheskih system* [The Basics of the Theory of Pedagogical Systems]. Voronezh, Publishing House of Voronezh State University, 1997. 304 p.
- 3. Borozdina L.V., Spiridonova L.A. Age-related changes in the subject's temporal transspective. *Psihologicheskij Zhurnal = Psychological Journal*, 1998, No. 2, pp. 40–50. (In Russian).
- 4. Zimnyaya I.A. *Pedagogicheskaya psihologiya* [Pedagogical Psychology]. M., Logos, 1999. 384 p.

- 5. Integral'noe issledovanie individual'nosti: teoreticheskie i pedagogicheskie aspekty. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. [Integral study of individuality: theoretical and pedagogical aspects. Interuniversity collection of scientific papers]. Perm, 1988. 107 p.
- 6. Kan-Kalik V.A. *Grammatika obshcheniya* [The Grammar of Communication]. M., Rospedagenstvo, 1995. 108 p.
- 7. Kir'yakova A.V. The Development of the axiological potential of the individual under university education. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Orenburg State University*, 2006, No. 1, pp. 6–14. (In Russian).
- 8. Korotaeva E.V. *Pedagogika vzaimodejstviya v sovremennom obrazovateľnom processe* [Pedagogy of interaction in the modern educational process]: dis. ... doct. ped. sciences. Ekaterinburg, 2000. P. 74–76.
- 9. Kuz'mina N.V. *Professionalizm deyatel'nosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya proftekhuchilishcha* [Professionalism of the activity of the teacher and the master of industrial training of the vocational school]. M., Vysshaya shkola,1989. 167 p.
- 10. Leontyev A.A. *Psihologiya obshcheniya* [The Psychology of Communication]. M., Smysl, 1999. 365 p.
- 11. Leont'ev A.N. The psychology of image. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* = *Bulletin of Moscow University*. Series: Psychology, 979, No. 2, pp. 3–13. (In Russian).
- 12. Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. M., Nauka, 1999. 350 p.
- 13. Lyaudis V. Ya. *Struktura produktivnogo uchebnogo vzaimodejstviya. Psihologo-pedagogicheskie problemy vzaimodejstviya uchitelya i uchashchihsya* [The structure of productive educational interaction. Psychological and pedagogical problems of interaction between a teacher and students]. M., 1980. 218 p.
- 14. Parygin B.D. *Osnovy social'no-psihologicheskoj teorii* [The Basics of Social-Psychological Theory]. M., Mysl, 1971. 351 p.
- 15. Petrovskiy A.V. *Lichnost'*. *Deyatel'nost'*. *Kollektiv*. [Personality. Activity. Collective]. M., Politizdat, 1982. 255 p.; Petrovskij, V. A. *Lichnost'* v psihologii: paradigma sub"ektnosti [Personality in psychology: the paradigm of subjectivity]. Rostov-on-Don., Feniks, 1996, 509 p.
- 16. Reutova L.P. Conceptual bases for the development of UAA for primary school-children. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Maikop State University*, 2014, iss. 2(136), pp. 50–56. (In Russian).
- 17. Rossijskaya pedagogicheskaya enciklopediya [Russian Pedagogical Encyclopedia]. M., BRE, 1993, Vol. 2. P. 132.
- 18. Shevandrin N.I. *Social'naya psihologiya v obrazovanii* [Social Psychology in Education]. M., Vlados,1995. 544 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Галустов, Р. А. Виды педагогического взаимодействия субъектов образовательного процесса в гуманитарном колледже / Р. А. Галустов, А. С. Князева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 5–11.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Galustov R. A., Knyazeva A. S. Types of Pedagogical Interaction of Subjects of the Educational Process in a Humanitarian College / R. A. Galustov, A. S. Knyazeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 5–11. (In Russian).

УДК 373.24.004

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Зеленко Н.В., Казарян М.Г.

PECULIARITIES OF USING INFORMATION-COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN A PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION

Zelenko N.V., Kazaryan M.G.

Аннотация. Современные требования к владению педагогами информационно-коммуникационными технологиями, уровню их использования на практике в недостаточной мере реализуются в дошкольном образовании. Рассмотрен потенциал использования ИКТ в дошкольном образовании, его место в работе педагога с детьми. Определены направления развития готовности педагога к такой деятельности.

Abstract. Modern requirements for teachers to own information-communication technologies, the level of their use in practice are not sufficiently implemented in preschool education. The potential of using ICT in preschool education, its place in the work of a teacher with children is considered. Directions for the development of teacher's readiness for such an activity are determined.

Ключевые слова: образовательный потенциал ИКТ, дошкольное общее образование, ИКТ-компетентность педагога.

Keywords: educational potential of information-communication technologies, preschool general education, ICT-competence of teachers.

Применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сфере образования повышает качество и доступность образования, способствует совершенствованию образовательных технологий, появлению новых форм обучения (дистанционное обучение, электронное обучение, мобильное обучение, совместное обучение и т. д.) созданию электронных образовательных ресурсов и доступа к ним широкого круга обучающихся с использованием сети Интернет.

В связи с этим особую значимость приобретает работа педагога дошкольного образовательной организации с обучающимися, родителями, другими педагогами. Впервые в работе с детьми дошкольного возраста применили компьютер в 1971 году, в Технологическом институте Массачусетса. Сегодня компьютер есть в каждом доме и организации ДОО также не могут игнорировать это средство. Использование ИКТ открывает новые возможности для совершенствования его деятельности, направленной на внедрение в педагогическую практику методов и средств сбора, обработки, передачи и хранения информации [3].

Исследования, посвященные повышению квалификации педагогов в области использования средств ИКТ (О.А. Козлов, А.Ю. Кравцова, С.С. Кравцов,

Т.А. Лавина, Л.П. Мартиросян, И.В. Роберт и т. д.), ориентированы в основном на школьное и вузовское образование. При этом в практической деятельности педагога дошкольной образовательной организации профессионально-педагогические умения в организации педагогического процесса с использованием ИКТ исследованы не в полной мере.

Анализ применения средств ИКТ в деятельности педагогов ДОО (М.А. Войскунский, Н.В. Крючкова, О.А. Савельева, С.В. Товарниченко и др.) показал, что важно не только вооружить специалиста навыками их использования в образовательном процессе и самообразовании, но и дать ему возможность приобрести необходимые знания в соответствии с той областью, в которой он должен применять [2].

В настоящее время Правительством Российской Федерации принята Концепция модернизации Российского образования, приоритетной целью которой является повышение качества образования. Концепция в своей основе имеет системный подход к оптимизации системы образования в нескольких направлениях, а именно:

- повышение эффективности образовательной деятельности средствами психологической науки и практики, в форме психолого-педагогического обеспечения образования;
- создание оптимальных кадровых, финансовых, материально-технических и иных условий реализации основной образовательной программы в образовательном учреждении;
- организацию собственно информационно-методических условий реализации основной образовательной программы дошкольного общего образования, которые, в свою очередь, должны обеспечиваться формированием современной информационно-образовательной среды, включающей комплекс информационных образовательных ресурсов, в том числе цифровые образовательные ресурсы, совокупность технологических средств информационных и коммуникационных технологий (компьютеры, иное ИКТ-оборудование, коммуникационные каналы), систему современных педагогических технологий, обеспечивающих обучение в современной информационно-образовательной среде [3; 4].

Изложение основного материала статьи

Информационно-коммуникационные технологии в России — один из важнейших механизмов модернизации образовательной системы, затрагивающих все ее основные направления. Их основная задача — эффективное использование следующих важнейших преимуществ:

- возможность организации процесса познания, поддерживающего деятельностный подход к учебному процессу;
 - индивидуализация учебного процесса при сохранении его целостности;
- создание эффективной системы управления информационно-методическим обеспечением образования.

Ключевыми направлениями использования ИКТ на уровне ДОО являются:

- 1. Организационное:
- модернизация методической службы;
- совершенствование материально-технической базы;
- создание определенной информационно-коммуникационной среды.
- 2. Педагогическое:
- повышение ИКТ-компетентности педагогов ДОО;
- внедрение ИКТ в образовательное пространство ДОО [3].

Принятый в конце 2012 года Федеральный закон «Об образовании в РФ» определяет дошкольное образование как начальный уровень системы ОО, тем самым предъявляя высокие требования к организации образовательного процесса в дошкольных организациях, одним из которых является внедрение информационно-компьютерных технологий. Данное требование, являясь организационным условием, одновременно является одним из результатов освоения учащимися Основной образовательной Программы, а именно сформированной у обучающихся компетентностью в области использования информационнокоммуникационных технологий, что зафиксировано в Федеральных государственных образовательных стандартах (далее ФГОС). На ступени дошкольного образования, как начальной в общей системе образования, предпосылками данной компетентности являются навыки самостоятельной деятельности, формирующиеся в ходе подготовки дошкольника к жизни в рамках информационного общества, обучение его компьютерной грамотности, создание чувства уверенности при работе за компьютером и воспитание психологической готовности к его использованию [1].

Информационно-коммуникативные технологии на сегодняшний день становятся все более востребованным источником получения информации, что связано с информатизацией научного знания. Это, в свою очередь, сильно меняет статус педагога — от воспринимаемой нами его как «носителя информации», до функционального значения педагога как «маяка, ориентирующего в потоке информации». Такая смена представлений отражена в новой парадигме современного образования, на первый план выдвигающей активную позицию субъекта (то есть самого обучающегося), заключающейся в произвольном акте выбора необходимой ему на данном этапе информации в имеющемся на избытке информационного потока [2].

В связи с этим выдвигаются новые требования к педагогу как компетентному лицу в использовании новых технологий образования, форм представления собственного опыта ориентации в информационных ресурсах сети Интернет. На данном переходном этапе к новой системе образования не все педагоги имеют опыт обучения с использованием ИКТ. Поэтому первое, что нужно сделать сейчас педагогу, чтобы выполнить свою миссию, — это приобрести свой собственный опыт деятельности обучения в роли «ученика» и знание того, как по-новому организовать образовательный процесс. Осваивая деятельностный метод, педагоги меняются сами, меняется их взгляд на жизнь, их отношение

к проблемам на работе, в семье. Они переосмысливают не только свой педагогический, но и свой жизненный опыт, и освоенный деятельностный инструментарий становится помощником им в работе и жизни [2].

В связи с этим еще одной немаловажной задачей методиста в образовательном учреждении является совместное с администрацией сопровождение педагогов на пути внедрения новых форм и способов обучения (в т. ч. ИКТ), обеспечивающее им эмоциональную поддержку, укрепляющее их веру в свои силы.

С этой целью в каждой организации ДОО следует разработать следующие программы: Программа повышения квалификации педагогических кадров; Программа повышения компетентности педагогов в области использования ИКТ; Программа психолого-педагогического сопровождения педагогов. В коллективе ДОО должен поддерживаться постоянный взаимообмен передовым опытом на педагогических консультациях, обеспечиваться возможность обучения педагогов [3].

Предполагаемые результаты, позволяющие судить об эффективности проведенной в данном направлении работы в ДОО, приведены ниже:

- педагоги владеют способами оперативного доступа к информационным ресурсам учебно-методического, справочного, просветительского назначения;
- педагоги разработали информационно-методические разделы электронного сайта, содержащие обзор рабочих программ, используемых образовательных технологий;
- педагоги принимают активное участие в форумах и интернет-консультациях информационных центров [4].

Помимо требований по освоению информационно-коммуникативных технологий, предъявляемых педагогом к самому себе, ФГОС предъявляет требования по формированию ИКТ-грамотности у детей, как одного из направлений разработанной в ДОО Программы сохранения физического и психического здоровья детей, их нравственного воспитания с опорой на Концепцию духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования, имеющей, среди прочих представленных ценностей, ценность здоровья человека.

Использование информационно-коммуникативных технологий в работе специалистов с детьми также обосновано необходимостью расширения багажа средств коррекционно-развивающего воздействия, которые Т.Д. Марцинковская подразделяет на следующие: предметно-манипулятивные, двигательно-экспрессивные; изобразительно-графические; музыкально-ритмические; вербально-коммуникативные. Детальный анализ использования ИКТ, как вида коррекционно-развивающего воздействия, позволяет квалифицировать его как комплексный, включающий в себя все вышеперечисленные средства коррекционно-развивающего воздействия, имеющий такие характеристики, которые переводят его в разряд наиболее эффективных, а именно обеспечивающий: огромный интерес детей ко всему, что связано с компьютерами; широкие мультимедийные возможности (графика, звук, трехмерное изображение) в учебно-

воспитательном процессе; возможность учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка; интерактивность компьютерных средств; экономию временных ресурсов.

Исследователи утверждают, что обучение, развитие и воспитание дошкольников с использованием компьютера должно осуществляться в форме игры, а игровую деятельность реализуют дидактические компьютерные игры. В России применение компьютерных технологий в дошкольных образовательных учреждениях сегодня не отстает от наиболее развитых стран, информатизация дошкольного образования началась в середине 80-х [1].

Помимо всех выше перечисленных преимуществ использования ИКТ, хотелось бы обратить внимание на еще одно немаловажное преимущество, связанное с понятием репрезентативной ведущей сенсорной системы — аудиальной, визуальной, кинетической, с опорой на которую человек воспринимает информацию из окружающего мира [4]. Использование ИКТ в этом плане реализует принцип ориентации на индивидуальные особенности ребенка с учетом его физиологических особенностей, что позволяет ему получать информацию наиболее полным образом, во всех ее видах — аудиальной (музыкальное сопровождение, озвученные упражнения, задания), визуальной (качественные демонстрационные материалы-иллюстрации, показ видеофрагментов) и кинестетической, то есть закрепление полученного навыка через движение, так называемая «моторная память» (манипуляторная деятельность компьютерной мышью, функциональными клавишами, управление интерактивной доской, крупно- и мелкомоторные движения овладения иной техникой и т. д.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Калинина, Т. В. Управление ДОУ / Т. В. Калинина. Текст : непосредственный // Новые информационные технологии в дошкольном детстве. М., 2008. С. 20–27.
- 2. Ксензова, Г. Ю. Перспективные школьные технологии : учебно-методическое пособие / Г. Ю. Ксензова. М. : Педагогическое общество России, 2000.-224 с. Текст : непосредственный.
- 3. Очирова, О. Д. Приобщение дошкольников к региональной культуре посредством ИКТ : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / О. Д. Очирова. Чита, 2011. 24 с. Текст : непосредственный.
- 4. Ягодина, Л. А. Методические подходы к обучению педагога-психолога использованию информационных и коммуникационных технологий в дошкольном образовании : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Л. А. Ягодина. М., 2010. 22 с. Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Kalinina T.V. Preschool management. Novye Informacionnye Tekhnologii v Doshkol'nom Detstve = New Information Technologies in Preschool Childhood. M., 2008, pp. 20–27. (In Russian).

- 2. Ksenzova G.Yu. Perspektivnye shkol'nye tekhnologii [Promising school technologies]. M., Pedagogical Society of Russia, 2000. 224 p.
- 3. Ochirova O.D. Priobshchenie doshkol'nikov k regional'noj kul'ture posredstvom IKT [Introducing Preschoolers to Regional Culture through ICT]. Author's abstract dis. ... cand. ped. sciences. Chita, 2011. 24 p.
- 4. Yagodina L.A. Metodicheskie podhody k obucheniyu pedagoga-psihologa ispol'zovaniyu informacionnyh i kommunikacionnyh tekhnologij v doshkol'nom obrazovanii [Methodological Approaches to Training a Teacher-Psychologist in the Use of Information-Communication Technologies in Preschool Education]. Author's abstract dis. ... cand. ped. sciences. M., 2010. 22 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Зеленко, Н. В. Особенности использования информационно-коммуникационных технологий в дошкольной образовательной организации / Н. В. Зеленко, М. Г. Казарян. – Текст: непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 12–17.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zelenko N. V., Kazaryan M. G. Peculiarities of Using Information-communication Technologies in a Preschool Educational Organization / N. V. Zelenko, M. G. Kazaryan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 12–17. (In Russian).

УЛК: 159.9:004.9

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ С ПОМОЩЬЮ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ

В.В. Пономарева

ACTIVATION OF THE COGNITIVE ACTIVITY OF BACHELOR STUDENTS USING INTERACTIVE METHODS IN THE PROCESS OF LEARNING PSYCHOLOGY

V.V. Ponomareva

Аннотация. В данной статье представлен обзор интерактивных методов обучения, образовательных технологий, которые используются в изучении психологических дисциплин, а также приводятся возможности и практическое значение использования приведённых методов в системе высшего профессионального образования. Основное место в статье отводится анализированию технологий образовательного процесса. Внедрение в современный процесс обучения интерактивных методов — одно из наиболее важных направлений улучшения подготовки обучающихся в современной образовательной организации. Основные инновационные методики на сегодняшний день связаны с использованием интерактивных методов обучения.

Abstract. The article provides an overview of interactive teaching methods, educational technologies used in the study of the disciplines of the psychological cycle. The possibilities and practical significance of using these methods in the system of higher professional education are considered. The central place in the article is devoted to the analysis of case technologies in the educational process. The introduction of interactive teaching methods is one of the most important areas for improving the training of students in a modern educational institution. The main methodological innovations today are associated with the use of interactive teaching methods.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, дискуссия, тренинг, игра, лекция, совместная деятельность, технология обучения, кейс-технологии.

Keywords: interactive teaching methods, discussion, training, game, lecture, joint activity, teaching technology, case technology.

Изменения в высшем образовании обуславливаются движением в направлении инновационной личностно-развивающей модели, а также потребностью в использовании интеллектуально-креативных способностей человека не только для творческой деятельности, но и во всех остальных жизненных позициях.

Одним из наиболее значимых компонентов комплексного реформирования системы высшего образования является переход на двухуровневую

систему обучения, при которой используется компетентностный подход. При анализе нормативно-правовых документов, а также Федеральных государственных образовательных стандартов мы можем констатировать важность изменений в требованиях к процессу обучения. Установка к внедрению в образовательном процессе психологических дисциплин активных и интерактивных методов представляет собой один из таких изменений. В данном контексте следует считать одной из главных целей преподавателя психологии обеспечение продуктивного активного взаимодействия между обучающимися на протяжении целого занятия. Использование интерактивных методов обучения представляет собой один из главных условий всесторонней подготовки обучающихся в педагогическом вузе и главной предпосылкой полноценного внедрения компетентностного подхода.

На сегодняшний день вопросы, которые связанны с рассмотрением теоретических и практических сторон применения интерактивного обучения и его организации при обучении психологии в высшем учебном заведении, представляют для исследователей наивысший интерес. Дефиниция «интерактивный» берёт своё начало от английского "interact" ("inter" — «взаимный», "act" — «действовать»). Из этого следует, что «интерактивные методы» могут быть интерпретированы как «методы, помогающие обучающимся высших учебных заведений контактировать друг с другом».

Активные методы обучения предоставляют возможность полноценно формировать:

- навык адаптации в группе;
- способность устанавливать и налаживать личные контакты, производить обмен информацией;
 - умение принять на себя ответственность за деятельность группы;
 - умение выдвигать и формулировать идеи, проекты;
- способность идти на оправданный риск и приходить к решениям проблем, задействуя креативное мышление;
 - способность обходить повторение ошибок и неточностей;
 - умение доступно и убедительно выражать свои мысли;
 - умение просчитывать свои шаги и видеть наперёд их последствия;
 - способность эффективно управлять своей деятельностью и временем.

Обратим более пристальное внимание на некоторые из них:

Дискуссия. Публичное обсуждение или свободный вербальный обмен знаниями, мнениями. К её характерным чертам можно отнести сочетание взаимодополняющего диалога и обсуждения-спора, противоборство отличающихся друг от друга точек зрения. По сравнению с общепринятой лекционно-семинарской формой обучения дискуссия обладает значительным рядом преимуществ. Для начала, она обеспечивает активное, глубокое, личностное усвоение знаний. Лекция хоть и представляет собой экономичный способ передачи информации, дискуссия имеет более долгосрочный эффект. Активное, заинтересованное, эмоциональное обсуждение ведет к осмысленному

усвоению новых знаний, заставляет человека задуматься, изменить или пересмотреть свои убеждения. Также, во время дискуссии, как правило, можно наблюдать активное взаимодействие обучающихся. Дискуссия обеспечивает понимание того, насколько хорошо обучающиеся понимают вопросы, заданные на обсуждение, и не требует применения более формальных методов оценки. Дискуссионный метод помогает решать следующие задачи: обучение студентов анализированию ситуаций из жизни, формирование навыков фокусировки на важном и избавления от второстепенного и формулирования проблемы; моделирование сложных ситуаций, когда даже самый способный студент не в состоянии самостоятельно учесть все аспекты проблемы, формирование критического мышления. Мозговой штурм (мозговая атака) – представляет собой свободную форму дискуссии, хороший способ быстрого включения всех учащихся в работу на основе свободного выражения своих мыслей по заданной теме. Он применяется для коллективного решения проблем, а также при создании проектов, где имеют место быть генерация среди участников дискуссии различных идей, их отбор и критическая оценка.

В педагогической практике набирает актуальность поиск возможностей для оптимизации известных форм и методов обучения, которые способствуют формированию у них общих и специальных компетенций. Самым эффективным средством представляет собой проблемная лекция. О педагогическом потенциале проблемного обучения, о влиянии на развитие мышления, творческих способностей, мотивов учения и т. д. писали многие ученые. Среди них были следующие: Г.А. Атанов, Т.В. Кудрявцев, И.Я. Лернер, А.М. Матюшкин, М.И. Махмутов и др. Тем не менее исследовательская компетентность является сложным качеством, поэтому требует более тщательного и углубленного исследования.

Лекция с запланированными ошибками. Как только объявлена тема лекции, преподаватель даёт понять, что в ней будет сделано некоторое количество ошибок: содержательные, методические, поведенческие и т. д. Обучающиеся в конце лекции должны назвать ошибки.

Лекция вдвоем. Является работой двух преподавателей, которые читают лекцию по одной и той же теме и контактирующих как между собой, так и с аудиторией. В диалоге преподавателей и аудитории реализуется постановка проблемы и анализирование проблемной ситуации, выдвижение гипотез, их опровержение или доказательство, разрешение возникающих противоречий и поиск решений.

Лекция-визуализация. В рассматриваемом типе лекции передача преподавателем знаний учащимся сопровождается презентацией всевозможных изображений, структурно-логических схем, опорных конспектов, диаграмм и т. п. с помощью TCO и ЭВМ.

Лекция «пресс-конференция». Преподаватель даёт учащимся задание письменно в течение 2–3 минут задать ему интересующий каждого из них вопрос по заранее оговорённой теме. Затем он в течение 3–5 минут систематизирует

эти вопросы по их содержанию и приступает к чтению лекции, включая ответы на заданные вопросы в ее содержание.

Лекция-диалог. Содержание преподносится через целый ряд различных вопросов, на которые обучающиеся отвечают в процессе самой лекции. Вариативность форм и методов интерактивного обучения не даёт возможность в обзорной статье дать тщательное описание всех их. В связи с этим, дальше начнут рассматриваться самые общие и часто применяемые технологии интерактивного обучения.

Таким образом, в проблемной лекции обеспечивается усвоение теоретических знаний, развитие теоретического мышления, формирование познавательного интереса к содержанию предмета и профессиональной мотивации.

Главными методами организации проблемной ситуации представляют собой следующие: включение определенного типа противоречий, изменения мнений преподавателя по отношению к учащимся на различных этапах решения, изменение позиции учащихся для организации перехода от старого этапа решения проблемы к новому.

Компонентами проблемной лекции являются объект познания, субъект познания и процесс взаимодействия.

Деловая игра – представляет собой средство моделирования различных условий профессиональной деятельности путём исследования новых путей ее реализации. Деловая игра является имитацией разных аспекты активности человека и социальных контактов. Игра представляет собой метод эффективного обучения, так как убирает несоответствия между абстрактным характером дисциплины и реальным характером профессиональной деятельности. Целями применения являются формирование познавательных профессиональных мотивов и интересов, системного мышления, передача целостного представления о профессиональной деятельности и её важнейших аспектах, учитывая эмоционально-личностное восприятие, обучение коллективной мыслительной и практической работе. Помимо этого, формирование умений и навыков социального взаимодействия и общения, навыков индивидуального и совместного принятия решений, воспитание ответственного отношения к делу, уважения к социальным ценностям и установкам коллектива и общества в целом, кроме того обучение методам моделирования, в том числе социального проектирования. Деловая игра даёт возможность найти решение трудных проблемных ситуаций благодаря применению особых правил, стимулирования творческой активности обучающих с использованием специальных методов работы. К видам учебных деловых игр относят такие виды, как тренинг отдельного навыка, тренинг комплекса навыков, демонстрация навыка, демонстрация типичных ошибок и др.

Хочется отметить, что интерактивные методы обучения, которые строятся на отношениях между разными людьми, вполне удовлетворяют парадигму современного образования, которая в настоящее время направлена на всестороннее и полноценное развитие личности. Более того, интерактивные методы

не только формируют активность восприятия и личностную значимость в обучении, но и способствуют их развитию.

Интерактивные методы обучения отличаются от методов традиционного обучения в использовании жизненного опыта, раскрытии личностных и профессиональных способностей, используя анализирование и систематизацию получаемых знаний.

Через интерактивные методы обучающиеся осваивают различные знания, квалификацию, навыки и умения. А именно:

- формирование критического мышления, рефлексивных способностей;
- анализирование и оценка своих идей и действий;
- личностное понимание, анализ и умение отбирать поступающую информацию;
 - формирование нового знания;
 - участие в обсуждениях, отстаивание своего мнения;
 - принятие решений в сложных вопросах.

В процессе интерактивного обучения студенты должны быть готовы к следующим действиям:

- коллективной работе;
- активности с позиции восприятия, коммуникативности и социальности.

Кейс-метод. Ситуация, совокупность обстоятельств, при которых развивается деятельность индивида, группы, организации, которая требует определённого решения, однако не имеет быстрого однозначного разрешения для выхода из положения. Кейс-метод – улучшенный метод анализирования особенных ситуаций, метод активного проблемно-ситуационного анализирования, основанный на обучении путем решения конкретных задач ситуаций. Достоинства метода представляют собой в развитие аналитического мышления, что обеспечивает системный подход к решению проблемы, а также даёт возможность делать акцент на вариантах правильных и ошибочных решений, выбор критериев поиска оптимального решения проблемы, принятие совместных решений. Учащимся не представляет труда соотносить получаемый багаж знаний с практической ситуацией, что вносит в обучение элемент загадки, тайны. Основная цель метода «case-study» в том, что обучающиеся должны проанализировать ситуацию, разобраться в сути проблем, высказать предположения по поводу возможных решений и выбрать наилучшее. Кейсы могут быть практические, обучающие и исследовательские. Метод особенных ситуаций относят к неигровым имитационным активным методам обучения. При анализировании особенных ситуаций у студентов идёт развитие навыков коллективной работы, что даёт больше возможностей для решения банальных проблем в рамках обозначенной темы. При исследовании особенных ситуаций учащемуся даётся задание понять ситуацию, оценить обстановку, определить, есть ли в ней проблема и в чем ее суть. Иначе говоря, определить свою роль в решении проблемы и выработать соответствующую линию поведения.

Метод особенных ситуаций разбивается на следующие этапы: подготовительный, ознакомительный, аналитический и итоговый. Метод "case-study" широко применяется в обучении экономике и бизнес-наукам на Западе. Метод анализирования особенных ситуаций насчитывает около 30 модификаций, одной из которых представляет собой кейс-метод. Это техника обучения, которая применяет описание жизненных ситуаций. Студентам говорят провести анализ ситуации, разобраться в сути проблем, предложить возможные варианты решения и выбрать наилучший. Кейс-метод концентрирует в себе значимые достижения технологии «создание успеха». Для него характерна активизация обучающихся, стимулирование их успеха, расстановка акцентов на достижении участников. Именно ощущение успеха является движущей силой метода, способствует формированию устойчивой позитивной мотивации и наращиванию познавательной активности.

В процессе интерактивного обучения студент учится формулировать свое мнение, правильно доносить его до других людей, обосновывать свою позицию, а также вести дискуссию.

В заключении хочется отметить, что интерактивные методы обучения в полной мере соответствуют личностно-ориентированному подходу, поскольку предполагают сообучение. Надо также сделать акцент на том, что и студенты, и преподаватель представляются субъектами учебного процесса. Педагог чаще выступает лишь в роли организатора процесса обучения, лидера группы и создателя условий для инициативы учащихся. Интерактивное обучение основано на собственном опыте обучающихся, их прямом взаимодействии с областью осваиваемого профессионального опыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Косолапова, М. А. Развитие профессиональной компетентности преподавателя технического вуза при повышении квалификации / М. А. Косолапова, В. И. Ефанов. Текст: непосредственный // Материалы международной научнометодической конференции «Современное образование: проблемы обеспечения качества подготовки специалистов в условиях перехода к многоуровневой системе высшего образования». Томск: ТУСУР, 2012.
- 2. Костерина, И. В. Специфика изучения гуманитарных дисциплин в вузе: аксиологический аспект / И. В. Костерина. Текст : непосредственный // Совет ректоров. 2013. № 9.
- 3. Максимов, Р. С. Использование интерактивных форм обучения для активизации познавательного процесса у студентов прикладного бакалавриата / Р. С. Максимов, А. Д. Клыков. Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. 2016. № 6 (108).
- 4. Hewstone, M., Stroebe, W and Jonas, K (2008). Introduction to Social Psychology. Blackwell.

REFERENCES

1. Kosolapova M.A., Yefanov V.I. The Development of professional competence of a teacher of a technical university with advanced training. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «Sovremennoye obrazovaniye: problemy obespecheniya kachestva podgotovki spetsialistov v usloviyakh perekhoda k*

mnogourovnevoy sisteme vysshego obrazovaniya» = Materials of the International Scientific and Methodological Conference "Modern Education: Problems of Ensuring the Quality of Training in a Transition to a Multilevel System of Higher Education". Tomsk, TSUSMR, 2012.

- 2. Kosterina I.V. Specificity of studying humanitarian disciplines at the university: axiological aspect. *Sovet Rektorov = Council of Rectors*, 2013, No. 9.
- 3. Maksimov R.S., Klykov A.D. The use of interactive forms of education to activate the cognitive process among students of applied bachelor's degree. *Al'manakh Sovremennoy Nauki i Obrazovaniya* = *Almanac of Modern Science and Sducation*, Tambov, Gramota, 2016, No. 6 (108).
- 4. Hewstone M., Stroebe W., Jonas K. Introduction to Social Psychology. Blackwell, 2008.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пономарева, В. В. Активизация познавательной деятельности студентов-бакалавров с помощью интерактивных методов в процессе обучения психологии / В. В. Пономарева. – Текст: непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 18–24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ponomareva V. V. Activation of the Cognitive Activity of Bachelor Students Using Interactive Methods in the Process of Learning Psychology / V. V. Ponomareva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 18–24. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

УДК 9.94

ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ НА КАВКАЗЕ: ОБРАЗОВАНИЕ И РЕЛИГИЯ

Д.А. Гармышев

RUSSIAN SOFT POWER POLICY IN THE CAUCASUS: EDUCATION AND RELIGION

D.A. Garmyshev

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние религии на такое государственное образование как Северо-Кавказский имамат под руководством Шамиля, а также попытки российской администрации воздействовать на горцев посредством сотрудничества с мусульманским духовенством. Религиозное мусульманское образование в XIX веке получило широкое распространение на территории Дагестана, и во многом, поддерживало необходимую для существования государственных институтов идеологию. Именно в этот период в Дагестане в большом количестве появляются исламские ученые, которые могли выступать как проводниками идеи установления мира с Россией, так и идеологами продолжения боевых действий. Установление контактов с духовенством и распространение светского образования в среде горцев со стороны русской администрации рассматривается автором как одно из проявлений «мягкой силы», способствовавшей установлению российской власти в регионе.

Abstract. The article examines the influence of religion on such a state entity as the North Caucasian Imamate under the leadership of Imam Shamil, as well as the attempts of the Russian administration to influence the highlanders through cooperation with the Muslim clergy. Religious Muslim education in the 19th century became widespread on the territory of Dagestan and in many respects supported the ideology necessary for the existence of state institutions. It was during this period that Islamic scholars appeared in large numbers in Dagestan and they could act both as proponents of the idea of establishing peace with Russia and as ideologists of the continuation of hostilities. The establishment of contacts with the clergy and the spread of secular education among the highlanders on the part of the Russian administration are considered by the author as one of the manifestations of "soft power" that contributed to the exercising of Russian authority over the region.

Ключевые слова: имамат, ислам, мюридизм, Шамиль, Кавказская война, Дагестан, шариат, адаты.

Keywords: Imamat, islam, muridism, Shamil, Caucasian War, Dagestan, shariat, adats.

Религия играла одну из главных ролей в таком теократическом государственном образовании, каким был Северо-Кавказский имамат под предводительством Шамиля. Имам, глава государства, обладал одновременно

и светской, и духовной властью. Главной задачей для Шамиля, как для духовного лица, было введение шариата — мусульманского свода законов. Он должен был прийти на смену адатам — местным законам, принятым на Кавказе. В Дагестане были все возможности для распространения шариата — влияние религии на население очень быстро росло.

Известный татарский просветитель и востоковед Реза Фахретдин высоко оценивал уровень развития и распространения религиозных знаний в Дагестане. Среди улемов (мусульманских ученых) он особо отмечал Мухаммеда бин Мусу-ал-Кадыки аш-Ширвани, считая его наставником нескольких видных татарских духовников [1, с. 30].

Сведения о распространении исламских знаний подтверждаются и дагестанским летописцем Гаджи-Али из Чоха. Перечисляя науки, которые он изучал, Гаджи-Али упоминает законоведение, хадисы, тафсир (толкование Корана), сияр (историю войн, проводимых пророком Мухаммедом), таухид (наука о единобожии), сулюк или тарикат (наука о благочестии и газавате), аруз (стихосложение) и нуджум (астрономия) [2, с. 7]. Другой современник Шамиля, Абдурахман из Газикумуха, фактически, называет тот же перечень наук, добавляя риторику и теорию диспута. Об остальных науках говорится, что ими занимаются редко, «особенно илм ал-хуласа, при помощи которой исчисляются многие единицы (цифры) [3, с. 85].

Дагестанские источники сохранили имена большого количества людей, прошедших путь от простых мутаалимов до известных в Дагестане исламских ученых [3, с. 95]. По этим сведениям заметно, что дагестанское общество было готово к установлению шариата в качестве основной законодательной базы. Дополнительной причиной для поддержки шариата могло быть несовершенство адатного законодательства, нередко бывшего нечестным по отношению к самым незащищенным слоям населения.

Сам Шамиль в свое время получал религиозное образование, путешествуя от одного учителя к другому. Естественно, в период управления имаматом Шамиль всячески покровительствовал изучению шариата горцами. Юношей, изучавших ислам, называли мутаалимами. Согласно сохранившимся сведениям, мутаалимы жили в мечети того селения, куда они пришли учиться. Питались они за счет закята (обязательного налога, уплачиваемого каждым мусульманином), которым распоряжался местный кадий [3, с. 92].

Впоследствии власть Шамиля распространилась и на соседнюю Чечню, достигнув фактически пика своего могущества. Исследователь Х.Х. Рамазанов называет это время «этапом, когда государство (имамат) по-настоящему работало и развивалось [4, с. 382]. Законодательство Шамиля, изложенное в принятом «Низаме» решило многие проблемы как дагестанцев, таки присоединившихся к Шамилю чеченцев.

Муса Кундухов в своих мемуарах отмечал значимость прихода к власти Шамиля в Чечне: «Признавши Шамиля Имамом между всеми тогдашними племенами водворилось никогда до того небывалое единодушие и согласие.

Забыли постоянно между ними существовавшую вражду и кровомщение. Обычное скотокрадство совершенно бросили...» [5, с. 10].

В действительности, шариатское законодательство всерьез облегчило жизнь горцам, долгое время жившим по адатам. К примеру, по сохранившемуся Кодексу законов Умму-Хана Аварского (Справедливого), за нанесение серьезных увечий (лишения руки, ноги или глаза), провинившийся выплачивал штраф в размере ста овец [6, с. 281]. Шамиль, осознавая, какие проблемы стоят перед его народом, существенно смягчил наказания, ведь имамату были необходимы здоровые воины.

Ранее русская администрация в лице генерала Ермолова пыталась воздействовать на горцев, в том числе и через религию. Исследователь А. Казем-бек пишет о Ермолове так: «Политика его состояла, между прочим, в том, чтобы привязать к себе духовное сословие горцев, действуя в то же время на князей мерами строгости и щедрости [7, с. 24]. Кроме того, сам генерал долгое время состоял в личной переписке с Саидом Араканским — одним из главных знатоков ислама в Дагестане [8, с. 395]. Однако авторитет Саида Араканского падал, и сделанная на него ставка не сыграла.

Еще одной попыткой повлиять на религиозный распорядок горцев можно считать составленную в 1820 году «Молитву за царя» [9, с. 40]. Современные исследователи приводят сведения о специально разработанных пятничных проповедях, которыми священнослужители «поучали народ, толковали им обязанности их к богу, царю, правительству и ближним» [4, с. 191].

В середине 1836 года по поручению царских властей прибыл в Дагестан проповедник Тазадин Мустафин. Под видом путешественника он объехал ханства Аварское, Казикумухское, Кюринское, Мехтулинское, шамхальство Тарковское и притавство кумыкское, «разоблачая неправильность шариата» [10, с. 76].

Подобные меры показывают, что покорение Кавказа происходило во многом, благодаря использованию мер мирного воздействия на горское население. Несомненно, главным фактором влияния можно смело считать образование. Использование русским командованием принятой на Кавказе практики аманатства можно считать довольно успешной. Аманатство представляло собой принятую в исламском обществе форму заложничества, в ходе которых одна из сторон, в подтверждение своих мирных намерений, предоставляла другой на время своего человека в качестве гаранта. В первую аманатскую школу, открытую в Нальчике в 1820 году, адыги, в знак своей покорности России отправили на учебу 916 учеников [11, с. 12]. Данные школы не только способствовали инкорпорации народов Северного Кавказа в правовое поле Российской империи, но и давали примеры мирного сосуществования горских народов и русского населения.

В дальнейшем, складывавшееся отношение к религиозному образованию можно проследить как по источникам, так и по художественной литературе. Примеры стремления к получению светского образования можно проследить по дневниковым записям, сохранившимся в «Сборнике сведений о кавказских

горцах». Отец, в молодости занимавшийся набегами, отправляет сына на учебу в Россию, перед этим наставляя: «...Что до того времени считалось в молодом человеке благородною и хорошею чертою, то теперь русскими властями считается преступлением» [12, с. 2].

Многие горцы стремились дать своим детям образование в российских учебных заведениях, желая им лучшего будущего и успешной карьеры. При этом, естественно, об основах религиозного образования никто не забывал, о чем говорит нередкое упоминание совершение намаза отправившимся на учебу гимназистом.

Диалог о важности получения образования в русских школах можно прочитать в художественной литературе. В романе А. Айдамирова «Долгие ночи» один из героев, Берс, говоря своему молодому родственнику о пользе обучения в русской школе, приводит примеры генерала Александра Чеченского и художника Петра Захарова, выходцев из чеченского народа, сумевших прославиться на всю Россию [13, с. 161–162]. Несмотря на то, что книга была написана во второй половине XX века, этот фрагмент демонстрирует отношение многих горцев к получению образования в русских школах.

Религия в имамате выполнила консолидирующую роль в нескольких кризисных периодах: после смерти Гамзат-бека, после поражения Шамиля при Ахульго. Однако справиться с новыми вызовами установленная Шамилем система не могла. Уже в 1846 году в письме к М.С. Воронцову, тогдашнему кавказскому наместнику, А.П. Ермолов пишет: «...я вижу из письма твоего, что многие из горцев, и даже некоторые значительные лица, высказывают негодование свое на жестокое правление его и власть, достигающую до степени невыносимой» [14, с. 501]. Там же генерал утверждает, что недовольные имамом народы будут «искать помощи в оружии нашем».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на серьезный успех религиозных преобразований Шамиля — удачной борьбы с обычаями кровной мести, создания нового законодательства, развития религиозного образования, созданная имамом система не решила всех проблем общества. Перед имаматом стояли серьезные, в том числе и экономические проблемы, которые созданная Шамилем система была не в силах решить.

Несмотря на не всегда успешные попытки сотрудничества с мусульманским духовенством, русская администрация на Кавказе сумела показать простым горцам выгоды сотрудничества, и в том числе через получение светского образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Набиев, Р. А. Ислам и государство. Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке / Р. А. Набиев. Казань : Изд-во Казанского университета, 2002. 244 с. Текст : непосредственный.
- 2. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / Гаджи-Али. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1990. 78 с. Текст : непосредственный.

- 3. Абдурахман из Гази-Кумуха. Книга Воспоминаний. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1997. 240 с. Текст : непосредственный.
- 4. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-е-60-е гг. XIX в. Махачкала : Юпитер, 2006. 520 с. Текст : непосредственный.
- 5. Кундухов, М. Мемуары / М. Кундухов. Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с. Текст : непосредственный.
- 6. Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв. Махачкала : Эпоха, 2007. 300 с. Текст : непосредственный.
- 7. Казембек, А. Мюридизм и Шамиль / А. Казембек. Махачкала, 1991. 64 с. Текст : непосредственный.
- 8. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. М. : Высшая школа, 1991. 463 с. Текст : непосредственный.
- 9. Доного, X.-М. По тропам столетий / X.-М. Доного. Махачкала : Эпоха, 2016. 384 с. Текст : непосредственный.
- 10. Халилов, А. М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля / А. М. Халилов. Махачкала : Дагучпедгиз, 1991. 182 с. Текст : непосредственный.
- 11. Бекоева, Т. А. Правительственные школы в Северо-Кавказском регионе (конец XVIII вторая половина XIX столетия) / Т. А. Бекоева, А. Г. Кудзаева. Текст : непосредственный // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. N 5.
- 12. Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) / Г.-М. Амиров. Текст : непосредственный // ССОКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 2. Текст : непосредственный.
- 13. Айдамиров, А. Долгие ночи / А. Айдамиров. М. : Наука. 591 с. Текст : непосредственный.
- 14. Ермолов, А. П. Кавказские письма / А. П. Ермолов. СПб. : Звезда, 2014. $832\ c.$ Текст : непосредственный.

REFERENCES

- 1. Nabiev R. A. *Islam i gosudarstvo: kulturno-istoricheskaya evoluciya musul-manskoy religii na Evropeyskom Vostoke* [Islam and the State. Cultural and Historical Evolution of the Muslim Religion in the European East]. Kazan, Publishing House of Kazan University, 2002. P. 244.
- 2. Gadzhi-Ali. *Skazanie ochevidca o Shamile* [Eyewitness account of Shamil]. Makhachkala, Dagknigoizdat, 1990. 78 p.
- 3. Abdurakhman of Gazikumukh. *Kniga vospominaniy* [Book of Memories]. Makhachkala, Dagestan Books Publishing House, 1997. 240 p.
- 4. *Kavkazskaya voyna: narodno-osvoboditelnaya borba gorcev Severnogo Kavkaza v 20e–60e gg. XIX v.* [The Caucasian War: People's Liberation Struggle of the Highlanders of the North Caucasus in the 1820–1860s]. Makhachkala, Publishing House «Yupiter», 2006. 520 p.
- 5. Kundukhov M. *Memuary* [Memoirs]. Vladikavkaz: V. Gassiev Publishing and Printing Company. 92 p.
- 6. Zakony volnyh obstchestv Dagestana XVII–XIX vv. [Laws of Free Societies of Dagestan of XVII–XIX Centuries]. Makhachkala, Epokha, 2007. 300 p.

- 7. Kazembek A. *Muridizm I Shamil* [Muridism and Shamil]. Makhachkala, 1991. 64 p.
- 8. *Zapiski A. P. Yermolova* [The Notes of A.P. Yermolov]. 1798–1826. Moskva, Visshaya Shkola, 1991. 463 p.
- 9. Donogo K.M. *Po tropam stoletiy* [Following the Paths of Centuries]. Makhachkala, Epokha, 2016. 384 p.
- 10. Khalilov A.M. *Nacionalno-osvoboditelnoe dvizhenie gorcev Severnogo Kavkaza pod predvoditelstvom Shamilya* [The National Liberation Movement of the Gortsy of the North Caucasus Led by Shamil]. Makhachkala, Daguchpedgiz, 1991. 182 p.
- 11. Bekoeva T. A. Kudzaeva A. G. Government schools in the North Caucasus region (late 18th second half of the 19th century). *Ekonomicheskie i Gumanitarnie Issledovaniya Regionov = Economic and Humanitarian Studies of Regions*, 2016, No. 5.
- 12. Amirov G.-M. *Sredi gorcev Severnogo Dagestana* (Iz dnevnika gimnazista) [Among the Gortsy of Northern Dagestan (from the diary of a high school student)]. Sbornik svedeniy o kavkazskih gorcah. Tiphlis, 1873. Iss. 7. P. 2.
- 13. Aydamirov A. A. *Dolgie Nochi* [Long Nights]. M., Publishing House «Nauka», 2020. 591 p.
- 14. Yermolov A. P. *Kavkazskie pisma* [Caucasian letters]. Spb., Journal «Zvezda», 2014.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гармышев, Д. А. Политика «мягкой силы» России на Кавказе: образование и религия / Д. А. Гармышев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 25–30.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Garmyshev D. A. Russian Soft Power Policy in the Caucasus: Education and Religion / D. A. Garmyshev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 25–30. (In Russian).

УДК 94 (470.6)

ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕВДОКИМОВ И ЧЕЧНЯ Часть 1. Введение. Большая и Малая Чечня, Аух (1856—1857 гг.)

А.А. Головлёв, С.Л. Дударев

GENERAL NIKOLAY IVANOVICH EVDOKIMOV AND CHECHNYA Part 1. Introduction. Bolschaya and Malaya Chechnya, Aukh (1856–1857)

A.A. Golovlyov, S.L. Dudarev

Аннотация. Введение, которым открывается первая часть серии статей о генерале Н.И. Евдокимове, содержит краткий обзор предшествующих публикаций о генерале, описание трудностей ведения боевых действий в Чечне, военно-стратегической ситуации в Малой и Большой Чечне перед назначением Н.И. Евдокимова начальником Левого фланга Кавказской линии и предысторию занятия русскими войсками гор Чечни. Затем показана деятельность генерала Н.И. Евдокимова в период с начала 1856 г. и по конец 1857 г., связанная с созданием на предгорной плоскости Чечни и в Аухе надёжного тыла, опираясь на который, можно было приступить к наступательным действиям против имамата Шамиля в чеченских горах.

Abstract. The introduction, which opens the first part of a series of articles about General N.I. Evdokimov, contains a brief overview of previous publications about the general, a description of the difficulties of conducting hostilities in Chechnya, the military-strategic situation in Malaya and Bolshaya Chechnya before the appointment of N.I. Evdokimov as the head of the Left flank of the Caucasian line and the background of the occupation mountains of Chechnya by the Russian troops. N.I. Evdokimov's activity in the period from the beginning of 1856 to the end of 1857 is shown that is associated with the creation of a reliable rear on the piedmont plain of Chechnya and in Aukh, relying on which it was possible to start offensive actions against the imamate Shamil in the Chechen mountains.

Ключевые слова: генерал-лейтенант Н.И. Евдокимов, Чечня, Малая Чечня, Большая Чечня, Аух, имам Шамиль, война на Восточном Кавказе.

Keywords: General N.I. Evdokimov, Chechnya, Malaya Chechnya, Bolshaya Chechnya, Aukh, Imam Shamil, war in the East Caucasus.

В 2019 г. исполнилось 160 лет со времени пленения имама Шамиля, без малого, четверть века возглавлявшего борьбу горцев Чечни и Дагестана с армией Российской империи на Кавказе, и окончания войны на Восточном Кавказе. В год победоносного для Российской империи завершения военных действий на Восточном Кавказе вышли публикации об имаме Шамиле [1; 2], а вот подобные материалы о генерале Н.И. Евдокимове (рис. 1), сыгравшем ключевую роль в поражении войск имама Шамиля и замирении Чечни, служившей главным его оплотом, не были тогда опубликованы. Спустя многие годы, были изданы краткие биографические очерки о Н.И. Евдокимове [3—5]. В царское время наиболее полное его жизнеописание подготовил И.И. Ореус, напечатавший в журнале «Русская старина» цикл публикаций (см., например, [6]).

В советское время интересующая нас тема не считалась приоритетной по идеологическим соображениям, и потому специально не разрабатывалась. Для историков национальных республик Северного Кавказа указанная тема представлялась малоинтересной, поскольку она была связана с победами русского оружия в Чечне и Дагестане. Местным специалистам (в частности, историкам и писателям чеченской национальности) в большей степени импонировали темы, связанные с антиколониальной, национально-освободительной борьбой горцев с имперской Россией, народными восстаниями угнетённых горских масс против царских колонизаторов, а также темы о беспримерных подвигах народных героев, бесстрашных народных мстителях (абреках) и горцах-большевиках. Зачинателем тематически однобокого, национально-акцентированного показа исторического прошлого Чечни можно считать А.Г. Авторханова [7], бывшего члена ВКП(б), перешедшего на службу фашистской Германии и ставшего видным западным политологом-антисоветчиком. В книге А.Г. Авторханова содержится глава VII, озаглавленная «Шамиль и Чечня», но нет ни одного упоминания о победителе имама Шамиля генерал-лейтенанте Н.И. Евдокимове 1.

Рис. 1 — Кавказский герой, победитель имама Шамиля в Чечне, ген.-ад., ген.-от-инф., граф Николай Иванович Евдокимов, 1877 г. [3]

В постсоветское время тяготение местных специалистов к вышеуказанным темам не ослабло. Одновременно на общероссийском уровне возник интерес к прежде забытым и не популярным темам о царских генералах, воевавших

¹ В статье используются следующие сокращения: генерал-лейтенант — ген.-л., генералмайор — ген.-м., генерал от инфантерии — ген.-от-инф., генерал-адъютант — ген.-ад., полковник — полк., подполковник — подп., граф — гр., барон — бар., князь — кн., крепость — кр., укрепление — укр. Даты в статье приведены по старому стилю.

на Кавказе. В числе первых была опубликована статья С. Кухарук [8] о ген.-л. Н.И. Евдокимове. Затем в весьма обстоятельной статье В.В. Русецкого [9] была раскрыта военная и административная деятельность Н.И. Евдокимова на Кавказе и, в общих чертах, боевая деятельность в Чечне.

Несколько позже А.С. Дзагалов [10] попытался очернить деятельность Н.И. Евдокимова на Кавказе, используя для этого архивные материалы ген.-от-инф. кн. Д.И. Святополк-Мирского. Разумеется, Н.И. Евдокимов, совершивший головокружительную профессиональную карьеру, имел немало идеологических противников, завистников, злопыхателей и врагов. К оппонентам Н.И. Евдокимова относительно способов управления российской власти в постшамилевской Чечне относился кн. Д.И. Святополк-Мирский.

В статье Ш.А. Гапурова с соавт. [11], посвящённой деятельности Н.И. Евдокимова в Чечне в 1858—1859 гг., генерал был показан как большой поклонник ген.-от-инф. А.П. Ермолова. Авторы этой статьи утверждают, что Н.И. Евдокимов в указанный период действовал в Чечне очень жёсткими, а зачастую жестокими, методами¹. Наконец, Ю.Ю. Клычников [12] издал первую монографию о Н.И. Евдокимове, в которой даётся полноценный исторический портрет генерала, за исключением подробного освещения периода его боевой деятельности в Чечне на завершающем этапе войны на Восточном Кавказе. Поэтому роль ген.-л. Н.И. Евдокимова в замирении Чечни и приближении мира на Восточном Кавказе представляется нам не полностью раскрытой и по достоинству не оценённой. Восполнить этот пробел — цель настоящей статьи.

_

¹ К работам современных грозненских авторов следует относиться предельно осторожно. Пример недобросовестности и тенденциозности содержит указанная статья. Стремясь обвинить ген.-л. Н.И. Евдокимова в жестоких действиях в Чечне в 1858-1859 гг., авторы приводят цитату из 12 тома «Актов Кавказской археографической комиссии» (без должного библиографического оформления этого источника и без указания страницы, с которой была взята цитата). Мы нашли в «Актах...» [13] страницу 1132, с которой была взята цитата. На этой странице описывается операция отряда русских войск под начальством опытного и храброго военачальника - командующего войсками в Прикаспийском крае ген.-л., бар. Александра Евстафьевича Врангеля. Под умелым командованием А.Е. Врангеля русский отряд занял неприятельский редут Зандак-капу, располагавшийся на труднодоступной горе, рассеял по лесам неприятельскую пехоту и конницу, прикрывавшую отход жителей из немирных Зандакских хуторов. Быстрым движением через лес А.Е. Врангель окружил Зандакские хутора, в которые вошли русские драгуны, всадники Дагестанского конноиррегулярного полка и конная милиция, состоявшая из горцев. Они сожгли до 150 саклей вместе с бывшими в них хлебными запасами, захватили одного пленного и часть имущества и скота, оставленного жителями. Неприятель бежал, а отряд А.Е. Врангеля без выстрела, с добычей, вернулся в лагерь. Á la guerre comme á la guerre! Вопреки утверждениям обвинителей Н.И. Евдокимова, в описанном эпизоде нет фактов жестокости как таковой, и, тем более, нет фактов жестокости, превышающей жестокость самого «Ярмула» (ген.-от-инф. А.П. Ермолова). Тем более Н.И. Евдокимов к описанному эпизоду имел лишь косвенное отношение, поскольку А.Е. Врангель действовал в Ичкерии лишь по его просьбе для отвлечения внимания имама Шамиля от защиты Ведено [14, с. 343]. По другим данным [15], А.Е. Врангель исполнял распоряжение главнокомандующего кн. А.И. Барятинского. В таком случае, к занятию Зандакских хуторов Н.И. Евдокимов не имел никакого отношения.

Война России с имаматом Шамиля ко времени назначения в июле 1856 г. командующим Отдельным Кавказским корпусом кн. А.И. Барятинского, ставшего наместником Кавказским и генералом от инфантерии, продолжалась почти 22 года. Поэтому по прибытии на Кавказ кн. А.И. Барятинский предпринял энергичные действия для скорейшего завершения чересчур затянувшейся войны В первую очередь, он начал поиск подходящего для умиротворения Чечни многоопытного боевого генерала, не понаслышке знавшего о ней. Тщательно изучая кандидатуры на трудный и важный пост начальника Левого фланга Кавказской линии, А.И. Барятинский обратил внимание на ген.-м. Н.И. Евдокимова, которого с давних пор знал как храброго, твёрдого и исполнительного начальника [17]. Окончательно убедившись в том, что Н.И. Евдокимов есть тот самый многоопытный военачальник, близко знакомый с горцами и особенностями ведения боевых операций в Чечне, назначил его начальником Левого фланга Кавказской линии.

Чечня как театр предстоящих военных действий против имама Шамиля не была для ген.-м. Н.И. Евдокимова terra incognita. Родившийся в 1804 г. в казачьей станице Наурской [18], расположенной на Терской кордонной линии, и проживший в ней до 1813 г., Н.И. Евдокимов с детства имел представление о Чечне и чеченцах. Будучи офицером, он участвовал в летней (1840 г.) экспедиции генерала А.В. Галафеева в Чечню и кровавом сражении на р. Валерик, а затем в печально знаменитой для русских войск Ичкеринской (1842 г.) экспедиции ген.-ад. П.Х. Граббе [5]. Направляясь в конце 1856 г. в Чечню в качестве начальника Левого фланга Кавказской линии, Н.И. Евдокимов, надо думать, осознавал, что Чечня — «орешек» особой твёрдости, и тому были причины как природные, так и связанные с менталитетом народа.

К числу серьёзных преград, созданных в Чечне природой, для ведения наступательных действий русской армии, следует отнести густые, труднопроходимые леса, произраставшие на предгорной плоскости и в Чёрных горах. Леса эти на плоскости пересекались множеством быстрых рек с крутыми берегами, илистыми и топкими ручьями (так называемыми шавдонами). Вдобавок, лесные массивы в различных частях плоскости Чечни были заболочены. Чеченцы усиливали неприступность предгорной плоскости, создавая на пути движения русских войск лесные завалы (баррикады) из срубленных вековых деревьев дуба и бука, за которыми укрывались горские стрелки.

На лесных полянах предгорной плоскости находились аулы и хутора чеченцев, пахотные и пастбищные угодья. Многие аулы были приспособлены для ведения обороны, в случае приближения к ним неприятеля. Действия чеченцев при подходе русских войск к их аулам были отработаны до автоматизма: женщины, дети, старики, домашний скот и движимое имущество быстро перемещались в окрестные леса, тогда как вооружённое мужское население занимало

¹ Деятельность кн. А.И. Барятинского по покорению Кавказа проанализировал В.М. Муханов [16].

оборонительные позиции¹. Чеченцы умышленно не разрабатывали дороги, желая максимально затруднить русским войскам подход к своим поселениям.

В горах Чечни, помимо лесов и стремительных рек, протекавших в глубоких крутоврезанных ущельях, серьёзными препятствиями для ведения боевых действий являлись крутые, скалистые горы и полное отсутствие колёсных дорог, пригодных для движения войск и провоза артиллерии, боеприпасов, продовольствия. Многие чеченские аулы защищали каменные боевые башни.

Менталитет чеченцев, живших до переселения на плоскость в горах, веками формировался в борьбе не только с суровой природой, но и с однотейповцами, представителями соседних тейпов и общими для всех внешними угрозами. Такие не редкие качества чеченцев как высокий боевой дух и умение воевать, стойкость, решительность, дерзость, при имаме Шамиле, взявшем под жёсткий контроль некогда вольные общества Чечни, были канализированы под знаменем газавата на борьбу с «гяурами» (неверными).

Жители Чечни, испокон веку отличавшиеся воинственностью, за десятилетия военной жизни привыкли к тягостям и лишениям, и стойко переносили их. Под руководством опытных наибов и самого имама, отряды чеченцев оказывали упорное сопротивление русским войскам, совершали нападения на передовые укрепления и посты, рубщиков леса и транспортные оказии, казачьи станицы Сунженской и Терской линий. Всё это в совокупности свидетельствовало о том, что умиротворение Чечни — архисложная задача, попытка решения которой могла обернуться крупными потерями личного состава и значительными затратами финансовых и материальных средств, но не принести успеха.

Решением задачи по овладению Чечнёй, прежде никем не выполненной, вплотную занялся начальник Левого фланга Кавказской линии 52-летний ген.-м. Н.И. Евдокимов. В схематичном виде план действий по занятию Чечни и вытеснению имама Шамиля в Дагестан состоял из 4 этапов. Вначале Н.И. Евдокимов предполагал взять под полный контроль предгорную плоскость Чечни (Малая и Большая Чечня) и низкогорья Ауха². Для русских войск указанные территории должны были сделаться надёжным тылом, обеспечивавшим наступательные действия в горах Чечни. На подконтрольной русским войскам предгорной плоскости планировалось разместить подвластное имаму

нападение отряда русских войск.

¹ Одно из немногих исключений из общего правила представляет аул Дады-юрт, располагавшийся в глухой местности среди лесов, топких ручьёв и болот на Гудермесской плоскости (ныне степной и безводной). На предложение русского командования покинуть Дады-юрт, назначенный к разрушению в ответ за нападения на Терскую линию, жители аула отказались это сделать, полагая, что сумеют защитить себя и свои семейства и отбить

² Под Малой Чечнёй понимается предгорная плоскость, расположенная между р. Аргун и Назрановской возвышенностью, а под Большой Чечнёй — предгорная плоскость между Аргуном и Качкалыковским (Гудермесским) хребтом. С севера Малая и Большая Чечня ограничивались р. Сунжей, а с юга — подошвой северного склона Чёрных гор. Аух — северозападная часть Дагестана, населённая чеченцами (преимущественно аккинцами).

Шамилю немирное чеченское население, укрывавшееся в Чёрных горах и в дебрях лесов на равнине, переведя его в категорию замирившегося и вступившего в подданство России. Обеспечив прочный тыл, Н.И. Евдокимов намеревался занять труднодоступное Аргунское ущелье, затем Чанты-Аргунское ущелье, и замирить жившее здесь горское население. С замирением аргунских горцев русские войска должны были занять ущелье р. Хулхулау и, овладев столицей имамата, вытеснить имама Шамиля в Дагестан. Следуя за ним, отряд Н.И. Евдокимова со стороны гор Чечни должен был перейти в Дагестан. В дальнейшем, координируя свои действия с другими отрядами русских войск, двигавшимися вглубь Дагестана с разных стратегических направлений, отряд Н.И. Евдокимова должен был участвовать в блокировании имама Шамиля.

Ко времени приезда Н.И. Евдокимова в кр. Грозную в качестве начальника Левого фланга Кавказской линии, на плоскости Чечни происходило формирование опорной военной инфраструктуры, которая в перспективе могла быть задействована и для наступательных действий русских войск в горах. Военные объекты на предгорной плоскости Чечни дислоцировались следующим образом. В Малой Чечне создавалась передовая Чеченская линия. Центральным пунктом этой линии являлась кр. Воздвиженская (основана ген.-л. В.О. Гурко, 1844 г.), контролировавшая стратегически важный вход в Аргунское ущелье и угрожавшая враждебному российским военным властям населению Большой Чечни. К западу от этой крепости находились укр. Урус-Мартанское (ген.-от-инф., гр. М.С. Воронцов, 1848 г.), на р. Фортанге — укр. Ачхоевское (ген.-л. И.М. Лабынцев, 1846 г.) [19] и на р. Ассе — укр. Нестеровское (полк. П.П. Нестеров, 1842 г.) [4].

Северную границу Малой Чечни прикрывали казачьи станицы Сунженской линии: Троицкая (1845 г.), Слепцовская (1845 г.), Михайловская (1846 г.), Ассинская (1847 г.), Самашкинская (1851 г.), Закан-юртовская (1853 г.), Алханюртовская (1851 г.) [20] и Грозненская (1851 г.) [21]. Из населения указанных станиц комплектовались 1-й и 2-й Сунженские полки, активно участвовавшие в боевых действиях как на предгорной плоскости, так и в низкогорьях Чечни. Военно-административным центром Левого фланга Кавказской линии являлась кр. Грозная (ген.-л. А.П. Ермолов, 1818 г.). Из этой крепости, построенной на левом берегу Сунжи, совершались военные походы русских войск в Малую и Большую Чечню (боевые действия, связанные с вырубкой лесов для прокладки военных дорог и просек, взятие неприятельских аулов, уничтожение посевов, запасов продовольствия и фуража, захват пленных и домашнего скота).

Военная деятельность русских войск в Малой Чечне привела к тому, что она покрылась сетью просек и дорог, соединивших между собой поляны с немирными аулами и хуторами, и в целом стала вполне доступной. К важнейшим стратегическим артериям относилась так называемая «Русская дорога», пересекавшая Малую Чечню в меридиональном направлении (от кр. Воздвиженской на востоке до укр. Нестеровского на западе).

Значительная обезлесенность и приемлемая доступность Малой Чечни для продвижения русских войск повлияли на политическую ориентацию

и территориальную дифференциацию чеченского населения. Меньшая часть чеченцев перешла на подконтрольные русским войскам территории, а большая часть, сохранившая верность имаму, удалилась в богатую пашнями и пастбищами Большую Чечню, в леса Чёрных гор или водворилась вдоль их подножия. За счёт переселенцев из Малой Чечни численность враждебного российской власти населения на правой стороне Аргуна значительно увеличилась.

Большая Чечня стала осваиваться российскими военными и освобождаться от покрывавших её лесных дебрей позже Малой Чечни¹. Поэтому русские укрепления в Большой Чечне появились лишь во второй половине 50-х гг. XIX в., уже при начальнике Левого фланга ген.-л. Н.И. Евдокимове. В 1856 г. на р. Басс было заложено укр. Шалинское [24]. Строительство этого укрепления завершилось 20 марта 1857 г., когда в присутствии ген.-л. Н.И. Евдокимова и ген.-м. Л.П. Рудановского отслужили молебен [25]. Вслед за Шалинским в апреле 1857 г. на р. Мичик было заложено укр. Хоби-Шавдонское [19; 24].

С севера от Большой Чечни были построены укрепления: на левом берегу Сунжи — Тепли-Кичу (1849 г.), а на р. Белой — Умахан-Юртовское (1851 г.). На западной окраине Большой Чечни, на левом берегу р. Аргун, возведено укр. Бердыкель (апрель 1856 г.) [19]. С востока Качкалык и Большую Чечню контролировало укр. Куринское (1842 г.) [26], построенное на Кумыкской (Гудермесской) плоскости. Вместе с кр. Воздвиженской, указанные укрепления охватывали Большую Чечню почти со всех сторон. Несколькими «коридорами» немирные аулы и хутора Большой Чечни, укрывавшиеся в густых лесах с топкими и болотистыми ручьями, сообщались с Ичкерией. Вырубка просек и прокладка военных дорог, с одной стороны, облегчали доступность Большой Чечни для русских войск, а с другой стороны, усложняли положение немирного населения и угрожали его коммуникациям с Ичкерией. Зимой и весной 1857 г. в лесах Большой Чечни была проложена просека и построена важная военная дорога, ставшая восточным продолжением «Русской дороги» в Малой Чечне, и соединившая кр. Воздвиженскую с укр. Куринским [19].

Кратко охарактеризуем теперь предысторию занятия гор Чечни русскими войсками. До прибытия Н.И. Евдокимова на Левый фланг Кавказской линии в качестве его начальника, русские войска предпринимали попытки проникнуть в горы Чечни. Однако военные экспедиции носили бессистемный и непродолжительный характер. Перед войсками не ставилась задача прочного удержания занятой территории. Отдельные экспедиции русских войск имели катастрофические последствия.

Проникновения русских войск в горы Чечни происходили как с юга, со стороны Грузии (Хевсуретии и Тушетии), так и с севера, со стороны плоскости

-

 $^{^{1}}$ Краткий очерк наступательных действий русских войск в Большой Чечне в 1850-1855 гг. подготовил Г.К. Властов [22]. Серию очерков о военных действиях в Большой Чечне опубликовал Л.П. Николаи, один из них — очерк о зимней экспедиции 1855-1856 гг. в Большой Чечне [23].

Чечни. Причина первой экспедиции в горы Чечни со стороны Грузии — преследование беглого грузинского царевича Александра, который после неудачного восстания в Кахетии в 1812 г., укрылся в малхистинском ауле Джарего (= Джарех). Для его поимки и наказания хевсур и кистин, активных участников восстания, летом 1813 г. в с. Шатили был послан отряд русских войск под начальством ген.-м. Ф.Ф. Симоновича. Из Шатили колонна полк. С.Л. Тихановского выступила в Малхистинское общество, взяла штурмом несколько аулов, но царевич Александр успел бежать в Дагестан [27].

Почти через 40 лет, в 1852 г., сводный отряд подп. кн. Л.Е. Челокаева (тушины, пшавы, цовцы, кистины и казаки), в отместку за набеги в Закавказье, захватил аул Джарего и увёл с собой пленных и домашний скот [28].

Уже в бытность Н.И. Евдокимова начальником Левого фланга, в высокогорной зоне Чечни побывало несколько отрядов. Так, в январе 1858 г. начальник Тушинской милиции поручик А.Э. Натиев с отрядом из 300 отборных охотников, в ответ за набеги в Тушетию, Хевсуретию и Пшавию, перешёл по снегу через высокогорный перевал Кериго и направился к хильдихаройскому аулу Тебуло (= Тюалой?), на хуторе которого пленил чеченского предводителя Цохарка Мачишвили [29].

По распоряжению наместника Кавказского, ген.-от-инф., кн. А.И. Барятинского, для отвлечения внимания имама Шамиля и части неприятельских сил от Шатоя, в Митхойское (Малхистинское) общество в начале августа 1858 г. был направлен Тушинский отряд под командованием полк. кн. Л.Е. Челокаева. Перед нападением на малхистинцев, тушинская милиция (200 чел.) под начальством командира сотни, губернского секретаря И.Д. Цискарова, 29 июля 1858 г. совершила отвлекающее движение в Хильдихаройское общество (бой в районе высокогорной вершины Нархиг-Корт). В период с 1 по 6 августа 1858 г. отряд полк. Л.Е. Челокаева (10 рот Рязанского пехотного полка с 2 горными орудиями и вернувшаяся из набега тушинская милиция) находился в Малхистинском обществе. Три малхистинских аула были взяты штурмом: стратегически важный аул Хороата (= Хоруато), аулы Кокниахи (= Кегинех) и Татунта (= Тутанда). Жители Джераго (= Джарего, Джарех), Камалаго (= Камалхи), Музо (= Меши?) и Херми (= Херма) покорились и выдали аманатов [30].

Первое известное нам вторжение крупного отряда русских войск в горы Ичкерии спровоцировали сами чеченцы. Согласно Э.В. Бриммеру [31], экспедиция в ичкеринский аул Беной в 1832 г. была вызвана следующим обстоятельством. Воины имама Гази-Мухаммеда (Кази-Муллы) демонстративно, на виду станицы Червлённой, грабили мирные кумыкские аулы, лояльные России. Поэтому командир Гребенского казачьего полка полк. И.Д. Волжинский собрал всех, попавших под руку, гребенских казаков, переправился с ними на правый берег Терека и бросился в погоню за Кази-Муллой. Однако Кази-Мулла навёл отряд И.Д. Волжинского на специально устроенную сильную засаду: погибло много казаков, а две захваченные 6-фунтовые пушки горцы увезли в Беной.

Через некоторое время, русский отряд ген.-л. бар. Г.В. Розена пробился к затерянному в густых лесах аулу Беной и отбил обе пушки у чеченцев.

Русские войска до Н.И. Евдокимова бывали только в самой нижней части Аргунского ущелья. В частности, в январе 1839 г. к аулам Дачу-Барзой и Чишки, жители которых сочувствовали имаму Шамилю, направился отряд командира Куринского егерского полка полк. А.П. Пулло. Аул Дачу-Барзой был взят колонной подп. бар. Л.В. Россильона (куринцы и моздокские казаки), а Чишки – колонной подп. гр. М.И. Стенбока (куринцы и гребенские казаки) [32]. Сакли, имущество и значительные запасы хлеба, собранные жителями этих аулов для обеспечения войска имама Шамиля, были сожжены. Вторично Чишкинские хутора были захвачены русскими войсками в августе 1852 г. при набеге из кр. Воздвиженской отряда полк. кн. С.М. Воронцова [33].

В 40-х гг. XIX в. состоялись две крупные экспедиции русских войск в горы Ичкерии. В 1842 г. отряд ген.-ад. П.Х. Граббе направился вверх по ущелью р. Аксай к столице имамата Шамиля — аулу Дарго. Однако трудно-доступность местности и понесённые тяжёлые потери заставили отряд П.Х. Граббе повернуть назад и спуститься на плоскость [34]. Экспедиция в Дарго, предпринятая в 1845 г. под начальством командира Отдельного Кавказского корпуса ген.-ад. М.С. Воронцова [35], несмотря на взятие Дарго и многих дагестанских и чеченских аулов, закончилась катастрофически¹.

Зимой 1851 г. ген.-м. Н.П. Слепцов с летучим отрядом совершил набег в верховья р. Шалажи для наказания жителей, неоднократно заявлявших о вступлении в подданство России, и вместе с тем принявших у себя аварского наиба Хаджи-Мурата. В июне 1851 г. пристав горских народов майор М.Г. Казбек через Галгаевское общество проследовал к Аккинскому обществу, давно тяготившемуся властью имама Шамиля. Аккинцы хотели изгнать разорявшего их своими поборами наиба, назначенного Шамилем, и вели переговоры с начальником Владикавказского военного округа ген.-м. М.С. Ильинским о принятии в подданство России, и даже выдали своих аманатов. Аккинцы обязывались, если русские войска их поддержат, занять все проходы и не допускать в своё общество войск Шамиля и его эмиссаров [36].

Весной 1853 г. отряд начальника Владикавказского военного округа ген.-м. бар. И.А. Вревского нанёс поражение значительной партии горцев на высотах хребта Корелам [19]. Затем, летом 1854 г., отряд бар. И.А. Вревского через Цоринское общество проник в непокорное Аккинское общество, где инженерная команда поручика Н.И. Варакомского 1-го штурмовала башенный аул Вауги (= Вовги) [37]. После взятия штурмом 11 крепких каменных

¹ От полного разгрома экспедицию ген.-ад. М.С. Воронцова фактически спас отряд ген.-м. Р.К. Фрейтага, который ускоренным маршем из крепости Грозной преодолел десятки вёрст и прибыл в Ичкерию на помощь экспедиции. За способность приходить на помощь в наикритических ситуациях Р.К. Фрейтага называли «Фрейтагом-спасителем». Роберту Карловичу солдаты посвятили песню «С нами Бог, и Фрейтаг с нами».

башен аула Вовги войска по хребту Бендук (= Юкерлам) прибыли к высокогорному терлойскому аулу Некер (= Никарой), от которого часть отряда продвинулась ещё примерно на 25 вёрст, и остановилась в виду р. Чанты-Аргун. Кавалерия (линейные казаки, осетинская, алагирская, куртатинская и назрановская милиция) под командованием полк. В.Е. Шостака спустилась к самому Чанты-Аргуну¹, пройдя дополнительно 6 вёрст [38]. В «доевдокимовский» период так далеко в горы Чечни, как отряд И.А. Вревского, русские войска не продвигались.

В целом глубинные горные территории Чечни в «доевдокимовский» период были неизвестны и недоступны для русских войск, в зоне действия которых находилась по преимуществу их северная и южная периферия. Две крупные экспедиции, предпринятые военным командованием в глубинные районы Ичкерии, закончились для русских войск кровавыми катастрофами. В таких не вселяющих оптимизма условиях Н.И. Евдокимову предстояло воевать с имамом Шамилём в Чечне.

По плану Н.И. Евдокимова, в первый этап намечалось взятие под полный контроль Малой и Большой Чечни и низкогорий Ауха². Прежде чем вести наступательные действия в горах Чечни, необходимо было обезопасить тыловые территории на предгорной равнине. По М.Я. Ольшевскому [17], главное внимание Н.И. Евдокимов вначале обратил на Большую Чечню. Кроме устройства Хоби-Шавдонского и Шалинского укреплений, при Н.И. Евдокимове были прорублены просеки через леса близ аулов Майртуп, Гельдиген и Автуры. С прокладкой просек через густые леса, отделявшие правый берег Аргуна от Шалинской поляны, удобнейший военный путь внутрь Большой Чечни был обеспечен. Дело, начатое в 1850 г. начальником Левого фланга Кавказской линии ген.-м. П.П. Нестеровым [22], при Н.И. Евдокимове успешно завершилось.

Несмотря на то, что в Большой Чечне были построены русские укрепления, а просеки пересекли её в разных направлениях, к северу от «Русской дороги» (в низовьях р. Хулхулау и по шавдонам между этой рекой и р. Джалка), на полянах под защитой труднопроходимого леса находились многочисленные хутора немирных чеченцев. Мелкими партиями они пробирались на Кумыкскую плоскость, за Сунжу и Терек, и тревожили мирное население и казачьи станицы. Кроме того, немирное население Большой Чечни снабжало горцев Чечни хлебом и предоставляло им возможность перегонять значительные стада на богатые плоскостные пастбища. Всё это в военном и экономическом

спустилась к берегу Чанты-Аргуна.

¹ Точный маршрут движения русских войск не известен. Наиболее вероятен следующий маршрут: от Никароя, расположенного в истоках р. Бара, отряд бар. И.А. Вревского перевалил в бассейн р. Гешичу, в окрестности аула Шунды. Отсюда кавалерия полк. В.Е. Шостака

² По Р.А. Фадееву [39], общий план покорения Восточного Кавказа принадлежал кн. А.И. Барятинскому. Однако считаем, что конкретизация этого плана в Чечне и Аухе бесспорная заслуга Н.И. Евдокимова.

отношении укрепляло имамат Шамиля. Поэтому в конце 1857 г. ген.-л. Н.И. Евдокимов предпринял военные меры по ослаблению имамата Шамиля посредством решения двух задач. Первая задача — военно-строительная. Для успешного наступления с северо-востока на Ичкерию, требовалось возвести укреплённую штаб-квартиру в верховьях р. Ярык-су. Вторая задача — населенческая. Непокорное население Большой Чечни, жившее к северу от «Русской дороги», должно было выбрать одно из двух: или переселиться в горы к имаму Шамилю, или же покориться и перейти на территорию, подконтрольную русскому командованию.

Действия ген.-л. Н.И. Евдокимова, направленные на решение указанных задач, подробно освещены [39; 40]. В ноябре и первой половине декабря 1857 г. против Большой Чечни выдвинулись войска в составе 20 батальонов пехоты, 2 эскадронов драгун, 21 сотни казаков и нескольких сотен горской милиции, с 32 орудиями. Русские войска дислоцировались в трёх пунктах: колонна ген.-м. бар. Л.П. Николаи стояла на Хоби-Шавдонских высотах, колонна ген.-м. В.К. Мищенко – в кр. Воздвиженской, а главная колонна ген.-л. Н.И. Евдокимова – в укр. Бердыкель. Как и предусматривалось, 1 ноября 1857 г. колонны, выступившие из Бердыкеля и Воздвиженской, соединились у кургана Чухум-Барц, а колонна ген.-м. бар. Л.П. Николаи заняла с боем Эспен-аул. Затем, 2 ноября, воздвиженская и бердыкельская колонны передвинулись к аулу Агшпатой (= Агишбатой) и занялись расширением Агишбатойской просеки. При этом русские войска вошли в боевое соприкосновение с неприятелем, возглавляемым имамом Шамилем. В дальнейшем колонна ген.-м. В.К. Мищенко возвратилась в кр. Воздвиженскую, колонна ген.-м. бар. Л.П. Николаи – в укр. Хоби-Шавдонское, а колонна ген.-л. Н.И. Евдокимова скрытно пришла в укр. Куринское. Имам Шамиль, полагая, что весь русский отряд расположился лагерем в Хоби-Шавдоне для дальнейших действий в Мичиковском обществе, остановился на ночлег невдалеке – в ущелье р. Гансол, около аула Бачи-юрт.

Однако ранним угром 5 ноября колонна ген.-м. бар. Л.П. Николаи присоединилась к главной колонне ген.-л. Н.И. Евдокимова, и обе колонны двинулись на р. Яман-су. Только тогда имам Шамиль осознал истинный замысел манёвра ген.-л. Н.И. Евдокимова, но было поздно: русские войска выиграли у неприятеля время продолжительностью в дневной переход. Присоединив к своим колоннам отряд из укр. Хасав-Юрт, ген.-л. Н.И. Евдокимов расположился лагерем на пространстве от аула Ярыксу-Аух до Гойтемировских ворот.

Гойтемировские ворота — тесный горный проход, ведущий в нагорную часть Ауха, был занят русскими войсками без сопротивления со стороны противника. Доброконный чеченский отряд, поспешно высланный имамом Шамилем из-под Бачи-Юрта в Аух, на опережение русских войск, опоздал. Дагестанские отряды были связаны боевыми действиями с войсками кн. ген.-л. Г.Д. Орбелиани, и на помощь ауховцам прийти не смогли.

После рубки леса, расчистки занятых неприятельских завалов и прокладки колёсной дороги по левому берегу Ярык-су, войска ген.-л. Н.И. Евдокимова,

атакуя во фронт и в обход слева и справа, овладели укреплённой завалами позицией противника за вторым Кишенским оврагом без всякой потери. Не давая опомниться неприятелю, ген.-л. Н.И. Евдокимов немедленно двинул пехоту против новой позиции горцев и вынудил их бежать. Русская кавалерия преследовала противника, отступавшего к аулу Зандак. В этот же день, 11 ноября 1857 г., был избран пункт на левом берегу Ярык-су, в 3 верстах ниже аула Дылым, для возведения укрепления, призванного стать штаб-квартирой Кабардинского пехотного полка. С 13 ноября по 3 декабря, несмотря на морозы (до -15°С), войска ген.-л. Н.И. Евдокимова беспрерывно строили укрепление, рубили просеки и прокладывали пути сообщения. В итоге было возведено укрепление с линией огня на 2 версты, прорублено 5 квадратных вёрст просек, проложено 8 вёрст дорог. Кроме того, были устроены 2 редута — один по дороге в Зандак, второй — на правом берегу Ярык-су.

Имам Шамиль сначала пытался препятствовать возведению укрепления. Однако, убедившись в невозможности помешать строительству, изменил тактику. Имам стал «...принуждать Ауховцев к переселению далее в горы. Для достижения этой цели, он употреблял все возможные меры: духовенство его с новым жаром проповедывало фанатическое учение мюридизма, а Тавлинцы усердно истребляли жилища Ауховцев и запасы хлеба и сена, которые нельзя было перевезти в горы. Ежедневно получаемы были в отряде известия о сожжении разных деревень» [40, с. 15]. Результат действий имама Шамиля был таким: «К концу ноября почти все Ауховские аулы были уже сожжены; оставались только Бийляр-Кырган, Зандак и некоторые другие на пути от места расположения в Ичкерию. В этих аулах пощажены были и запасы. От такого усердного истребления горцами собственных их деревень вскоре обнаружился у них такой недостаток продовольственных припасов, что имам еще 25 ноября принужден был отпустить большую часть своей кавалерии» [40, с. 15].

Вскоре настала очередь аулов Бийляр-Кырган и Зандак. Ген.-л. Н.И. Евдокимов объявил лазутчикам 28 ноября о том, что на следующий день направится с войсками к Бийляр-Кыргану. Вечером зарево от пожара над этим аулом показало, что известие лазутчиков дошло до имама Шамиля. В аул Зандак была отправлена колонна ген.-м. П.И. Кемпферта, однако горцы столь поспешно отступили из аула, что оказались вне досягаемости для русских войск. Выбив из Зандака неприятельский арьергард, прикрывавший отход основной части шамилевских войск, аул был сожжён русскими войсками.

После освящения 3 декабря 1857 г. нового укрепления и оставления в нём гарнизона с орудиями крепостной артиллерии, большая часть войск ген.-л. Н.И. Евдокимова передислоцировалась в урочище Науруз вблизи укр. Куринского.

Первую задачу — строительство укреплённой штаб-квартиры в верховьях Ярык-су — ген.-л. Н.И. Евдокимов решил с ничтожными потерями (за всё время боевых действий в Аухе было убито 2 и ранено 7 нижних чинов). Построив укрепление, получившее название Кишень-Аух, Н.И. Евдокимов

обезопасил также Кумыкскую плоскость от вторжений отрядов горцев и открыл русским войскам кратчайший путь вглубь Дагестана [17].

Успешное выполнение второй задачи зависело от быстроты действий и неожиданности появления русских войск в гуще немирных чеченских аулов и хуторов, расположенных в лесной местности. Поэтому тяжёлый обоз, замедлявший движение войск, Н.И. Евдокимов отправил в кр. Грозную.

Облегчённый и подвижный отряд ген.-л. Н.И. Евдокимова 6 декабря 1857 г. прибыл на Мичик, а рано утром 7 декабря выступил к низовьям Хулхулау. Поскольку передвижение русских войск совершалось скрытно, неприятель обнаружил их только вблизи аула Али-Юрт, в 2 верстах от Хулхулау. Авангард полк. И.А. Бартоломея, быстро форсировав Хулхулау, закрепился на сильной позиции в самой гуще немирных аулов и хуторов. Одновременно полк. А.А. Баженов овладел хуторами, лежавшими выше по Хулхулау. Остальная часть отряда завершила занятие урочища Хасы-Ирзау.

Большая часть жилищ непокорного населения и огромные запасы хлеба и сена были уничтожены. Немирное население оказалось перед выбором: «...или подвергнуться участи Ауховцев, т. е. переселиться в горы и терпеть там крайнюю нужду, или покориться нашей власти. Они выбрали последнее. Ночью явились в отряд депутаты от всего народонаселения долины Хулхулау с предложением переселиться в покорные аулы; просили только, чтобы войска наши оказали им защиту против партии, присланной Шамилем для препятствования их обществу изъявить нам покорность. Предложение депутатов принято было генералом Евдокимовым благосклонно и сборным пунктом для всех покоряющихся назначена была поляна у аула Цаин-Ирзау...» [40, с. 15]. К утру 9 декабря у аула Цаин-Ирзау рядом с лагерем русских войск собралось до 600 чеченских семейств со стадами и арбами, нагруженными имуществом. До 70 семейств направилось к укр. Умахан-Юрт, и почти столько же перешло в Исти-су. Ночью мюриды имама Шамиля напали на группу из 30 чеченских семейств, направлявшихся в русский лагерь. Посланный на выстрелы и крики отряд полк. П.Д. Зотова прогнал мюридов и привёл в лагерь покорившихся чеченцев. Таким образом, почти всё население долины Хулхулау перешло под власть России. Непокорной пока оставалась часть населения, жившего в многочисленных хуторах, в самой гуще лесов, между Хулхулау и Джалкой. Поскольку на помощь этому населению спешила значительная партия горцев, прибывший из-за Аргуна отряд ген.-м. В.К. Мищенко преградил им движение к лесным хуторам.

Под прикрытием русских войск ген.-л. Н.И. Евдокимов отправил транспорт с чеченскими переселенцами в укр. Бердыкель. Часть войск он оставил для охраны обоза и наблюдения за возможными перемещениями партий горцев на плоскость Большой Чечни. С остальными войсками Н.И. Евдокимов направился вниз по течению р. Хизы-Шавдон по местности, оказавшейся весьма затруднительной для прохождения войск (густой лес не позволял ничего видеть в 10 шагах). Хаос завалов, леса и воды сильно тормозил движение.

Ведя перестрелку, войска следовали по узкой тропинке и совсем без неё. Первый эшелон войск возглавлял ген.-м. В.К. Мищенко, в конце этого эшелона следовал ген.-л. Н.И. Евдокимов со штабом. Во главе второго эшелона стоял ген.-м. П.И. Кемпферт. В конце отряда шла кавалерия под начальством полк. М.А. Кундухова.

Когда ген.-м. В.К. Мищенко достиг аула Чертой, по приказу ген.-л. Н.И. Евдокимова началась рубка леса к этому аулу от места у входа в лес, где находился хугор Ислам. Очищение местности от леса, быстрота и решительность действий отряда ген.-л. Н.И. Евдокимова привели к тому, что ночью в лагерь явились депутаты от Хизы-Шавдонского округа с изъявлением покорности и обязательством переселиться в мирные аулы. Два дня (11 и 12 декабря) покорившиеся чеченцы собирались около аула Сартали. К отряду ген.-м. В.К. Мищенко, направившемуся вниз по течению Хизы-Шавдона, вышло много чеченских семейств с покорностью. Часть этих семейств была приведена войсками к главным силам, а около 400 семейств под защитой войск была отправлена к укр. Умахан-Юрт. Под прикрытием главного отряда чеченские переселенцы из-под Сартали перешли 13 декабря к аулу Мескер-Юрт на Джалке, а 14 декабря прибыли к кр. Грозной. Конечным результатом действий ген.-л. Н.И. Евдокимова в Большой Чечне явилось то, что «...все доселе враждебное население плоскости Б. Чечни переселилось в покорные нам аулы; к северу от Русской дороги не осталось ни одного непокорного хутора. Такого результата мы достигли с самыми ничтожными пожертвованиями; во все время действий с 7-го по 14-е декабря мы потеряли 13 человек убитыми и 42 ранеными» [40, с. 16].

Отметим также, что в то время, когда ген.-л. Н.И. Евдокимов готовил план по замирению Большой Чечни и Ауха, заметно активизировались малочеченцы, переселившиеся к подножию Чёрных гор, в ущелья Энгелика, Гойты и Мартана, и совершавшие дерзкие нападения на русские войска. Поэтому ещё осенью 1857 г., искусно маневрируя, Н.И. Евдокимов неожиданно атаковал многочисленные аулы малочеченцев, и после жаркого боя, заставил их уйти в глубину гор.

Действия ген.-л. Н.И. Евдокимова на плоскости Чечни и в Аухе с начала 1856 г. по конец 1857 г., при минимальных потерях личного состава русских войск, подготовили прочную базу для взятия прежде недоступных, важнейших горных ущелий Чечни — Аргунского, Чанты-Аргунского и Хулхулауского.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Шамиль бывший имам Чечни и Дагестана. Описание жизни его и очерк последних военных действий в Восточном Кавказе. С.-Петербург : В тип. В. Прохорова, 1859. 28 с. Текст : непосредственный.
- 2. Шамиль и Чечня. Текст : непосредственный // Военный сборник. 1859. Т. 9. № 9. С. 121–164.
- 3. Биографический очерк генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, графа Н.И. Евдокимова. Текст : непосредственный // Кавказский календарь на 1878 год, изданный Главным управлением Наместника Кавказского. Отд. II. Ч. 1. Тифлис : Тип. Глав. упр. Наместника Кавказского, 1877. С. I–VI.

- 4. Краткие биографии военных, гражданских и др. деятелей, наиболее потрудившихся над завоеванием, умиротворением и изучением Кавказского края, за время с конца прошлого столетия до середины настоящего. Текст: непосредственный // Кавказский календарь на 1889 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. С. 1—32.
- 5. Евдокимов, граф, Николай Иванович. Текст : непосредственный // Военная энциклопедия / под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. фон-Шварца [и др.]. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1912. С. 275–278.
- 6. Ореус, И. И. Граф Николай Иванович Евдокимов, 1804—1873 гг. / И. И. Ореус. Текст : непосредственный // Русская старина. 1888. Т. LVIII. Кн. IV (апрель). С. 143–162.
- 7. Авторханов, А. Г. К основным вопросам истории Чечни (К десятилетию Советской Чечни) / А. Г. Авторханов. Грозный : Серло, 1930. 108 с. Текст : непосредственный.
- 8. Кухарук, С. Николай Евдокимов / С. Кухарук. Текст : непосредственный // Родина. 1994. № 3–4. С. 62–64.
- 9. Русецкий, В. В. Военно-административная деятельность Н.И. Евдокимова на Кавказе (1840–1860) / В. В. Русецкий. Текст : непосредственный // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2009. № 2. С. 25–41.
- 10. Дзагалов, А. С. О методах управления горцами графа Н.И. Евдокимова в 1860-х годах в «Записке» Д.И. Святополк-Мирского / А. С. Дзагалов. Текст : непосредственный // Проблеми історії України XIX поч. XX ст. 2013. Вип. 21. С. 313—330.
- 11. Гапуров, Ш. А. Генерал Евдокимов и окончание Кавказской войны в Чечне / Ш. А. Гапуров, А. М. Сугаипова, Р. А. Товсултанов. Текст: непосредственный // Известия Чеченского государственного университета. 2016. № 1. С. 82–91.
- 12. Клычников, Ю. Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов / Ю. Ю. Клычников. Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2019. 277 с. Текст : непосредственный.
- 13. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12 / под ред. Е. Д. Фелицына и А. П. Наумова. Тифлис : Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1904. 1552 с. Текст : непосредственный.
- 14. Дубровин, Н. Ф. Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II (1825–1864 г.) / Н. Ф. Дубровин. Текст : непосредственный // Обзор войн России от Петра Великого до наших дней : пособие для изучения военной истории в военных училищах / под ред. Г. А. Леера. Ч. IV. Кн. 2. С.-Петербург : Издание Главного управления военно-учебных заведений, 1896. 413 с.
- 15. Из Прикаспийского края. Текст : непосредственный // Кавказ. 1859. № 22 (15 марта). С. 107.
- 16. Муханов, В. М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский / В. М. Муханов. М. : Центрполиграф, 2007. 428 с. Текст : непосредственный.
- 17. Кавказ и покорение его восточной части. Князь А.И. Барятинский, 1856-1861. Из Записок М.Я. Ольшевского. Текст : непосредственный // Русская старина. 1880. Т. XXVII. Кн. 2 (февраль). С. 289-318.
- 18. Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны: Издание для войск, школ и народа / сост. Н. Башенев. Тифлис: Тип. Окружного Штаба, 1914. 63 с. Текст: непосредственный.

- 19. Хронологическое показание достопримечательных событий в Кавказском и Закавказском крае и важнейших постановлений правительства, относящихся к этому краю. Текст: непосредственный // Кавказский календарь на 1860, изданный при Главном Управлении Наместника Кавказского. Отд. III. Собрание материалов для составления исторического, географического и статистического описания Кавказского и Закавказского края. Тифлис: в тип. Глав. упр. Наместника Кавказского, 1859. С. 3—36.
- 20. Список станиц Терского казачьего войска с показанием времени основания, положения и народонаселения каждой станицы. Текст: непосредственный // Сборник сведений о Терской области / Издание Терского областного статистического комитета под ред. Н. С. Благовещенского. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1878. С. 372—375.
- 21. Путеводитель по Терской области. Тифлис : Тип. Глав. упр. Наместника Кавказского, 1871. 26 с. Текст : непосредственный.
- 22. Властов, Γ . К. Война в Большой Чечне / Γ . К. Властов. С.-Петербург : Военная тип., 1856.-60 с. Текст : непосредственный.
- 23. Кавказская старина (Материалы для истории Кавказской войны). Выписки из дневника генерал-адъютанта барона Леонтия Павловича Николаи. Вып. XI. Зимняя экспедиция 1854—1855 гг. Тифлис: Тип. Глав. упр. Наместника Кавказского, 1874. 58 с. Текст: непосредственный.
- 24. Дидимов, К. Экспедиция в Аргунское ущелье с 15 января по 18 апреля 1858 года / К. Дидимов. Текст: непосредственный // Военный сборник. 1859. T. VII. С. 201–214.
- 25. А. О. Две недели в Шалинском укреплении / А. О. Текст : непосредственный // Военный сборник. 1863. Т. XXXIV. С. 121–137.
- 26. Куринское. Текст: непосредственный // Военная энциклопедия / под ред. К. И. Величко [и др.]. Т. XIV. М.: Тип. Товарищества И. Д. Сытина, 1914. С. 407.
- 27. Зиссерман, А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726—1880). Т. І / А. Л. Зиссерман. С.-Петербург : Тип. В. Грацианского, 1881.-498 с. Текст : непосредственный.
- 28. Письмо из Тушетии. Текст : непосредственный // Кавказ. 1852. № 45 (13 августа). С. 190–192.
- 29. С Лезгинской линии. Текст : непосредственный // Кавказ. 1858. № 14 (16 февраля). С. 75.
- 30. С Лезгинской кордонной линии. Текст : непосредственный // Кавказ. 1858. № 74 (21 сентября). С. 377–379.
- 31. Бриммер, Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-ом кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году / Э. В. Бриммер. Текст : непосредственный // Кавказский сборник. Т. XVI. Тифлис : Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1895. С. 1–234.
- 32. Юров, А. Три года на Кавказе (1837—1839) / А. Юров. Текст : непосредственный // Кавказский сборник. Т. IX. Тифлис : Печатано в Тип. А.А. Михельсона, 1885. С. 1—155.
- 33. Самойлов, К. Заметки о Чечне / К. Самойлов. Текст : непосредственный // Пантеон. 1855. Т. XXIII. № 9. С. 43–86.
- 34. Ольшевский, М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год / М. Я. Ольшевский. Текст : непосредственный // Русская старина. 1893. Т. LXXVIII. № 6. С. 573–610.

- 35. 1845 год. Воспоминания В.А. Геймана. Текст : непосредственный // Кавказский сборник. Т. III. Тифлис : Тип. Окружного штаба Кавказского военного округа, 1879. С. 251–375.
- 36. К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году / К. Текст : непосредственный // Кавказский сборник. Т. XIX. Тифлис : Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1898. С. 16–119.
- 37. Действия команды 3-го Резервного саперного батальона при взятии, 6-го августа 1854 года, на Кавказе акинского аула Вауги. Текст : непосредственный // Инженерные записки. 1855. Ч. XLI. Кн. 2. № 15. С. 334–336.
- 38. Кудрявцев, А. Д. Журнал военных действий в Голгаевском, Цоринском и непокорном Акинском обществах в 1854 году / А. Д. Кудрявцев. Текст: непосредственный // Артиллерийский журнал. 1857. № V. С. 10–21.
- 39. Собрание сочинений Р.А. Фадеева. Т. І. Ч. 1. Шестьдесят лет Кавказской войны. Общий очерк. С.-Петербург: Тип. В.В. Комарова, 1889. 95 с. Текст: непосредственный.
- 40. Из Чечни. Текст : непосредственный // Кавказ. 1858. № 3 (9 января). С. 14–16.

REFERENCES

- 1. Shamil byvshiy imam Chtchni i Dagestana. Opisanie zhizni ego i ocherk poslednikh voennykh deistviy v Vostochnom Kavkaze [Shamil a Former Imam of Chechnya and Dagestan. The Description of his Life and an Outline of the Latest Military Operations in the Eastern Caucasus]. SPb, Publishing House of V. Prokhorov, 1859. 28 p.
- 2. Shamil and Chechnya. *Voyennyy sbornik* = *Military Collection*, 1859, vol. 9, № 9, pp. 121–164. (In Russian).
- 3. Biographical sketch of the Adjutant General, General of Infantry, Count N.I. Evdokimov. *Kavkazskiy kalendar na 1878 god = Caucasian Calendar for 1878*, p. II, sect. 1. Tiflis, Publishing House of the main Office of Viceroy of the Caucasus, 1877, pp. I–VI. (In Russian).
- 4. Brief biographies of military, civilian and other figures who worked the most on the conquest, pacification and study of the Caucasian Region from the end of the last century to the middle of the present. *Kavkazskiy kalendar na 1889 god = Caucasian Calendar for 1889.* Tiflis, Printing House of the Office of the Chief of Civil Unit in the Caucasus, 1888, pp. 1–32. (In Russian).
- 5. Evdokimov, Count, Nikolai Ivanovich. *Voyennaya entsiklopediya = Military Encyclopedia*. Ed. by K. I. Velichko, V. F. Novitskiy, A. V. fon-Shvarts, V. A. Apushkin, G. K. fon-Shults. M., Printing House of I. D. Sytin, 1912, pp. 275–278. (In Russian).
- 6. Oreus I. I. Count Nikolay Ivanovich Evdokimov, 1804–1873. *Russkaya starina = Russian Antiquity*, 1888, vol. LVIII, book IV, pp. 143–162. (In Russian).
- 7. Avtorkhanov A. G. *K osnovnym voprosam istorii Chechni (K desyatiletiyu Sovetskoy Chechni)*. On the Main Issues of the History of Chechnya. To the Tenth Anniversary of Soviet Chechnya. Grozny, Serlo, 1930. 108 p. (In Russian).
- 8. Kukharuk S. Nikolay Evdokimov. *Rodina = Homeland*, 1994, No. 3–4, pp. 62–64. (In Russian).
- 9. Rusetskiy V. V. Voyenno-administrativnaya deyatelnost N.I. Evdokimova na Kavkaze (1840–1860). *Vestnik Mosk. un-ta = Moscow University Bulletin*, ser. 8. History, 2009, No. 2, pp. 25–41. (In Russian).

- 10. Dzagalov A. S. On the methods of governing the Gortsy of Count N.I. Evdokimov in the 1860s in D.I. Svyatopolk-Mirsky's "Note". *Problemi istorii Ukraini XIX poch. XX st. = The Problems of the History of Ukraine in the 19th and Early 20th Centuries, 2013, vol. 21, pp. 313–330.* (In Russian).
- 11. Gapurov Sh. A., Sugaipova A. M., Tovsultanov R. A. General Evdokimov and the end of the Caucasian War in Chechnya. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chechen State University*, 2016, No. 1, pp. 82–91. (In Russian).
- 12. Klychnikov Yu. Yu. Soldat imperii Nikolay Ivanovich Evdokimov [Soldier of the Empire Nikolay Ivanovich Evdokimov]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State University, 2019. 277 p.
- 13. Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, Printing House of the Office of the Chief of Civil Unit in the Caucasus, 1904, vol. 12. 1552 p.
- 14. Dubrovin N. F. *Obzor voyn Rossii ot Petra Velikogo do nashikh dney* [An Overview of Wars of Russia from Peter the Great to Present]. SPb, Publishing House of the Main Directorate of Military Educational Institutions, 1896, vol. 2. 413 p.
- 15. Iz Prikaspiyskogo kraya. *Kavkaz = The Caucasus*, 1859, No. 22, p. 107. (In Russian).
- 16. Mukhanov V. M. *Pokoritel Kavkaza knyaz A. I. Baryatinskiy* [Conqueror of the Caucasus, Prince A. I. Baryatinsky]. M., Tsentrpoligraf, 2007. 428 p.
- 17. Caucasus and the conquest of its eastern part. Prince A.I. Baryatinsky, 1856–1861. From the notes of M.Ya. Olshevsky. *Russkaya starina = Russian Antiquity*, 1880, vol. XXVII, No. 2, pp. 289–318. (In Russian).
- 18. Pyatidesyatiletiye pokoreniya Zapadnogo Kavkaza i okonchaniya Kavkazskoy voyny [Fiftieth Anniversary of the Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War]. Tiflis, Printing House of the District Headquarters, 1914. 63 p.
- 19. Chronological indication of noteworthy events in the Caucasian and Transcaucasian regions and the most important government decrees relating to this region. *Kavkazskiy kalendar na 1860 = Caucasian Calendar for 1860*, part III. Collection of materials for the compilation of the historical, geographical and statistical description of the Caucasian and Transcaucasian territories. Tiflis, Publishing House of the main Office of Viceroy of the Caucasus, 1859, pp. 3–36. (In Russian).
- 20. List of the stanitsas of the Terek Cossack army with the indication of the time of foundation, position and population of each village. *Sbornik svedeniy o Terskoy oblasti* = *Collection of information about the Terek region*. Vladikavkaz, Printing House of Tersk Regional Government, 1878, pp. 372–375. (In Russian).
- 21. *Putevoditel po Terskoy oblasti* [Tersk Region Guide]. Tiflis, Publishing House of the main Office of Viceroy of the Caucasus, 1871. 26 p.
- 22. Vlastov G. K. *Voyna v Bolshoy Chechne* [War in Bolshaya Chechnya]. SPb, Military Printing House, 1856. 60 p.
- 23. Kavkazskaya starina (Materialy dlya istorii Kavkazskoy voyny) [Caucasian Antiquity (Materials for the History of the Caucasian War)]. Tiflis, Publishing House of the main Office of Viceroy of the Caucasus, 1874. 58 p.
- 24. Didimov K. Expedition to the Argun Gorge from January 15 to April 18, 1858. *Voyennyy sbornik = Military Collection*, 1859, vol. VII, pp. 201–214. (In Russian).
- 25. Two weeks in the Shali fortification. *Voyennyy sbornik* = *Military Collection*, 1863, vol. XXXIV, pp. 121–137. (In Russian).

- 26. Kurinskoye. *Voyennaya entsiklopediya = Military Encyclopedia*. Ed. by K. I. Velichko. M., Printing House of I. D. Sytin, 1914, vol. XIV, p. 407. (In Russian).
- 27. Zisserman A. L. *Istoriya 80-go pekhotnogo Kabardinskogo general-feld-marshala knyazya Baryatinskogo polka (1726–1880)* [The History of the 80th Kabardian Infantry General-Fieldmarshal Prince Baryatinsky Regiment (1726–1880)]. SPb, Printing House of V. Gratsiansky, 1881. 498 p.
 - 28. Letter from Tusheti. *Kavkaz = The Caucasus*, 1852, No. 45, pp. 190–192. (In Russian).
 - 29. From the Lezgin line. *Kavkaz* = *The Caucasus*, 1858, No. 14, p. 75. (In Russian).
- 30. From the Lezgin cordon line. *Kavkaz = The Caucasus*, 1858, No. 74, pp. 377–379. (In Russian).
- 31. Brimmer E. V. Service as an artillery officer educated in the 1st Cadet Corps and released in 1815. *Kavkazskiy sbornik* = *Caucasian Collection*. Tiflis, Printing House of the Office of the Chief of Civil Unit in the Caucasus, 1895, vol. XVI, pp. 1–234. (In Russian).
- 32. Yurov A. Three years in the Caucasus (1837–1839). *Kavkazskiy sbornik* = *Caucasian Collection*. Tiflis, Printing House of A.A. Mikhelson, 1885, vol. IX, pp. 1–155. (In Russian).
- 33. Samoylov K. Notes about Chechnya. *Panteon* = *Pantheon*, 1855, vol. XXIII, No. 9, pp. 43–86. (In Russian).
- 34. Olshevskiy M. Ya. The Caucasus from 1841 to 1866. *Russkaya starina = Russian Antiquity*, 1893, vol. LXXVIII, No. 6, pp. 573–610. (In Russian).
- 35. 1845. Memories of V.A. Geyman. *Kavkazskiy sbornik* = *Caucasian Collection*, Tiflis, Printing House of the District Headquarters of the Caucasian Military District, 1879, vol. III, pp. 251–375. (In Russian).
- 36. Review of events in the Caucasus in 1851. *Kavkazskiy sbornik = Caucasian Collection*. Tiflis, Printing House of the Office of the Chief of Civil Unit in the Caucasus, 1898, vol. XIX, pp. 16–119. (In Russian).
- 37. Actions of the command of the 3rd Reserve Sapper Battalion during the capture, on August 6, 1854, in the Caucasus of the Akinsky aul Vaugi. *Inzhenernyye zapiski = Engineering notes*, 1855, part XLI, book 2, No. 15, pp. 334–336. (In Russian).
- 38. Kudryavtsev A.D. Records of military operations in Golgaevsky, Tsorinsky and rebellious Akinsky societies in 1854. *Artilleriyskiy zhurnal = Artillery Journal*, 1857, No. V, pp. 10–21. (In Russian).
- 39. Sobraniye sochineniy R. A. Fadeyeva [Collected Works of R. A. Fadeev]. vol. I, part 1. Shestdesyat let Kavkazskoy voyny. Obshchiy ocherk [Sixty Years of the Caucasian War. General Outline]. SPb, Printing House of V. V. Komarov, 1889. 95 p.
 - 40. From Chechnya. *Kavkaz* = *The Caucasus*, 1858, No. 3, pp. 14–16. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Головлёв, А. А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 1. Введение. Большая и Малая Чечня, Аух (1856–1857 гг.) / А. А. Головлёв, С. Л. Дударев. – Текст: непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 31–49.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Golovlyov A. A., Dudarev S. L. General Nikolay Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 1. Introduction. Bolschaya and Malaya Chechnya, Aukh (1856–1857) / A. A. Golovlyov, S. L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 31–49. (In Russian).

УДК 93/99

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. В КАВКАЗСКОМ КРАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

О.А. Гром, Н.В. Дмитриева

THE CENTENARY ANNIVERSARY OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812 IN THE KAVKAZ REGION (ON THE MATERIALS OF THE PERIODIC PRINT)

O.A. Grom, N.V. Dmitrieva

Аннотация. В статье представлены результаты исследования акторов и практик Российской империи в Кавказском крае в период празднования 100-летнего юбилея победы в Отечественной войне 1812 г. В качестве базового исторического источника используется периодическая печать различной политической направленности, выходившая на территории края. Периодика наиболее чутко реагировала и отражала на своих страницах все действия властей по реализации юбилейных торжеств, ключевой задачей которых виделось сплочение полиэтнического и поликонфессионального населения страны. Празднование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. было одним из наиболее масштабных по замыслу мероприятий имперских властей, уступавшее в начале XX в. только празднествам в честь 300-летия Дома Романовых. Кавказский край, особенно его южная часть, выступает в данном контексте уникальным объектом исследования. На данной территории не велись в 1812 г. боевые действия, выходцы из этого региона практически не участвовали в войне. Тем не менее мероприятия, проводимые властями, не уступали тем, которые были организованы в центральной России.

Abstract. The article presents the results of a study of the actors and practices of the Russian Empire in the Caucasian Region during the celebration of the 100th anniversary of the victory in the Patriotic War of 1812. Periodicals of various political orientations published in the Region are used as a basic historical source. The periodicals reacted most sensitively and reflected on their pages all the actions of the authorities to implement the anniversary celebrations, the key task of which was to unite the multi-ethnic and poly-confessional population of the country. The celebration of the centenary of the Patriotic War of 1812 was one of the most ambitious events of the imperial authorities, inferior at the beginning of the 20th century only to celebrations in honor of the 300th anniversary of the House of Romanov. The Caucasus region, especially its southern part, is a unique object of research in this context. In 1812, no military operations took place on this territory; natives of this region practically did not participate in the war. Nevertheless, the events carried out by the authorities were not inferior to those that were organized in central Russia.

Ключевые слова: юбилей, Отечественная война 1812 г., Кавказский край, акторы, периодическая печать, юбилейные практики, Российская империя.

Keywords: anniversary, the Patriotic war of 1812, the Caucasian Region, actors, periodicals, commemorative practices, the Russian Empire.

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология»

Проблемы формирования и эволюции исторической памяти о событиях Отечественной войны 1812 г. обратили на себя внимание историков еще в дореволюционный период, когда начал появляться опыт проведения юбилейных торжеств, посвященных победе Российской империи в этом крупном и судьбоносном геополитическом столкновении XIX в. [1-4]. Не менее важным в развитии историографической традиции стал и советский этап изучения Отечественной войны 1812 г. и памяти о ней [5-7]. Исследователи отмечают, что после завершения Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) в исторических исследованиях стала прослеживаться связь в подходах к изучению двух войн, а именно в объяснении причин начала вооруженных конфликтов, поражения неприятеля и последствий для дальнейшего хода развития истории [8, с. 36]. К сюжетам, связанным с опытом празднования различных юбилеев победы русской армии в 1812 г. не раз обращались современные российские и зарубежные авторы [9–15]. Особенно актуальной данная проблема стала в год празднования 200-летия победы в Отечественной войне 1812 г. 2012 год был объявлен в России годом истории, что стимулировало проведение в большинстве образовательных и академических организаций научных мероприятий, посвященных данной проблематике. Через 200 лет исследователи в рамках научного диалога стремились взглянуть на эти события с разных сторон, в том числе и с точки зрения формирования исторической памяти [16]. Однако юбилейные торжества по случаю 100-летия победы над Наполеоном на территории Кавказского края Российской империи еще не становились предметом отдельного изучения.

Одним из ключевых источников по истории коммеморативных практик начала XX в. является периодическая печать. Историки стремятся использовать весь информационный потенциал данного источника, ведь российская периодическая печать в начала XX в. переживала свое второе рождение в связи с выходом Манифеста 17 октября 1905 г. и объявлением свободы слова. Опубликованный 24 ноября 1905 г. именной высочайший указ правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях предполагал устранение применения в области периодической печати «административного воздействия, с восстановлением порядка разрешения судом дел о совершенных путем печатного слова преступных деяниях» [17, с. 837]. Именно потому в конце 1905 – начале 1906 г. в большом количестве начинают выходить местные газеты во всех регионах Российской империи. Изучение организации и проведения празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. через призму публикаций в периодической печати, которая наиболее чутко реагировала на происходившее, позволяет не только в деталях восстановить события юбилейного года, но и сопоставить использовавшиеся на юге России практики с другими регионами страны. В современной историографии уже имеются публикации, посвященные отражению юбилейных событий в прессе различной направленности и различных регионов Российской империи [18–21].

Источниковую базу данного исследования составили периодические издания, выходившие в Кавказском крае в 1912 г., преимущественно в его южной части. В 1912 г. воинских подразделений Кавказского военного округа, участвовавших в Отечественной войне 1812 г., насчитывалось всего 14, а именно: 77-й пехотный Тенгинский полк, 78-й пехотный Навагинский полк, 79-й пехотный Куринский полк, 81-й пехотный Апшеронский полк, 16-й драгунский Тверской полк, 16-й гренадерский Мингрельский полк, 80-й пехотный Кабардинский полк, 82-й пехотный Дагестанский полк, 83-й пехотный Самурский полк, 84-й пехотный Ширванский полк, две батареи Кавказской гренадерской бригады и две батареи 52-й артиллерийской бригады [22, л. 1–2]. Все вышеперечисленные части были сформированы либо на территории Северного Кавказа, либо были передислоцированы в Закавказские губернии уже после событий 1812 г. Таким образом, отдельные воинские подразделения с территории Южного Кавказа не принимали участие в событиях Отечественной войне 1812 г. На этой территории не велись и боевые действия. В совокупности эти два факта актуализируют изучение мемориальных практик в процессе организации и проведения юбилейных мероприятий, посвященных столетию Отечественной войны 1812 г., на территории Закавказских губерний.

В ОВД, которая, в отличие от кавказского региона, так или иначе имела прямую связь с событиями сто летней давности, местами притяжения памятных мероприятий становились памятники историческим лицам той эпохи: в Таганроге — дворец и памятник Александру I, в Новочеркасске — памятник атаману М.И. Платову [23, с. 3]. Как сообщала газета «Приазовский край» у памятника Платову 26 августа собралась огромная толпа, а ночью была устроена роскошная иллюминация [24, с. 2]. Наиболее ярко связь Дона и Приазовья с войной 1812 г. через личности Александра I и Платова показал таганрогский фельетонист Омикрон: «Донская область и Таганрог очень близко стоят этой эпохе. Донская область потому, что сыны тихого Дона сыграли не малую роль в действиях русской армии... под начальством своего славного атамана Платова; Таганрог потому, что этот город впоследствии избрал своим местопребыванием император Александр Благословенный, жизнь которого непосредственно связана с эпохой этой войны» [25, с. 4].

Подобный сопоставительный подход позволяет выявить акторов и символы, через которые имперские власти стремились соединить воедино разрозненные части Российского государства, транслируя идею общегосударственности юбилейных торжеств.

Подготовка к юбилейным торжествам началась задолго до 1912 г., что нашло отражение в газетных публикациях. Например, газета «Приазовская речь» в августе 1910 г. сообщала об открытии для публики доступа к коллекции

в Потешном дворце, которую собирали к годовщине Отечественной войны. Обращает на себя внимание интерес автора заметки к предметам, связанным с личностью атамана Платова. Они упоминаются в статье дважды: ложка Платова и два пистолета, подаренные донскому атаману в Лондоне [26, с. 3].

В 1910–1912 гг. в печати появлялись различного рода «воззвания» и «призывы» к публике, связанные с предстоящей организацией торжеств, изданием памятных книг и т. д. В основном они носили общеимперский характер, но встречались и публикации на местную тематику. Так, таганрогская газета «Призыв» в том же 1910 г. сообщала о начале работы над трудом, посвященным участию донских казаков в войне 1812 г. В связи с этим было опубликован призыв Войскового наказного атамана Ф.Ф. Таубе к обывателям с просьбой предоставить документы и артефакты, относящиеся к эпохе. После снятия копий и фотографирования в Донском музее предметы предполагалось возвратить владельцам [27, с. 1].

Обращает на себя внимание, что все газеты содержали сведения о проводимых на Бородинском поле юбилейных мероприятиях. Более или менее подробно (это зависело от того, была ли газета ежедневной или еженедельной, в ежедневной больше подробностей, а в еженедельных ограничивались простым обзором) приводилось описание действий императора, представителей дома Романовых, высокопоставленных государственных чиновников. В газетах накануне празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. большинство новостей из Москвы были связаны с приготовлениями к данному событию. В частности, газета «Каспий» от 25 августа 1912 г. сообщала, что погодные условиях оказались не самыми подходящими и все приготовления (украшения и гирлянды) были испорчены ураганом и ливнем. Их пришлось в спешном порядке заменять [28, с. 3].

Обязательным разделом особенно для ежедневных газет являлась публикация новостей из столичного региона и других крупных городов страны, связанных либо непосредственно с событиями 1812 г. или Александром I, либо с административными центрами. Через них местное общество могло ознакомиться с основными мероприятиями, организованными в Санкт-Петербурге, Смоленске, Юрьеве, Таганроге. В бакинских газетах приводились сведения о событиях в Тифлисе. Отдельного комментирования заслуживали только Москва, Санкт-Петербург и Тифлис. По газетным публикациям мы можем увидеть активность различного рода органов управления и степень их участия в праздновании юбилейного события. Из публикаций центральной газеты российской администрации в Кавказском крае «Кавказ» можно узнать о видах мероприятий, которые проводились на различных уровнях Тифлисской губернии. В уездных городах предполагалось устроить народные собрания и гуляния, чтение просветительских брошюр об Отечественной войне 1812 г. с демонстрациями картин из этой эпохи. В сельских обществах непосредственно 26 августа предполагалось созвать в храмы к богослужению как можно больше крестьян, где можно было через священников рассказать им о событиях 1812 г., а также обозначить их значимость для государства [29, с. 2]. 25 августа в Тифлисе во дворце наместника на Кавказе состоялось торжественное заседание, посвященное Отечественной войне с участием самого наместника, двух его помощников, членов совета, генералитета, начальников отдельных частей и заведений военного и гражданского ведомства, представителей общественных и сословных учреждений, дам высшего общества [28, с. 3].

Наместник на Кавказе в ознаменование дня празднования столетней годовщины Отечественной войны 26 августа предложил сократить наполовину сроки ареста лицам, отбывающим в административном порядке наказания за нарушение обязательных постановлений, изданных по бакинскому градоначальству. Бакинский градоначальник предложил начальнику городской тюрьмы объявить об этой милости 26 августа и в этот же день освободить тех, кто уже половину изначального наказания отбыл.

Неотъемлемой частью праздника было участие как представителей имперской администрации, так местного самоуправления в заупокойных литургиях и панихидах по павшим во время Отечественной войны 1812 г. Для этих целей, например, отменялись заседания органов городского самоуправления (городских управ).

В Баку, например, 26 августа утром в Александровском соборе отслужены литургия и благодарственный молебен, участие в котором приняли представители администрации, части войск бакинского гарнизона и горожане. Отдельно отмечается, что благодарственные молебны были отслужены в армянских церквях, католическом костеле, еврейских синагогах и молитвенных домах, в мечетях [30, с. 6].

Сообщая о крестном ходе 26 августа в Тифлисе, отдельно подчеркивалось громадное стечение народа, что являлось свидетельством единодушия патриотического подъема среди разноплеменного населения. В публикациях подчеркивается главная специфика Кавказского края — полиэтничность и поликонфессиональность [30, с. 3].

К празднованию юбилейных событий подключились и представители местной промышленности. Бакинское нефтяное общество на своих участках устраивало накануне праздника бесплатные вечера для рабочих, посвященные чтению рассказов и стихотворений о событиях отечественной войны.

Сведения о праздничных мероприятиях и поощрениях в связи со 100-летним юбилеям публиковались на страницах газет. Принимали участие в этом не только имперская администрация. Данная практика была распространена и на самых нижних уровнях местных органов власти. Так в газете «Каспий» был опубликован приказ от 23 августа 1912 г. по Балахано-Сабунчинскому Полицмейстерству, который содержал в себе не только справочную информацию, но и предписание с указанием тех поощрений, которые получали сотрудники отделения полиции в юбилейную дату, а именно улучшение пищи для чего было выделен по 50 копеек на человека [28, с. 3]. Более того, исполняющий обязанности полицмейстера полковник

Здановский призывал своих подчиненных участвовать в предстоящем празднестве не только в роли обыкновенных блюстителей порядка, но и в роли рассказчиков «тех великих событий». Содержание предполагаемого рассказа также было приведено с указанием данных о численности войск в 1812 г., о количестве лошадей и орудий с обеих сторон. Указание на изначально неравную борьбу России с армией Наполеона, было призвано еще больше подчеркнуть значение подвига русских солдат. В этом же материале давался четкий ответ на вопрос, кто же победил в бою на Бородинском поле. Ответ был очевиден, несмотря на то, что после этого Москва была сдана неприятелю. Данный факт был представлен как тактический ход со стороны командования.

Накануне и непосредственно 26 августа 1912 г. на страницах газет были опубликованы обширные статьи о войне 1812 г. Их содержание не отличалось принципиальным разнообразием, преобладали материалы, описывающие ключевые события 1812 г., преимущественно Бородинское сражение, состав обеих армий, ход сражения, в конце статьи подводился его итого. Например, в газете Каспий на вопрос о том, кто одержал победу на Бородинском поле, дается следующий ответ: «Бородинская битва, если не дала фактической победы русским, как не дала ее и французам, то, несомненно: нравственную победу одержали русские, и нравственное поражение понесли французы» [31, с. 4]. Газета «Таганрогский вестник» пошла еще дальше, опубликовав, напечатанный ранее в «Русском инвалиде» документ, согласно которому наполеон за несколько часов до отступления русских под Бородино подготовил приказ об отступлении. Тем самым признавалось, что фактическая победа в этом сражении принадлежала русским [32, с. 3].

Важное значение для организаторов юбилейных торжеств имело приобщение к празднику молодого поколения. В Ростове участие детей предполагалось массовым и продумывалось до мелочей, вплоть до плана по оказанию медицинской помощи потенциальным пострадавшим в давке [33, с. 2]. В Новочеркасске городской комитет ассигновал обществу попечения о детях 100 рублей для устройства в городском саду празднеств для детей. Общество планировало устроить демонстрацию картин синематографа, исторические чтения, карусель и игры [34, с. 4].

Большинство подобного рода публикаций сопровождались визуальным рядом, который чаще всего включал портреты двух императоров: Александра I и Наполеона, карты Бородинской битвы и т. д. Подбор изображений вытекал из тематики статьи. Большие газеты, например, пользовавшийся популярностью по всему югу Российской империи «Приазовский край», посвящали событиям 1812 г. и связанным с ними торжествам страницы и даже целые номера иллюстрированных приложений. Так, в картине «Наполеон под Смоленском», портреты «вождей русской армии» и военачальников Наполеона [35, с. 129]. При этом французской стороне зачастую уделялось не меньше внимания, чем русской, а «образ врага» отличался удивительной корректностью и нейтральностью.

Так, вторая страница № 32 приложения к «Приазовскому краю» была целиком посвящена Наполеону и французской армии, составленная из изображений: «Наполеон и гвардия», портреты маршалов Наполеона, картина «Наполеон в русской избе» и т. п. [35, с. 130]. В следующем номере портреты маршалов Наполеона были изображены, окруженными русскими генералами, в чем, возможно, был некоторый символизм. Среди последних, отдавая дань местной специфике, редакторы газеты поместили и портрет казачьего атамана Матвея Платова [36, с. 133]. Номер, вышедший в день торжеств, был целиком посвящен войне 1812 г. Даже развлекательная часть содержала карикатуру «Наполеон и Александр І» и «юбилейный ребус» [37, с. 141–144], в котором была зашифрована фраза «Почтим приветом остров одинокий, где часто в думу погружен, на берегу о Франции далекой воспоминал Наполеон» [38, с. 148]. В сентябрьском приложении газета поместила помимо стандартного набора картин и портретов также фотографии бородинских торжеств в Ростове-на-Дону, показывающей насколько юбилейные мероприятия в городе, были массовыми [38, с. 147].

Помимо подобного рода публикаций обращает внимание на себя статьи, стремящиеся рассмотреть события 1812 г. не с событийного, а проблемного ракурса. Например, газета Каспий опубликовала материал, анализирующий современные началу XX в. принципы изучения войны в рамках исторической науки. Отмечая ключевые направления развития исторического знания, автор пишет о склонности современных серьезных историков отойти от описательности и несколько мифического изложения событий далекого прошлого в той примитивно хвалебной и биографической форме, как писалась история еще в середине XIX в. Подобный подход в статье приписывается только шовинистической и националистической печати, которая склонна писать батальную и индивидуализированную историю. Основываясь на анализе того огромного количества материала, который был издан к 100-летнему юбилею войны 1812 г. автор выделяет несколько моментов, которые с его точки зрения заслуживают отдельного внимания. Первым из них автор называет стремление свести мероприятия как внешней, так и внутренней политики к деятельности правящих сфер, что абсолютно не подходит для исследования войн, т. к. возможные дипломатические стремления и цели оказываются далеки от народа. По его мнению, это ставит на повестку дня изучение роли трудовой, крепостнически-закабаленной России в вопросе о войне 1812 г. в контексте формирования народного самосознания, благодаря которому стала возможна отмена в 1861 г. крепостного права. По мнению автора статьи, было бы ошибкой не учесть этого скрытого влияния при определении социальных причин великого переворота 1861 г. «История героев и царств заслонила собой величественную и простую историю вековых страданий и унижений, но вот вдруг поднимается завеса и мелькает за ней туманный страдальческий лик в порывах мятежных исканий правды... и в шуме торжественных празднеств и юбилеев скорбной тенью встает перед довольными и праздными его тяжелая трудовая недоля...» [31, с. 6].

Общественно-политические газеты включали как пространные материал исторического содержания о 1812 г., так публицистические произведения по данной тематике. Определявшие себя как общественно-литературные выбирали в качестве темы для своих статей более широкого содержания, например, статья «Наполеон и любовь» в газете «Бакинец» была посвящена взаимоотношениям императора с Марией Валевской с весьма скептической оценкой роли представителей высшего света Польши в этих отношениях. Юная графиня представлена в образе жертвы, насильно принесенной Наполеону поляками из соображений патриотизма [39, с. 2].

Правые патриотически настроенные газеты выражали достаточно четкую позицию относительно роли самодержавия в победе в войне 1812 г. не только для России, но и для стран Европы «русский император позаботился не только о своей стране и своем народе, но и о всех народах Европы, сохранив им родные достояния и обеспечив мир. И не будь России – не было бы теперь ни Германии, ни Англии, ни Австрии, ни других европейских держав, которые великодушно пощадил царь наш» [40, с. 1] пишет в своей передовице газета «Голос Кавказа». И это характерно не только и даже не столько для региональной прессы. В данном случае газеты Кавказского края скорее неотъемлемая часть развернувшейся в этот период борьбе за места в IV Государственную думу. Избирательная кампания, проходившая параллельно с юбилейными событиями, уже в начале сентября полностью вытеснила тематику войны 1812 г. со страниц подобных изданий. После 26 августа пресса еще в течение недели пресса сообщала о продолжавшихся мероприятиях, которые включали в себя, например, шествия с флагами, факелами, затем подобного рода публикации уходят со страниц газет. Отдельные публикации, связанные с юбилеем Отечественной войны, появлялись в прессе вплоть до середины сентября 1912 г. Как правило, это были статьи, посвященные памятным датам войны, произошедшим после Бородинского сражения, например, взятию французами Москвы [41, с. 2]. Затем эта тематика была вытеснена более актуальными событиями, такими как выборы в Государственную думу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Глинка, С. Н. Записки о 1812 годе / С. Н. Глинка. СПб. : В типографии Императорской Российской академии, 1836. 362 с. Текст : непосредственный.
- 2. Веригин, А. И. Открытие памятника на Бородинском поле в 1839 г. Из воспоминаний офицера Генерального штаба А.И.В. / А. И. Веригин. Текст : непосредственный // Русская старина. 1885. № 4. С. 125—138.
- 3. Скугаревский, А. П. 1812-й год: от начала войны до Смоленска включительно: практические приемы изучения военной истории / А. П. Скугаревский. Казань: Типолитография Императорского университета, 1898. 171 с. Текст: непосредственный.
- 4. Харкевич, В. И. Война 1812. От Немана до Смоленска / В. И. Харкевич. Вильна : Типография Штаба Виленского Военного Округа, 1901. 255 с. Текст : непосредственный.

- 5. Бескровный, Л. Г. Отечественная война 1812 года / Л. Г. Бескровный. М., 1962. Текст : непосредственный.
- 6. Тарле, Е. В. Нашествие Наполеона на Россию / Е. В. Тарле. М., 1938. Текст : непосредственный.
- 7. Сироткин, В. Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. / В. Г. Сироткин. М., 1966. Текст : непосредственный.
- 8. Земцов, В. Н. Отечественная война 1812 года: опыт социокультурного прочтения / В. Н. Земцов. Текст : непосредственный // Историко-педагогические чтения. 2020. № 24. С. 36—44.
- 9. Цимбаев, К. Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX начала XX века / К. Н. Цимбаев. Текст : непосредственный // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98—108.
- 10. Болдина, Е. Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) / Е. Г. Болдина. Текст : непосредственный // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы IV и V Всероссийской научной конференции. Бородино, 1995—1996 гг. Бородино, 1997. С. 190—197.
- 11. Горбунов, А. В. Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи / А. В. Горбунов. Текст: непосредственный // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVII Международной научной конференции. Можайск, 5—7 сентября 2011 г. Можайск, 2012. С. 153—161.
- 12. Секиринский, С. С. Формирование традиции празднования годовщин войны 1812—1814 годов / С. С. Секиринский. Текст: непосредственный // Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М.: Кучково поле, 2012. С. 225—242.
- 13. Ульянова, Г. Н. Юбилеи Бородинской битвы и проблема трансформации исторической памяти: историография и периодизация / Г. Н. Ульянова. Текст : непосредственный // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы. М., 2013. С. 498–509.
- 14. Два века в памяти России. 200-летие Отечественной войны 1812 года : сборник статей / отв. ред. В. В. Лапин. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 270 с. Текст : непосредственный.
- 15. Russia and the Napoleonic Wars / ed. by J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Basingstoke, Hampshire, England : Palgrave Macmillan, 2015. XVII, 271 p.
- 16. Martin B. P. Napoleonic Friendship: Military fraternity, intimacy and sexuality in 19th century France. New Hampshire, 2014.
- 17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1905 г. № 26962. СПб., 1908. Текст : непосредственный.
- 18. Крючков, И. В. Образ Отечественной войны 1812 г. в либеральной российской прессе в контексте столетнего юбилея войны / И. В. Крючков, Н. Д. Крючкова. Текст: непосредственный // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева, Т. А Булыгиной. Саратов: Сарат. гос. ун-т; Ставрополь: СКФУ, 2012. Вып. 6. С. 9–20.
- 19. Зайцев, В. А. Столетний юбилей Отечественной войны 1812 года в освещении казанской прессы / В. А. Зайцев. Текст : непосредственный // Бородино и освободительные походы русской армии 1813—1814 годов : материалы Международной научной конференции, 3—6 сентября 2014 г. Бородино : Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2015. С. 548–558.

- 20. Спиридонова, Л. М. Празднование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года в Пензенской губернии (по материалам периодической печати) / Л. М. Спиридонова. Текст : непосредственный // Моя Малая Родина : материалы всероссийской научно-практической конференции, проходившей в с. Степановка в ноябре 2009 года. Вып. 6. Пенза, 2009. С. 235–240.
- 21. Скворцов, А. А. Периодика Кубани о столетии победы над Наполеоном / А. А. Скворцов. Текст : непосредственный // Агропродовольственная экономика. 2004. Т. 5. С. 49.
- 22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 919. Оп. 2. Д. 860. Текст : непосредственный.
 - 23. Приазовская речь. 1910. № 252. Текст : непосредственный.
 - 24. Призыв. 1910. № 25. Текст : непосредственный.
 - 25. Приазовский край. 1912. № 223. Текст: непосредственный.
 - 26. Приазовский край. 1912. № 227. Текст : непосредственный.
 - 27. Таганрогский вестник. 1912. № 154. Текст : непосредственный.
 - 28. Каспий. 1912. № 192. Текст : непосредственный.
 - 29. Кавказ. 1912. № 194. Текст : непосредственный.
 - 30. Каспий. 1912. № 194. Текст : непосредственный.
 - 31. Каспий. 1912. № 193. Текст : непосредственный.
 - 32. Приазовский край. 1912. № 220. Текст : непосредственный.
 - 33. Приазовский край. 1912. № 224. Текст : непосредственный.
 - 34. Таганрогский вестник. 1912. № 225. Текст : непосредственный.
- 35. Иллюстрированное приложение к газете «Приазовский край». 1912. № 32. Текст : непосредственный.
- 36. Иллюстрированное приложение к газете «Приазовский край». 1912. № 33. Текст : непосредственный.
- 37. Иллюстрированное приложение к газете «Приазовский край». 1912. № 35. Текст : непосредственный.
- 38. Иллюстрированное приложение к газете «Приазовский край». 1912. № 36. Текст : непосредственный.
 - 39. Бакинец. 1912. № 40. Текст : непосредственный.
 - 40. Голос Кавказа. 1912. № 1766. Текст: непосредственный.
 - 41. Приазовский край. 1912. N 232. Текст : непосредственный.

REFERENCES

- 1. Glinka S. N. *Zapiski o 1812 gode* [Notes about 1812]. SPb., the Publishing House of the Imperial Russian Academy, 1836. 362 p.
- 2. Verigin A. I. Opening of the monument on the Borodino field in 1839. From the memoirs of the officer of the General Staff A.I.V. *Russkaya Starina* = *Russian Antiquity*, 1885, No. 4, pp. 125–138. (In Russian).
- 3. Skugarevskij A. P. *1812-y god: ot nachala voyny do Smolenska vklyuchitel'no: prakticheskie priemy izucheniya voennoy istorii* [1812: from the Beginning of the War to Smolensk: Practical Methods of Studying Military History]. Kazan, the Publishing House of the Imperial, 1898. 171 p.
- 4. Harkevich V. I. *Voyna 1812. Ot Nemana do Smolenska* [War of 1812. From Neman to Smolensk]. Vilna: the Publishing House of the Headquarters of the Vilna Military District, 1901. 255 p.
- 5. Beskrovnyy L. G. *Otechestvennaya vojna 1812 goda* [The Patriotic War of 1812]. M., 1962.

- 6. Tarle E. V. *Nashestvie Napoleona na Rossiyu* [Napoleon's Invasion of Russia]. M., 1938.
- 7. Sirotkin V.G. Duel' *dvuh diplomatiy: Rossiya i Franciya v 1801–1812 gg.* [The Duel of two Diplomacies: Russia and France in 1801–1812]. M., 1966.
- 8. Zemtsov V.N. The Patriotic War of 1812: the Experience of Socio-Cultural Reading. *Istoriko-pedagogicheskie Chteniya* = *Historical and pedagogical readings*, 2020, No. 24, pp. 36–44. (In Russian).
- 9. The phenomenon of jubilee mania in Russian public life in the late 19th early 20th centuries. *Voprosy Istorii* = *The Issues of History*, 2005, No. 11, pp. 98–108. (In Russian).
- 10. Boldina E. G. From the history of the Borodino celebrations of 1839 (according to the documents of the Central Historical Archive of Moscow). *Otechestvennaya vojna* 1812 goda. *Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy IV i V Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Borodino, 1995–1996 gg. = Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Materials of the IV and V All-Russian Scientific Conference.* Borodino, 1997, pp. 190–197. (In Russian).
- 11. Gorbunov A. V. Borodino celebrations of 1839 and 1912 as examples of celebrating historical anniversaries in the Russian Empire. *Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XVII mezhdu-narodnoj nauchnoj konferencii. Mozhajsk, 5–7 sentyabrya 2011 g. = Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Materials of the XVII International Scientific Conference*. Mozhaysk, 2012, pp. 153–161. (In Russian).
- 12. Sekirinskiy S. S. The Formation of the tradition of celebrating the anniversaries of the war of 1812–1814. *Otechestvennaya vojna 1812 goda v kul'turnoj pamyati Rossii* = *The Patriotic War of 1812 in the Cultural Memory of Russia*. M., Kuchkovo pole, 2012, pp. 225–242. (In Russian).
- 13. Ul'yanova G. N. Anniversaries of the Battle of Borodino and the problem of the transformation of historical memory: historiography and periodization. *Epoha 1812 goda v sud'bah Rossii i Evropy = The Epoch of 1812 in the Destinies of Russia and Europe*. M., 2013, pp. 498–509. (In Russian).
- 14. Dva veka v pamyati Rossii. 200-letie Otechestvennoy voyny 1812 goda: sbornik statey [Two Centuries in the Memory of Russia. 200th Anniversary of the Patriotic War of 1812: Collection of Articles]. SPb., The Publishing House of the European University, 2015. 270 p.
- 15. Russia and the Napoleonic Wars. Ed. by J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Basingstoke, Hampshire, England: Palgrave Macmillan, 2015. XVII, 271 p.
- 16. Martin B. P. Napoleonic Friendship: Military fraternity, intimacy and sexuality in 19th century France. New Hampshire, 2014.
- 17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. 1905 g. [A Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Third Collection. 1905]. № 26962. SPb., 1908.
- 18. Kryuchkov I.V., Kryuchkova N.D. The image of the Patriotic War of 1812 in the liberal Russian press in the context of the centenary of the war. *Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. = History and Historical Memory: Interuniversity. Collection of Scientific Works.* Saratov; Stavropol, Saratov State University; North Caucasus Federal University, 2012, iss. 6, pp. 9–20. (In Russian).
- 19. Zaytsev V.A. The 100th Anniversary of the Patriotic War of 1812 in the coverage of the Kazan press. Borodino i osvoboditel'nye pohody russkoj armii 1813–1814 godov: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 3–6 sentyabrya 2014 g. = Borodino and the Liberation Campaigns of the Russian Army of 1813–1814: the Materials of the Inter-

national Scientific Conference, September 3–6, 2014. Borodino, State Borodino Military History Museum-Reserve, 2015, pp. 548–558. (In Russian).

- 20. Spiridonova L.M. Celebration of the centenary of the Patriotic War of 1812 in the Penza province (based on materials from periodicals). *Moya Malaya Rodina: materialy vserossijskoj nauchno- prakticheskoj konferencii, prohodivshej v s. Stepanovke v noyabre 2009 goda. Vyp.* 6 = My Little Motherland: the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference in Stepanovka in November 2009, Penza, 2009, iss. 6, pp. 235–240. (In Russian).
- 21. Skvortsov A.A. Periodicals of the Kuban about the centenary of the victory over Napoleon. *Agroprodovol'stvennaya ekonomika* = *Agricultural and Food Economics*, 2004, vol. 5, p. 49. (In Russian).
- 22. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 919, inventory 2, case 860.
 - 23. Priazovskaya rech. 1910, No. 252.
 - 24. Prizyv. 1910, No. 25.
 - 25. Priazovskij kray. 1912, No. 223.
 - 26. Priazovskij kray. 1912, No. 227.
 - 27. Taganrogskij vestnik. 1912, No. 154.
 - 28. Kaspiy. 1912, No. 192.
 - 29. Kavkaz. 1912, No. 194.
 - 30. Kaspiy. 1912, No. 194.
 - 31. Kaspiy. 1912, No. 193.
 - 32. Priazovskij krav. 1912, No. 220.
 - 33. Priazovskij kray. 1912, No. 224.
 - 34. Taganrogskij vestnik. 1912, No. 225.
- 35. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete «Priazovskiy kray»* [An Illustrated Supplement to the newspaper "Priazovsky Krai"]. 1912, No. 32.
- 36. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete «Priazovskiy kray»* [An Illustrated Supplement to the newspaper "Priazovsky Krai"]. 1912, No. 33.
- 37. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete «Priazovskiy kray»* [An Illustrated Supplement to the newspaper "Priazovsky Krai"]. 1912, No. 35.
- 38. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete «Priazovskiy kray»* [An Illustrated Supplement to the newspaper "Priazovsky Krai"]. 1912, No. 36.
 - 39. Bakinets. 1912, No. 40.
 - 40. Golos Kavkaza. 1912, No. 1766.
 - 41. Priazovskiy kray. 1912, No. 232.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гром, О. А. Столетний юбилей Отечественной войны 1812 г. в Кавказском крае (по материалам периодической печати) / О. А. Гром, Н. В. Дмитриева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 50–61.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Grom O. A., Dmitrieva N. V. The Centenary Anniversary of the Patriotic War of 1812 in the Kavkaz Region (on the Materials of the Periodic Print) / O.A. Grom, N.V. Dmitrieva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 50–61. (In Russian).

УДК 93.94

МУСУЛЬМАНСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ЕГО НАПРАВЛЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XX В.

В.А. Матвеев

ISLAM IN THE NORTH CAUCASUS: COMPREHENSION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES AND ITS FOCUS IN THE EARLY 20th CENTURY

V.A. Matveyev

Анномация. В статье представлен результат исследования исторического опыта поиска возможностей обеспечения интеграции исповедовавших ислам подданных Российской империи. Для этого собирались, как известно, не только необходимые сведения о конфессиональной специфике, но и о традициях. Анализу подвергается прежде всего состояние знаний в различные периоды накопления в отечественном востоковедении и кавказоведении при формировании государственного единства иноэтнических сообществ Северного Кавказа с Россией. Опираясь на выводы чиновников администрации и ученых, исследовавших обычное право горцев в XIX в., автор впервые вводит в оборот понятие российской рецепции, отмечая ее отличие от европейской.

Сближению способствовало, по его мнению, сочетание подходов со ставкой на традиционализм и мусульманскую составляющую. Накопленные знания об исламе имели немаловажное значение для достижения цивилизационной совместимости. Поскольку ислам имеет единую каноническую основу, его соотнесение с какой-либо из этнических общностей недопустимо. Подобно буддизму и христианству, эта мировая религия не предполагает такого рода сегментации. «Российское мусульманство» как идентифицирующее обозначение отражает складывающуюся реальность складывания согражданства. Изучение его специфики на Северном Кавказе продолжалось и в непростых условиях революционного кризиса и гражданской войны в России 1917—1920 гг.

Abstract. The article presents the result of the study of historical experience of searching for opportunities to ensure the integration of subjects of the Russian Empire professing Islam. For this, as is known, not only the necessary information about confessional specifics, but also about traditions was collected. First of all, the state of knowledge in different periods of accumulation in Russian oriental studies and Caucasian studies during the formation of state unity of other ethnic communities of the North Caucasus with Russia is subjected to analysis. Based on the conclusions of administration officials and scientists who studied the customary law of the mountaineers in the 19th century, the author for the first time introduces the concept of Russian reception noting its difference from the European one.

The rapprochement was facilitated, in author's opinion, by a combination of approaches with a focus on traditionalism and the Muslim component. The accumulated knowledge about Islam was of no small importance for achieving civilizational compatibility. Since Islam has a single canonical basis, its correlation with any of the ethnic communities is inadmissible. Like Buddhism and Christianity, this world religion does

not imply this kind of segmentation. "Russian Islam" as an identifying designation reflects the emerging reality of the emergence of co-citizenship. The study of its specificity in the North Caucasus continued in the difficult conditions of the revolutionary crisis and the civil war in Russia in 1917–1920.

Ключевые слова: отечественное востоковедение и кавказоведение, рецепция обычного права, исламская культура, российское мусульманство, Племенная комиссия, Академия наук, цивилизационное совмещение.

Keywords: Russian oriental and Caucasian studies, reception of customary law, Islamic culture, Russian Islam, Tribal Commission, Academy of Sciences, civilizational convergence.

Когда именно в России стал проявляться интерес к познанию мусульманского вероучения, наукой не установлено. Переводы Корана в ее пределах имели между тем востребованность еще во второй половине XVII в. Производились они в тот промежуток времени с польских изданий. Как бы там ни было, но «Алкоран Махметов» приобретали для своих частных библиотек видные государственные деятели [1, с. 346], хотя знакомство с его содержанием, судя по всему, было еще не столь распространенным. Однако перевод на русский язык 1716 г. получил уже более широкую востребованность [2, с. 31–32]. В связи с возникшим намерением ознакомиться с основами исламского вероучения во время совершения Каспийского похода в 1722 г. Петр I распорядился один из имевшихся в Петербурге вариантов доставить ему в Астрахань.

Издания Корана в России предпринимались и в дальнейшем. Наряду с религиозной спецификой включавшихся в состав империи южных ареалов с мусульманским населением изучался «быт, традиции... различных кавказских племен» [3, с. 41–42, 45]. На необходимость использования такой осведомленности для обеспечения результативности проводившейся политики обращалось, в частности, внимание в докладной записке министра финансов графа Канкрина, поданной Николаю I еще в начале его государственной деятельности в 1825 г. [3, с. 41–42, 45]. В освоении исламской культуры, по существовавшему признанию, Россия занимала в XIX в. лидирующие позиции [4, с. 32].

Складывалось же оно как составная часть русского востоковедения. Достижения его в свое время получили и мировое признание. Необходимо заметить, что академик В.В. Бартольд в историографическом обзоре в энциклопедическом словаре «Россия» наряду с ними отмечал и недостатки, выразившиеся в наличии отдельных поверхностных работ. Во всем остальном русское востоковедение, по его мнению, соответствовало высоким критериям [5, с. 812–813]. Многолетнее изучение политики в субъектах Российской империи с мусульманским населением позволило В.В. Бартольду отметить наличие в ней критерия веротерпимости. Выдерживался он так или иначе, согласно выводу ученого, в отношении всех отечественных конфессий. Осуществление же такого подхода,

по сложившемуся у В.В. Бартольда представлению, наметилось с периода правления Екатерины II [6].

В среде отечественных ученых существовал устойчивый настрой на глубокое познание и понимание культурных ценностей народов Востока, сыгравший немаловажную роль в установлении государственного единства относившихся к нему окраин с Россией. Соответствующее объективное восприятие формировали не только русские ученые, но и соотечественники мусульмане. К занимавшим административные должности представителям окраин поступали просьбы производить «собирание песен, сказок, преданий и пословиц», а также различные исторические сведения о своих народах. Вместе с тем давались советы выявленный материал разделять «по смыслу... на тетради», как это было принято при различных систематизациях в XIX в. Записывать же предлагалось в том числе «имена прославившихся в степи богатырей в древние и новые времена» [7, с. 30].

При обращении по данному поводу, например, к «старшему султану» одного из округов российской Азии «правящий должность пограничного начальника» полковник М.В. Ладыженский просил употребить все зависевшие от него «средства, чтобы дело это было окончено сколь возможно в непродолжительном времени с надлежащей полностью» [7, с. 31]. Отечественное востоковедение в середине XIX в. сбором сведений об азиатской периферии и ее мусульманском населении обогатил Ч.Ч. Валиханов [8, с. 3], сын выполнявшего данное поручение М.В. Ладыженского чиновника. Являясь казахом по «национальности», в душе он считал себя русским [9, с. 60].

Окончив Сибирский кадетский корпус в г. Омске, Ч.Ч. Валиханов оказывал содействие в проведении «научно-исследовательских работ в Степи». Наряду с этим он проводил самостоятельные поиски, собирая необходимые для управленческих структур различные «статистические сведения». Ч.Ч. Валиханов продолжал также начатую отцом запись «народных преданий, поверий, легенд». Наряду с этим он помогал организовывать в Петербурге и Москве этнографические выставки, направляя туда предметы и другие материалы [8, с. 5]. Участие Ч.Ч. Валиханов принимал и в научных экспедициях. Немалый вклад он внес вместе с тем в изучение состояния религиозности на «мусульманском Востоке» [8, с. 166–167]. С учетом знания специфики Ч.Ч. Валиханов привлекался на службу в Ученом комитете Генерального штаба [7, с. 61–70], Азиатский департамент министерства иностранных дел [7, с. 71–91], получил рекомендацию известного ученого П. Семенова в действительные члены Русского географического общества [10, с. 408].

Важнейшей составной частью русского востоковедения становилось и кавказоведение. Изначально в нем определились, наряду с изучением мусульманства, и другие не менее важные сегменты. Представителями русской власти на Кавказе с 40-х гг. XIX в. проводился также сбор сведений о традиционных обычаях горцев и возможности их использования наряду с шариатом. Инициировано это было местным управлением мирными горцами.

Изучение содержавших более ранние религиозные привязанности «народных обыкновений» также расширяло и обогащало знания об обретавших российское подданство народах Северного Кавказа.

В 1841—1842 гг. составляются даже специальные обоснования «необходимости подробно изучать обычное право горцев», изложенные в докладах заведующего канцелярией этого ведомства подполковника Бибикова. Они были направлены главнокомандующему на Кавказе Головину для принятия соответствующих решений. При его содействии вырабатывается для всего края программа, по которой и должно было производиться в дальнейшем «собирание адатов» [3, с. 45]. Воплощение же в них находили укоренившиеся традиционные нормы, основывавшиеся на более ранних религиозных представлениях.

К составлению записей привлекались штабные офицеры и представители местных судов. В их обязанности вменялось проведение опросов стариков, имевших осведомленность об адатах своих народов [3, с. 45]. Нередко сбор преданий наталкивался на недоверие, а в ряде случаев и на языковые барьеры, создававшие препятствия для качественного отображения получаемой информации. Однако, несмотря на встречавшуюся неподготовленность участников опросов, сбор сведений о народных обычаях у «туземного населения» Северного Кавказа рассматривался тогда как важное мероприятие, «гребующее весьма большой заботливости, продолжительных и постоянных занятий» [3, с. 46–47]. При таком подходе в результате с разной степенью полноты адаты еще по ходу Кавказской войны были изучены у большинства иноэтнических сообществ края [3, с. 46–47]. Подтверждением этому служат составленные описания обычаев российскими чиновниками [3, с. 47–48].

Обычаи (адаты) привлекли внимание ответственных за проводившуюся политику русских администраторов прежде всего с точки зрения возможности использования их в качестве привычных правовых норм при организации системы управления на Северном Кавказе. Сбор соответствующих сведений и их первую научную обработку предпринял Ф.И. Леонтович. Изучение обычного права производилось и по отдельным народам. М.М. Ковалевский обобщил, например, сведения о специфике его в среде осетин [11, с. 315–316], а Б.В. Миллер – у карачаевцев [12]. Это не что иное, как явление рецепции, усвоения обычного права, примененное при включении иноэтнических ареалов Северного Кавказа в систему управления империей.

Если рецепция римского права, наблюдавшаяся при культурном подъеме в Западной Европе на рубеже XI–XII вв., была связана с восприятием стандартов более совершенного юридического опыта, то российский аналог этого явления на восточных окраинах имел направленность на освоение существовавшего для недопущения резких перемен в сфере сложившихся традиций. Изучавшиеся представителями русской администрации и учеными «народные обыкновения» (адаты) являлись так или иначе отражением альтернативных исламу норм, имевших ретроспективную религиозную предопределенность.

В среде горцев они, несмотря ни на что, устойчиво сохранялись и имели широкую распространенность. Издание собраний сведений об адатах продолжилось и после окончания вооруженного противостояния в крае.

Так, в 1864 г. выпущены «Краткое описание обычаев, существовавших между туземцами Ингушского округа» и «Сборник адатов жителей Нагорного округа», а в 1865 г. – сборники адатов у осетин и кумыков [3, с. 48]. Рецепция (усвоение) обычного права туземных обществ северокавказской окраины, таким образом, проводилась российской администрацией систематически и имела нацеленность на конечный результат, находивший воплощение не только в практических решениях, но и в публикациях. Это и позволяло осуществлять управление с опорой на знание местной специфики. Необходимостью ее выявления как раз и объясняется осторожность, с которой представители русской власти подходили к определению сословных привилегий [13, с. 74].

Спектр интеллектуального освоения культуры исповедовавших ислам народов окраин отечественного Востока, в том числе и Кавказа, во второй половине XIX в. отличался разнообразием и широтой. Это касается всех подразделений ориенталистики. Достижения востоковедения и кавказоведения так или иначе соответствовали конкретным запросам интеграционного сближения, происходившего в составе Российской империи. Однако с завершением процесса формирования ее территориальных пределов наметилось некоторое ослабление интереса к соответствующим знаниям со стороны государства. Сокращаются и параметры востоковедческого образования.

Изучение ислама в отечественном востоковедении имело также направленность на обеспечение государственных потребностей. С такой же направленностью появлялись вместе с тем ознакомительные публикации о мусульманстве. Подтверждением этому являются различные издания в доступной форме заметок об основах вероучения [14]. Одна из таких версий изложена, в частности, в «Письмах о Магометанстве», поводом к составлению которых, как можно судить по вступлению к первому, послужили сетования при встрече в Тифлисе 16 марта 1847 г. на «затруднительное... положение», испытываемое в соответствующих кругах поставленным «начальствовать» представителем русской администрации, когда заходила «речь о вере» [14, с. 1].

За разъяснениями он обратился к православному священнику, обладавшему соответствующими познаниями. Ответы давались постепенно в каждом из писем. Автор составлял их, «помня слышанные... вопросы», и старался «удовлетворять им, основываясь на истинах веры» [14, с. 4]. Задававшему при встрече вопросы администратору первое письмо предоставлено сразу же, как только он обратился с просьбой. Следующие послания в 1847 г., согласно проставленным датировкам, последовали 20 июля из Петербурга и 24 декабря — Сергеевой пустыни [14, с. 59]. Затем адресату на Кавказ с 20 марта 1848 г. они снова отправлялись из российской столицы [14, с. 141]. Последнее, седьмое письмо, автор послал 10 апреля того же года из Москвы [14, с. 159]. Наложенная же 20 мая 1848 г. резолюция с разрешением публикации свидетельствует о быстроте издания «Писем о Магометанстве» отдельной книгой. Продиктовано это было пониманием необходимости ознакомления с основами исламского вероучения более широкого круга читателей.

Разрешение к печати «Писем о Магометанстве» сопровождалось требованием предоставить «по отпечатании... в Цензурный Комитет узаконенное число экземпляров». Проставлена и дата, когда оно последовало: «Мая 20 дня, 1848 года». В данном фрагменте помечено и то, что предоставлялось оно типографии III отделения «собственно Его Императорского Величества канцелярии». Резолюцию «печать позволяется» наложил «От Санктпетербургской Духовной Цензуры... Архимандрит Аввакум» [14, с. 2]. Надзор таких подразделений Синода в Российской империи и на местах устанавливался для книг только религиозного содержания и предназначался в том числе для противодействия образованию сект во всех без исключения конфессиях [15, с. 150].

Несмотря на полемичность описаний, автор «Писем о Магометанстве» отвергает малейшую возможность оскорбить соотечественников другой веры «не только словом, но даже неприятным для них помыслом», так как «дело касается» основанного на религиозной убежденности мировоззрения «близкого их сердцу». По его признанию, «одна только искренняя к ним любовь побуждает... говорить» [14, с. 4]. В прилагавшихся комментариях об исламе для тех, кто поставлен управлять Кавказом, содержалось разъяснение, что «строгое исполнение нравственных правил Корана, в котором есть... много назидательного», должны сделать каждого подданного этой российской окраины «прежде искренним Магометанином». По наставлению автора писем, сближение может происходить и под влиянием получаемого образования [14, с. 7–8]. По цитировавшимся в них сюжетам прослеживается вместе с тем знание содержания Корана [14, с. 90, 100, 106].

Изучение ислама в Российской империи продолжалось и во второй половине XIX. Немалый вклад, необходимый для объективного понимания явления «русского мусульманства», вносили и исламские богословы. В изданных отдельной брошюрой заметках о нем (1881) крымско-татарский просветитель Исмаил бей Гаспринский одним из первых изложил те идеи, которые впоследствии определили содержание теории евразийства. Согласно его точке зрения соединение с Востоком «охраняло Русь от более сильных тонко рассчитанных чужеземных влияний и, своеобразным характером своим способствовало к выработке идеи единства Руси, воплотившейся в первый раз на Куликовом поле» [16, с. 259]. Существовавшие во второй половине XIX в. границы империи Исмаил бей Гаспринский рассматривал в том числе как «наследие татар» [16, с. 258].

Несмотря на происходившее накопление знаний, при расширении в начале XX в. панисламистской пропаганды в субъектах Российской империи с соответствующим составом населения на правительственном уровне признавалось наличие при выработке мер противодействия недостаточной все же

осведомленности «относительно внутренних эволюций русского мусульманского мира за последние десятилетия». Констатация такого рода содержалась, в частности, в записке П.А. Столыпина, представленной на ознакомление специального правительственного совещания 15 января 1911 г. [17, с. 320].

Для исправления положения в ней намечались меры по государственному обеспечению надлежащей «осведомленности в... мусульманском вопросе». Изменение создавшейся ситуации предполагалось «систематическим практическим изучением», проведением целенаправленных наблюдений «на местах» и «научною разработкою» связанной с исламом тематики, а также «периодическим обменом... мнений» представителей управленческих структур. Получаемые результаты предусматривалось сопровождать «всесторонним освещением... в печати». Вместе с тем признавалась настоятельная необходимость в установлении более тесного взаимодействия всех имеющих причастность к выработке подходов по совершенствованию политики в отношении исповедовавших ислам подданных. Обращалось внимание и на необходимость углубленного «изучения русского мусульманского Востока соответственным расширением подлежащих факультетов... Петербургского и Казанского университетов» [17, с. 326].

Существовавшие же «на миссионерском отделении Казанской духовной академии» кафедры восточных языков в записке П.А. Столыпина «по мусульманскому вопросу» от 15 января 1911 г. предлагалось «пополнить учреждением кафедр местных инородческих наречий, для приобретения учащимися практических знаний этих наречий» [17, с. 327]. Наряду с другими просветительскими мерами намечалось также «составить и издать краткий очерк мусульманства». Полемические же публикации рекомендовалось выдерживать исключительно «в духе христианских мира и любви» [17, с. 328].

Между тем проявлявшийся в реальности интеграционный потенциал отечественного мусульманства в записке П.А. Столыпина, как можно судить по ряду оценочных суждений в содержании, недооценивался. Об этом, в частности, свидетельствует рекомендация поручить имевшим богословскую образованность православным авторам написание «обличительного катехизиса мусульманского учения с назначением премий за лучшие сочинения» [17, с. 328]. Осознание необходимости расширения объемов востоковедческого образования, после предпринятых ранее сокращений, таким образом, вновь появилось. Во «Всеподданнейшем отчете за восемь лет управления Кавказом» наместником его императорского величества И.И. Воронцовым-Дашковым, наряду с выделенными благоприятными для интеграции изменениями в конфессиональной сфере, обосновывается и необходимость повышения уровня образованности мусульманского духовенства (1913) [18].

Недостаток знаний об отечественном мусульманстве обнаружился в очередной раз в условиях, когда накануне и с началом первой мировой войны на окраинах отечественного Востока усилилась панисламистская пропаганда. В связи с обозначившимися в 1914 г. геополитическими угрозами и по другим

направлениям в Российскую императорскую академию наук поступил официальный заказ на сбор сведений о составе населения и конфессиональной специфике различных входивших в состав государства субъектов.

Для организации исследований выделялась соответствующая финансовая поддержка. Задания сводились к составлению на их основе необходимых систематизированных описаний о расселении и численности входивших в состав государства народов. В Российской императорской академии наук в связи с этим была образована Племенная комиссия, развернувшая напряженную многоплановую работу. Исследования ее были направлены главным образом на подготовку необходимых пояснительных записок и карт расселения для ожидаемой конференции по окончании войны [19, л. 27].

Состояние знаний об этническом и религиозном составе населения в ряде южных субъектах Российской империи в тот период прослеживается по справочным сопровождениям к расписанию «царского поезда», предоставленного императору Николаю II для ознакомления с местной спецификой по пути следования состава на Кавказский фронт в конце ноября 1914 г. [20, л. 169–169-об]. Составлялись они в виде кратких справочных сведений. Содержали сведения об исповедовавших ислам подданных и отпечатанные в существовавших при губернских и областных правлениях типографиях буклеты, которые подавались монарху также на станциях в административных центрах. В них указывался «племенной состав», численность населения, конфессиональная принадлежность (исповедания) [20, л. 252, 253-об; 21, л. 59-об-60] и т. д. Иные данные о региональных особенностях отсутствовали. Не затрагивалась в том числе тема усилившейся для дестабилизации тыла Кавказской армии панисламистской пропаганды.

Деятельность же Племенной комиссии преимущественно определялась в преобладающей степени перспективами созыва международной конференции для выработки условий мира [22, л. 2–3]. Об огромном значении, которое придавалось трудам комиссии, свидетельствует и то, что в ее состав были включены лучшие отечественные ученые: председателем являлся известный востоковед, специалист по российскому и зарубежному буддизму, академик С.Ф. Ольденберг, от Кавказа в нее входил академик Н.Я. Марр и др. [22, л. 3]. Для повышения эффективности работы созданного дополнительно к существовавшим академического подразделения налаживалось тесное взаимодействие с комиссией при Русском географическом обществе, уже занимавшейся составлением этнографической карты России и располагавшей частью необходимой информации. Несмотря на это, упущения в изучении специфики этнического и конфессионального состава населения в субъектах Российской империи продолжали сказываться [22, л. 3–4].

Оценивая исследования, проведенные Племенной комиссией в 1914—1917 гг., Министерство внутренних дел, ранее периодически производившее сбор информации о народах российских окраин и неплохо осведомленное о действительном положении на этом направлении, констатировало, что они

«восполняют собою... пустое место» [22, л. 2]. В данном резюме, безусловно, есть и доля преувеличения, свойственная тем, кто по роду деятельности призван выявлять подтверждения об угрозах. Но в этом министерстве существовало специализированные подразделения, Центральный статистический комитет и Департамент духовных дел, занимавшийся вопросами различных отечественных и зарубежных конфессий [23, л. 1]. Заключения ведомства такого рода составлялись, как правило, с их участием.

Февральский переворот 1917 г. и ломка установившихся государственных отношений с некоторыми регионами и иноэтническими сообществами побудили входивших в Племенную комиссию отечественных ученых расширить объем решаемых задач и незамедлительно приступить к подготовке комплексных материалов о «племенном составе» и исповедной принадлежности населения России в целях преодоления кризиса [19, л. 27–27-об]. В регламентирующую документацию комиссии вносятся поправки, учитывающие изменения: «Все эти материалы предназначаются ныне прежде всего для Учредительного собрания, которое... будет нуждаться в авторитетных данных... при решении сложных национальных вопросов и при рассмотрении различных... требований отдельных национальностей. Особенно велика потребность в научно обоснованных, точных и объективных этнографических картах... при установлении целесообразности границ территориальных областей... при выработке общегосударственных мероприятий» [22, л. 2].

Обстоятельства революционного времени в 1917 г. заставили и Министерство внутренних дел проводить сбор сведений о народах российских окраин систематически. Но выполнение столь масштабной задачи в короткие сроки было ему одному не под силу. Поэтому возникла настоятельная необходимость согласовать мероприятия этого ведомства с деятельностью Племенной комиссии Академии наук и по возможности опираться на полученные ею результаты, тем более что их цели на этапе сбора подобных сведений во многом совпадали. Для организации же собственных мероприятий на этом направлении, в чем также существовала огромная потребность, и руководства ими Министерство внутренних дел вскоре после февральского переворота приступило к созданию особого национального отдела, в ведение которого вменялось «собирание, систематизация и изучение материалов по национальному вопросу для Всероссийского Учредительного собрания» [24, л. 1].

Специализированный отдел для изучения национальных требований в составе Министерства внутренних дел был создан лишь в сентябре [25, л. 5]. Тогда же он приступил к сбору сведений о национальных движениях [24, л. 1]. Религиозная тематика в связи с произошедшими переменами в качестве важнейшего для государства приоритета уже не фигурировала. Потребность в ней, как можно судить по скорректированному государственному заданию Племенной комиссии в 1917 г., несколько ослабевает. В октябре национальный отдел Министерства внутренних дел на основе разработок Племенной комиссии Российской академии наук начал готовить издание этнографических карт и

пояснительных записок к ним, куда должен был войти и собранный материал по Северному Кавказу [23, л. 1]. Завершить эту крайне важную для будущего работу на том этапе не удалось. Комиссия по изучению племенного состава населения России выпускала о своей деятельности информационные брошюры, отображавшие в том числе данные по ряду аспектов религиозной специфики.

Результаты исследований по Кавказу, осуществлявшихся в предшествующий период по государственному заданию, порученному Племенной комиссии, а также при подготовке необходимой информации для Учредительного собрания в 1917 г. публиковались и в период гражданской войны. Несмотря на сложную обстановку, российские ученые продолжали начатую ранее работу. Об этом свидетельствуют, в частности, протоколы заседаний привлекавшихся к ней ученых. Под рубрикой «Российская Академия наук.

Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России» через непродолжительное время начала выходить серия публикаций. На продолжение соответствующих исследований указывают и формулировки тем других издававшихся им обобщений собранных материалов. Выполнение же заданий, как задумывалось тогда, должно было способствовать сохранению целостности России. Расширены были также представления и об отечественном мусульманстве, хотя в период революционного кризиса и гражданской войны неоднократно обнаруживался и недостаток соответствующих знаний. Участниками событий отмечалось это и по Северному Кавказу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. VII (т. 13–14). История России в эпоху преобразования / С. М. Соловьев. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 695 с. Текст: непосредственный.
- 2. Шафранов, В. П. К вопросу о формировании адыгейской социалистической народности / В. П. Шафранов. Текст: непосредственный // Из истории партийной организации Адыгеи: сборник статей. Ростов н/Д.: РГПИ, 1976. С. 19—57.
- 3. Ладыженский, А. М. Адаты горцев Северного Кавказа / А. М. Ладыженский; подг. текста и коммент. И. Л. Бабич. Текст: непосредственный // Южнороссийское обозрение. Вып. 18. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 220 с.
- 4. Шукуров, Р. По дороге в Индию / Р. Шукуров. Текст : непосредственный // Родина. 1995. № 10. С. 30—33.
- 5. Россия. Энциклопедический словарь (Б/и.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон; СПб., 1898). Л. : Лениздат, 1991. 922 с. Текст : непосредственный.
- 6. Бартольд, В. В. Ислам. Культура мусульманства / В. В. Бартольд. М. : Юрайт, 2018. 221 с. Текст : непосредственный.
- 7. Валиханов, Ч. Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5 / Ч. Ч. Валиханов. Алма-Ата : Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. 528 с. Текст : непосредственный.
- 8. Валиханов, Ч. Избранные произведения / Ч. Валиханов ; вступ. ст. А. Х. Маргулана. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 414 с. Текст : непосредственный.
- 9. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. М. : Мишель и К°, 1994. 512 с. Текст : непосредственный.

- 10. Валиханов, Ч. Ч. Страна шести городов. Дневник путешествия на Иссык-Куль / Ч. Ч. Валиханов. – М.: Э, 2017. – 448 с. – Текст: непосредственный.
- 11. Матвеев, В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. 1917 г.) / В. А. Матвеев. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д. : Омега Паблишер, 2012. 560 с. Текст : непосредственный.
- 12. Миллер, Б. В. Из области обычного права карачаевцев / Б. В. Миллер. Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. 1902. № 1.
- 13. Эсадзе, С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2 т. Т. 2 / С. Эсадзе. Тифлис : Типография «Гуттенберг», 1907. 310 с. Текст : непосредственный.
- 14. Письма о Магометанстве. СПб. : В типографии III Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии, 1848.-159 с. Текст : непосредственный.
- 15. Брокгауз, Ф. А. Россия. Иллюстрированный энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. М. : Эксмо, 2007. 704 с. Текст : непосредственный.
- 16. Гаспринский, И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина / И. Гаспринский. Текст: непосредственный // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М.: Наука, 1994. 332 с. С. 257—259.
- 17. Записка П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу», 15 января 1911 г. Текст : непосредственный // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII начало XX в.) : сборник материалов / сост. и авт. вступит. ст., предисл. и коммент. Д. Ю. Арапов. М. : Наталис, 2006. 480 с. С. 313–347.
- 18. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генераладъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб. : Государственная типография, 1913. 36 с. Текст : непосредственный.
- 19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Текст : непосредственный.
 - 20. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1339. Текст : непосредственный.
 - 21. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1945. Текст : непосредственный.
- 22. Государственный архив Российской федерации (далее ГАРФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1303. Текст : непосредственный.
- 23. Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ). Ф. 13. Оп. 11. Д. 332. Текст : непосредственный.
 - 24. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 4. Д. 2. Текст : непосредственный.
 - 25. ГАРФ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 434. Текст : непосредственный.

REFERENCES

- 1. Solovyev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen [History of Russia since ancient times]. Moscow, Publishing House of Socio-economic Literature, 1962, vol. 13–14. 695 p.
- 2. Shafranov V.P. To the question of the formation of the Adygei socialist people. Iz istorii partiynoy organizatsii Adygei. Sb. statey = From the History of the Party Organization of Adygeya. A Collection of articles. Rostov-on-Don: RSPI, 1976. Pp. 19–57. (In Russian).
- 3. Ladyzhenskiy A.M. Adata of the Gortsy of the North Caucasus. Yuzhnorossiyskoye obozreniye = South Russian review. Rostov-on-Don, Publishing House of NSSC HS, 2003, iss. 18. 220 p.

- 4. Shukurov R. On the way to India. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal «Rodina» = Russian historical magazine "Rodina", 1995, No. 10, pp. 30–33. (In Russian).
- 5. Rossiya. Entsiklopedicheskiy slovar' [Russia. Encyclopedia]. Brockhaus and Efron. L., Lenizdat, 1991. 922 p.
- 6. Bartold V.V. Islam. Kul'tura musul'manstva [Islam. Culture of Islam]. Moscow, Yurayt Publishing House, 2018. 221 p.
- 7. Valikhanov C.C. Sobraniye sochineniy v pyati tomakh [Collected Works in Five Volumes]. Alma-Ata, Main Editorial Office of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985, vol. 5. 528 p.
- 8. Valikhanov C.C. Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, Main Editorial Office of Eastern Literature, Nauka Publishing House, 1986. 414 p.
- 9. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Moscow, "Michel and K°", 1994. 512 p.
- 10. Valikhanov C.C. Strana shesti gorodov. Dnevnik puteshestviya na Issyk-Kul' [The Country of Six Cities. Diary of a Journey to Issyk-Kul]. Moscow, Publishing House "E", 2017. 448 p.
- 11. Matveyev V.A. Rossiyskaya universalistskaya transformatsiya i separatizm na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX v. 1917 g.) [Russian Universalist Transformation and Separatism in the North Caucasus (2nd half of the XIX century 1917)]. Rostov-on-Don, Omega publisher LLC, 2012. 560 p.
- 12. Miller B.V. From the field of Karachaevs customary law. Etnograficheskoye Obozreniye = The Ethnographic Review, 1902, No. 1. (In Russian).
- 13. Esadze S. Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom [Historical Note on the Management of the Caucasus]. Tiflis, Printing House "Guttenberg", 1907, vol. 2. 310 p.
- 14. Pis'ma o Magometanstve [Letters about Mohammedanism]. Saint Petersburg, 1848. 159 p.
- 15. Brockhouse F.A., Ephron I.A. Rossiya. Illyustrirovannyy entsiklopedicheskiy slovar' [Russia. Illustrated encyclopedia]. Moscow, Eksmo Publishing House, 2007. 704 p.
- 16. Gasprinsky I. Russkoye musul'manstvo. Mysli, zametki i nablyudeniya musul'manina. V poiskakh svoyego puti: Rossiya mezhdu Yevropoy i Aziyey [Russian Islam. Thoughts, Notes and Observations of a Muslim. Searching Your Way: Russia between Europe and Asia]. Moscow: Publishing House "Nauka", 1994, part 1. Pp. 257–259.
- 17. Note by P.A. Stolypin on the "Muslim issue", January 15, 1911. Imperatorskaya Rossiya i musul'manskiy mir (konets XVIII nachalo XX v.). Sbornik materialov = Imperial Russia and the Muslim world (late XVIII early XX century): Collection of materials. Moscow, Publishing house "Natalis", 2006, pp. 313–347. (In Russian).
- 18. Vsepoddanneyshiy otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom general-ad'yutanta grafa Vorontsova-Dashkova [The Comprehensive Report for Eight Years of Managing the Caucasus by Adjutant-General Count Vorontsov-Dashkov]. Saint Petersburg, State Printing House, 1913. 36 p.
- 19. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. Fund 970, inventory 3, case 1115.
- 20. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. Fund 970, inventory 3, case 1339.
- 21. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. Fund 970, inventory 3, case 1945.

- 22. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 1779, inventory 1, case 1303.
- 23. Tsentral'nyy istoricheskiy arkhiv Gruzii [The Central Historical Archive of Georgia]. Fund 13, inventory 11, case 332.
- 24. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 1788, inventory 4, case 2.
- 25. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 6, inventory 2, case 434.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Мусульманство на Северном Кавказе: осмысление в контексте отечественного востоковедения и его направленности в начале XX в. / В. А. Матвеев. – Текст: непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 62–74.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveyev V. A. Islam in the North Caucasus: Comprehension in the Context of Russian Oriental Studies and Its Focus in the Early 20th Century / V. A. Matveyev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 62–74. (In Russian).

УДК 94(047)084.8

ГЕНОЦИД СОВЕТСКОГО НАРОДА В ОТРАЖЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

А.А. Панарин

GENOCIDE OF THE SOVIET PEOPLE IN REFLECTIONS OF THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

A.A. Panarin

Аннотация. В статье рассматривается сущность геноцида советского народа, осуществляемого фашистской Германией. Подчеркивается важность сохранения исторической памяти о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в целях противодействия фашистской идеологии и воспитания подрастающего поколения в духе нетерпимости к ее проявлениям. Определяются основные причины преступной политики нацистов и их пособников в отношении советских людей. Приводятся основные документы, отражающие человеконенавистнические планы гитлеровского руководства и их реализацию на оккупированной территории СССР. Раскрывается преступная деятельность немецко-фашистских захватчиков по физическому уничтожению советских мирных граждан и военнопленных. Освещаются меры фашистского руководства по сокращению численности различных наций, проживающий на территории СССР, а также ограничению их культурного роста. Делается вывод о явных свидетельствах геноцида советского народа и необходимости осознание его тяжелейших последствий как одного из главных факторов противодействия возрождению фашистской идеологии и сохранения мира.

Abstract. The article examines the essence of the genocide of the Soviet people carried out by fascist Germany. The importance of preserving the historical memory of the atrocities of the German fascist invaders in order to counter the fascist ideology and educate the younger generation in the spirit of intolerance towards its manifestations is emphasized. The main reasons for the criminal policy of the Nazis and their accomplices towards the Soviet people are determined. The main documents reflecting the misanthropic plans of the Hitlerite leadership and their implementation in the occupied territory of the USSR are presented. The article reveals the criminal activity of the German fascist invaders for the physical destruction of Soviet civilians and prisoners of war. It highlights the measures of the fascist leadership to reduce the number of different nations living on the territory of the USSR, as well as to limit their cultural growth. The conclusion is made about clear evidence of the genocide of the Soviet people and the need to realize its grave consequences as one of the main factors in countering the revival of fascist ideology and preserving peace.

Ключевые слова: геноцид, советский народ, Советский Союз, фашистская Германия, нацисты, историческая память, Великая Отечественная война.

Keywords: genocide, Soviet people, Soviet Union, Nazi Germany, Nazis, historical memory, the Great Patriotic War.

В преддверии 80-летия нападения фашистской Германии на СССР особенно обостренно воспринимаются те величайшие страдания, которые перенес советский народ в годы Великой Отечественной войны. Историческая память о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков стала важным элементом национального самосознания россиян, ввиду того, что почти каждая семья испытала на себе ужасные последствия вражеского нашествия.

Задача сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне является одной из приоритетных в политике современного российского государства, что нашло отражение в целом ряде законодательных актов и четко выраженной позиции руководства страны. Так, выступая 2 июля 2020 г. на заседании Российского организационного комитета «Победа» Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил: «Память, которая бережно передаётся у нас из поколения в поколение,— самая прочная гарантия того, что мы все вместе никогда не позволим переиначить значение и итоги Победы, умалить подвиг советских людей, которые отстояли Родину и спасли народы Европы, понесли невосполнимые — и не только боевые — потери» [22].

Давая оценку далеко идущим замыслам врага, В.В. Путин отметил: «По своим планам нацисты готовили колонизацию земель Советского Союза, а всех, кто жил здесь, — славян, людей других национальностей, — собирались уничтожить или превратить в рабов, лишить своего языка, культуры. Эти преступления нацистов и их приспешников, геноцид в отношении народов Советского Союза не имеют срока давности» [22].

Острота постановки данного вопроса связана с проявляющимися сегодня попытками фальсификации истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, в том числе в отношении замалчивания или искажения правды о жертвах, понесенных советским народом во имя общей победы над коричневой чумой XX века. На фоне бесконечных и лживых обвинений СССР в развязывании Второй мировой войны и других мнимых прегрешениях, в выступлениях и публикациях западных политиков, историков, а также представителей российских либералов фактически не идет речь о той страшной судьбе, которая была уготовлена народам Советского Союза в случае осуществления захватнических планов фашистской Германии.

Забвение исторической памяти о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков может нанести непоправимый вред для национального самосознания российского общества, которое постепенно не только перестанет воспринимать преступный характер политики фашистской Германии по отношению к советских гражданам, но и утратит способность распознавать подобные угрозы для современного российского общества. В особенности это касается молодежи, которая с учетом временной отдаленности от событий военных лет уже не так остро, как предшествующие поколения, чувствует перенесенные советским народом боль и страдания.

В связи с этим, в контексте реализации задач по сохранению исторической памяти и борьбы с фальсификациями истории Великой Отечественной

войны большое внимание должно уделяться разоблачению преступных планов фашистской Германии и проводимой политики геноцида советского народа. Особенно важно, чтобы это нашло отражение в системе школьного исторического образования, позволяющего обеспечить наибольший охват молодежи с использованием современных методов и средств обучения, и воспитания.

С этой целью во время проведения 27 августа 2020 г. круглого стола «Без срока давности – живая память поколений», организованного Ассоциацией развития педагогических университетов и институтов, преподаватели исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета предложили внести в содержание историко-культурного стандарта и примерных основных образовательных программ по истории в общеобразовательной школе понятие «геноцид советского народа в преступной политике фашистской Германии». Было отмечено, что раскрытие этого понятия в учебниках, методических пособиях, а также в ходе проведения занятий с обучающимися будет способствовать сохранению исторической памяти о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на территории СССР и воспитанию нетерпимости подрастающего поколения к проявлениям фашистской идеологии.

Применение понятия «геноцид советского народа» должно подчеркивать системный характер уничтожения немецко-фашистскими захватчиками значительной части населения на территории СССР, включающего представителей всех наций и народностей, а также меры фашистского руководства по целенаправленному сокращению численности порабощенного населения, существенному ограничению возможностей для его культурного развития.

Такой подход полностью соответствует определению геноцида в статье 357 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы» [21].

Данная норма сформулирована в 1948 г. на основе «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него». В соответствии с ней под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение; г) принятие мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде такой группы; д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую [11].

Можно заметить, что принятие данной Конвенции произошло вскоре после окончания Второй мировой войны и было обусловлено стремлением мирового сообщества не допустить впредь повторения той преступной политики, которую проводило руководство фашистской Германии. В наибольшей степени это относилось к советскому народу, по отношению к которому были применены все вышеуказанные компоненты политики геноцида. Патологическая ненависть Гитлера и его окружения к Советскому Союзу и его гражданам объясняется несколькими причинами.

Во-первых, стремлением к захвату обширных территорий европейской части СССР, богатых природными ресурсами и к тому же уже хорошо освоенных с экономической точки зрения многими поколениями российского народа. Формулируя одну из главных задач нацистской партии по завоеванию для Германии «жизненного пространства», Гитлер писал в своей книге «Майн кампф»: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим прошлым довоенных времен... Мы переходим, наконец, к политике будущего, основанной на расширении нашего пространства. Когда мы говорим сегодня о приобретении новых земель и нового пространства в Европе, то в первую очередь думаем о России и о подчиненных ей окраинных государствах» [12, с. 350].

Во-вторых, свое намерение тотального уничтожения советского государства и значительной части его населения нацистские руководители объясняли причинами идеологического характера. В этом отношении речь шла о господствующей в СССР коммунистической идеологии, которая представлялась наибольшей опасностью как для Германии, так и для других стран Европы, и мира. В связи с этим, уничтожение коммунизма вместе со всеми его многочисленными сторонниками рассматривалось нацистами в качестве выполнения исторической миссии фашистской Германии.

Об этом, в частности, свидетельствует нота германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза, представленная в качестве объявления войны 22 июня 1941 г. В ней отмечалось: «Большевизм – смертельный враг национал-социализма. Большевистская Москва намеревается нанести удар в спину национал-социалистической Германии, которая ведет борьбу за свое существование. Германия не намерена смотреть на эту серьёзную угрозу своим восточным границам и ничего не делать. Поэтому Фюрер отдал германскому Вермахту приказ отразить эту угрозу всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Немецкий народ понимает, что в грядущей борьбе он не только защищает свою Родину, но что он призван спасти весь культурный мир от смертельной опасности большевизма и открыть путь к истинному социальному подъему в Европе» [15].

В-третьих, геноцид советского народа со стороны фашистской Германии был продиктован соображениями геополитического характера и в этом отношении нацистские руководители также считали, что выполняют историческую миссию — уничтожения России как извечного геополитического

противника Европы. За два дня до нападения на СССР один из идеологов нацизма и будущий руководитель имперского министерства по делам оккупированных восточных областей А. Розенберг, выступая с секретным докладом в узком кругу соратников, заявил: «Сегодня же мы ведем «крестовый поход» против большевизма не для того, чтобы освободить «бедных русских» на все времена от этого большевизма, а для того, чтобы проводить германскую мировую политику и обезопасить Германскую империю. Мы хотим решить не только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого временного явления как первоначальная сущность европейских исторических сил. Сообразно с этим мы должны сегодня систематически сознавать наше будущее положение. Война с целью образования неделимой России поэтому исключена…» [6, с. 81].

В-четвертых, осуществление геноцида советского народа со стороны фашистской Германии было обусловлено влиянием расовой теории, как одного из главных оснований нацистской идеологии. Расовая теория основывалась на постулате о существовании высших и низших рас, и естественном характере подчинения последних воле представителей избранной Богом расы. По представлениям нацистов таковой являлась нордическая раса, к которой, прежде всего, принадлежали немцы. Судьбы остальных народов находились в их руках и зависели от степени неполноценности. При этом евреи и цыгане, которые в большом количестве проживали на территории СССР, подлежали, как и в других странах, полному уничтожению. Практически все остальные народы СССР также признавались расово неполноценными со всеми вытекающими последствиями.

Вскоре после прихода нацистской партии к власти Гитлер в доверительной беседе с одним из своих приближенных заявил: «Мы, – говорил Гитлер Раушнингу, – должны развить технику обезлюживания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача. Природа жестока, поэтому и мы можем быть жестокими. Если я могу послать цвет германской нации в пекло войны без малейшего сожаления о пролитой ценной германской крови, то, конечно, я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются, как черви!» [7, с. 175]. Проживающие в СССР славянские и другие народы согласно расистским представлениям подлежали значительному сокращению посредством физического истребления и применения других мер дискриминирующего характера.

В условиях начавшейся войны с СССР немецко-фашистские захватчики практически сразу приступили к выполнению своих человеконенавистнических планов. На оккупированной территории гитлеровцы создали две административные единицы (рейхскомиссариаты) — «Украина» (в неё вошла основная часть Украинской ССР) и «Остланд» (вошли Прибалтика и центральная часть Белорусской ССР). Оставшаяся часть оккупированной территории находилась под военным управлением. Северо-западная часть Белорусской ССР и Галиция

вошли в состав рейха; Молдавия и юго-западная часть Украинской ССР находились под оккупацией Румынии, северо-западная часть Ленинградской области, западная часть Карелии и Мурманская область были отданы под оккупацию Финляндии [18, с. 232].

В отличие от многих уже порабощенных Германией стран Европы поведение оккупантов на территории Советского Союза отличалось особой жестокостью, что обуславливалось вышеуказанными причинами. В «Памятке немецкого солдата» было записано: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек» [2, с. 12].

Документы свидетельствуют, что такая политика по представлениям фашистского руководства должна была иметь долговременный характер и являться одним из главных условий обеспечения господства Германии в восточных землях. За три недели до нападения на СССР были сформулированы «12 заповедей немцев на Востоке и их обращении с русскими», где в частности предписывалось: «Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистической революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство» [8, с. 73].

Как уже отмечалось, тотальному уничтожению как в СССР, так и в других захваченных фашистами странах Европы, подвергались евреи и цыгане. Причем «окончательное решение еврейского вопроса» путем полного уничтожения евреев стало происходить именно во время войны фашистской Германии с Советским Союзом, когда нацисты и их пособники перешли от политики изоляции евреев в гетто и локальных актов их уничтожения к применению «конвейера смерти» в таких концентрационных лагерях как Освенцим, Майданек и других. Массовые убийства евреев происходили также в местах их непосредственного проживания.

В.Н. Богданов по этому поводу справедливо отмечает: «Нельзя считать случайным то, что именно 31 июля 1941 г., в момент победной эйфории вермахта и нацистского режима, рейхсмаршал Геринг направил шефу главного управления имперской безопасности Гейдриху письменную директиву «осуществить всестороннюю организационную и материальную подготовку к окончательному решению еврейского вопроса в зоне германского влияния в Европе» [1, с. 117]. По числу жертв советское еврейство занимает первое место среди всех стран, граждане которых стали жертвами Холокоста. Почти половина из шести миллионов евреев, погибших в Холокосте, проживала на территории СССР в границах на июнь 1941 года, притом что доля евреев в общем населении

Советского Союза в этих границах составляла лишь порядка 2,5 %. Таким образом, при сравнении с общим количеством погибших в войне жителей СССР число евреев оказалось непропорционально высоким [3, с. 131].

Вместе с тем, среди других наций и народностей, проживающих на территории СССР, жертвы вражеского нашествия были также колоссальными. Миллионы мирных советских граждан погибли в результате беспощадных бомбардировок, артиллерийских обстрелов и блокады. На оккупированной территории политика геноцида советского народа, кроме уничтожения евреев, цыган, инвалидов и душевнобольных людей, проявилась в массовых убийствах всех, кто сопротивлялся захватчикам, расстрелах заложников и других карательных акциях. Самыми жестокими преступлениями нацистов против мирного гражданского населения стали акции, когда оккупанты сжигали деревни вместе с их жителями, большую часть из которых в условиях военного времени составляли женщины, старики и дети. Так, только в Вяземском, Семлевском и Тумановском районах Смоленской области были сожжены вместе с жителями восемь деревень [13, с. 146].

В Киеве за время оккупации было уничтожено около 200 тыс. мирных жителей, в Ровно и Ровенской области 102 тыс. человек. В лагерях Майданек и Освенцим в газовых камерах были убиты более пяти с половиной миллионов мирных жителей, значительную часть которых составляли славяне [4, с. 321].

Всего, согласно подсчетам, путем применения массовых расстрелов, сожжения заживо в закрытых помещениях и удушения в газовых камерах гитлеровцы уничтожили 11,3 млн человек, что составило 16 % всего населения на оккупированных советских территориях. При истреблении мирного населения оккупанты в некоторых регионах широко практиковали преднамеренную организацию голода. Нацисты загубили таким способом 6,5 млн жителей. Не менее жестоким методом истребления населения был массовый угон на непосильные каторжные работы: на них было отправлено 5,6 млн человек. Документами подтверждается, что от голода, непосильного труда и истязаний из 5,6 млн человек погибло 3 млн. Следовательно, за годы оккупации было уничтожено 20,8 млн человек мирного населения [14, с. 45].

Несмотря на то, что точное количество погибших от рук оккупантов мирных жителей установить невозможно, все же можно утверждать, что эти жертвы превышали 20 млн человек. Об этом свидетельствуют следующие расчеты: до войны в областях, подвергнувшихся оккупации проживало в общей сложности 88 миллионов человек, а к моменту освобождения в них осталось 55 миллионов человек. Даже если сделать поправку на эвакуацию части населения, на призыв в Красную Армию, на тех, кому посчастливилось впоследствии вернуться из нацистских лагерей, цифра гражданских потерь составит более 20 миллионов [17, с. 27].

Откровенно бесчеловечное отношение проявлялось у нацистов к советским военнопленным. Это объяснялось их принадлежностью к армии, идеологической основой которой являлась столь ненавистная для нацизма

коммунистическая идеология. В связи с этим, в распоряжении немецкого командования об обращении с советскими военнопленными отмечалось: «Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом в соответствие с Женевским соглашением» [20, с. 116].

В качестве примера можно привести лагеря для советских военнопленных, которые действовали почти весь период оккупации на территории нынешнего Вяземского района Смоленской области. Судя по воспоминаниям старожилов, в разных районах Вязьмы существовало несколько зон, огороженных колючей проволокой, для сбора и сортировки военнопленных. Самой крупной из них был пересыльный лагерь Дулаг-184, находившийся в Вязьме. Он был организован на территории недостроенного и неотапливаемого завода. Условия существования в пересыльном лагере Дулаг-184 были крайне тяжелые и цинично жестокие. Пленных почти не кормили, не давали воды, практически не оказывали никакой медицинской помощи раненым и больным. Ежедневно от нечеловеческих условий содержания в лагере умирало по 100–200 человек [13, с. 143].

Что касается политруков и командиров Красной армии, то в их отношении в большинстве случаев применялась смертная казнь. Так, в распоряжении от 12 мая 1941 г. «По вопросу обращения с пленными русскими политическими и военными работниками» устанавливалось, что политические работники Красной Армии не признавались военнопленными и подлежали расстрелу [1, с. 119].

Убедительным свидетельством проводимой на территории СССР политики геноцида является Генеральный план «Ост», разработанный в конце 1941 г. в группе III Главного управления имперской безопасности под руководством рейхсфюрера СС Гиммлера. Текст этого варианта плана был утерян или уничтожен его создателями, однако его содержание отражено в сохранившихся замечаниях Имперского министерства восточных оккупированных территорий. В одном случае речь идёт о записанном по памяти протоколе заседания о «Вопросах германизации», на котором присутствовали представители служб «восточного министерства» и СС 4 февраля 1942 г.

В другом случае это подробная записка от 27 апреля 1942 года «Замечания и предложения по генеральному плану Ост рейхсфюрера СС», которая специально посвящена концепции главного управления имперской безопасности. Автором документов в обоих случаях был заведующий расовополитическим отделом восточного министерства доктор Эрхард Ветцель. Благодаря этим документам можно не только получить представление о том, какую судьбу уготовили нацистские вожди «народам Востока», но и понять

побудительные мотивы мероприятий, проводимых нацистами и их пособниками на оккупированных территориях.

Одной из главных целей немцев, в ходе реализации плана «Ост», было полномасштабное выселение поляков, приблизительно 85 %, высылка в Сибирь 65 % украинцев, 75 % белорусов с занимаемой ими территории, т. е. сих родной земли, и постепенное заселение освободившегося пространства немецкими колонистами. Стало быть, например, 25 % белорусов по плану главного управления имперской безопасности, подлежали онемечиванию, таким образом, в Белоруссии вообще не должно было оставаться белорусов! [24, с. 58].

При этом подлежащие онемечиванию белорусы должны были по замыслам нацистского руководства со временем утратить собственное национальное сознание и свою идентичность с белорусской нацией. Характер этого процесса нашел отражение в Замечаниях к плану Ост»: «...представляется крайне необходимым по возможности тщательнее отобрать белорусов нордического типа, пригодных по расовым признакам и политическим соображениям для онемечивания, и отправить их в империю с целью использования в качестве рабочей силы. Их можно было бы использовать в сельском хозяйстве в качестве сельскохозяйственных рабочих, а также в промышленности или как ремесленников. Так как с ними обращались бы как с немцами и ввиду отсутствия у них национального чувства, они в скором времени, по крайней мере, в ближайшем поколении, могли бы быть полностью онемечены» [19, с. 34].

В отношении русских рассматривались более радикальные меры, в частности точка зрения главного эксперта «Управления расовой политики» профессора Абеля, который в начале 1942 г. по поручению верховного главнокомандования вооруженных сил проводил подробные антропологические исследования русских людей. В Замечаниях к «Генеральному плану Ост» отмечалось: «Абель видит только следующие возможности решения проблемы: или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы. Эти серьезные положения Абеля заслуживают большого внимания. Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Только если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности в расовобиологической, точки зрения и если в соответствие с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ» [5, с. 130].

Впрочем, разработчики плана «Ост» сочли реализацию этой идеи преждевременной с политической и экономической точки зрения, поэтому главное внимание уделялось мерам по разобщению русского народа и сокращению его численности. Так, например, 28 мая 1942 года Гиммлер получил докладную записку «Генеральный план Ост. Правовые, экономические и территориальные основания восточного строительства» от профессора

Берлинского университета и высокого руководителя СС Конрада Мейера. Он предусматривал убийства, истощение от голода и изгнание 30–40 миллионов славян и других «недолюдей»: поляков, евреев, русских, белорусов, украинцев, цыган и, конечно, «большевиков» любого происхождения и национальности. За этим должна была последовать немецкая колонизация огромных земельных угодий от Ленинграда до Украины, Крыма, Донецкой и Кубанской областей, к Волге и Кавказу [24, с. 59–60].

В изложенном самим Гиммлером плане «колонизации Востока», перед высшими руководителями СС и полиции в сентябре 1942 г. отмечалось: «В ближайшие 20 лет мы должны заселить немцами германские восточные провинции от Восточной Пруссии до Верхней Силезии, все генерал-губернаторство (т. е. Польшу); должны онемечить и заселить Белоруссию, Эстонию, Литву, Латвию, Ингерманландию (т. е. Новгородскую, Псковскую и Ленинградскую области) и Крым. В остальных областях мы будем создавать вдоль шоссейных дорог небольшие города под охраной наших гарнизонов, вблизи которых будут расположены наши автострады, железнодорожные пути и аэродромы, города с 15–20 тысячами жителей, а в радиусе 10 километров от них немецкие деревни, с тем, чтобы наши люди жили в немецкой среде. Эти поселения-жемчужины сперва распространятся до Дона и Волги, а потом, как я надеюсь, и до Урала и будут всегда поставлять нам здоровое потомство германской крови» [12, с. 352–353].

По отношению к покоренному населению, напротив, должны были быть применены меры по сокращению численности и недопустимости прироста. Создатели плана «Ост» с помощью этих мер стремились прежде всего добиться подрыва биологической силы русского народа, но при этом отмечалось, что «то же самое относится, между прочим, к чрезвычайно плодовитым народам Кавказа, а в будущем частично и к Украине» [5, с. 131]. В одном из своих выступлений 22 июля 1942 г. Гитлер заявил: «...нам было бы выгодно добиться такого положения, при котором эти русские или так называемые украинцы не размножались бы столь быстро. Мы ведь собираемся через какоето время заселить всю эту бывшую русскую землю немцами...» [9, с. 140].

Основными средствами сокращения населения восточных областей признавались пропаганда негативных последствий рождения детей для здоровья женщин и материального положения семей, агитация за широкое использование противозачаточных средств и абортов, добровольную стерилизацию. Не допускалось использования мер по снижению младенческой смерти, не разрешалось обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней, не предусматривалась помощь многодетным семьям» [5, с. 132].

Наряду с ограничениями численности покоренного населения нацистские руководители намеревались ввести для него существенные ограничения в области культурного развития. З марта 1942 г. в одном из своих высказываний по этому поводу Гитлер выразился так: «Идеально было бы научить их

понимать лишь язык знаков и сигналов. По радио бы населению преподносилось то, что для него приемлемо: музыка без всяких ограничений. Но ни в коем случае нельзя допускать их к умственной работе. Мы действительно не можем допустить никакой печатной продукции. Разве распространение европейской культуры за пределы Европы давало где-нибудь полезные результаты? Возник лишь интеллектуальный анархизм! Эти люди будут чувствовать себя лучше, если их по возможности не касаться. Иначе воспитаем себе злейших врагов...» [9, с. 139].

Несколько позднее Борман направил Розенбергу пожелания Гитлера о принципах политики на оккупированных территориях. В качестве одной из рекомендаций было следующее: «Ни в коем случае не следует давать местному населению более высокое образование. Если мы совершим эту оплошность, мы сами породим в будущем сопротивление против нас. Поэтому, по мнению фюрера, вполне достаточно обучать местное население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму. Вместо нынешнего алфавита в будущем в школах надо ввести для обучения латинский шрифт» [10, с. 135].

Результатом применения этих мер должно было стать формирование из бывших народов СССР ограниченного в количественном отношении контингента порабощенного и примитивного в культурном отношении населения, у которого со временем исчезли бы признаки принадлежности к той или иной нации. Еще до начала Второй мировой войны Гиммлер утверждал, что нацисты были «...в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а, наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению и увеличению, тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры» [23, с. 101].

В сознании этой своеобразной биомассы людей, лишенных своих корней и возможности для культурного роста, должна была утвердиться лишь убежденность в естественном характере своей подчиненности богоизбранной расе, призванной господствовать в мире. В связи с этим, руководство «Восточного министерства» признавало важным, «чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот германскому руководству. Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история этих областей, в руководстве» [5, с. 131].

Следовательно, теория и практика нацистской политики по отношению к советскому народу явно свидетельствует о геноциде, который включал в себя как физическое уничтожение миллионов советских людей, так и применение мер по сокращению численности различных наций и народностей, а также ограничению их культурного роста. В конечном итоге это должно было привести к формированию лишенной национальной принадлежности и национальной памяти массы порабощенного населения,

основным предназначением которого становилось выполнение воли господствующей в мире высшей расы.

Благодаря объединению усилий всех прогрессивных сил планеты в борьбе против фашизма этим человеконенавистническим планам не суждено было сбыться. За свои злодеяния нацистские преступники и их пособники получили сполна. Выступая на Нюрнбергском процессе, Главный государственный обвинитель СССР Р.А. Руденко заявил: «На полях битв человечество уже вынесло свой приговор преступному германскому фашизму. В огне величайших в истории человечества битв героической Советской Армией и доблестными войсками союзников были не только разгромлены гитлеровские орды, но утверждены высокие и благородные принципы международного сотрудничества, человеческой морали, гуманные правила человеческого общежития. Обвинение выполнило свой долг перед Высоким судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед собственной совестью. Да свершится же приговор над фашистскими палачами. Суд народов справедливый и суровый!» [16, с. 569].

Спустя 75 лет после достижения общей победы над «коричневой чумой XX века» переосмысление событий самой страшной в истории человечества мировой войны является настоятельной необходимостью. Осознание тяжелейших последствий проводимого нацистами и их пособниками геноцида советского народа и других народов Европы, является одним из главных факторов противодействия возрождению фашистской идеологии и сохранения мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Богданов, В. Н. Цели Германии в войне против СССР / В. Н. Богданов. Текст: непосредственный // Вестник МГИМО университета. 2011. № 3. С. 114–123.
- 2. Великая Отечественная война, 1941-1945: в 4 кн. Кн. 4: Народ и война / редкол.: В. А. Пронько (гл. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1999. 368 с. Текст: непосредственный.
- 3. Винклер, К. Память о Холокосте в современной России / К. Винклер. Текст : непосредственный // Холокост на территории СССР : материалы XIX Международной конференции по иудаике. М. : Центр «Сэфер», 2012. С. 131-142.
- 4. Дамаскин, О. В. Нюрнбергский процесс: правовые уроки для современности (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) / О. В. Дамаскин. Текст: непосредственный // Военное право. 2020. № 3 (61). С. 318–331.
- 5. Замечания и предложения «Восточного министерства» по Генеральному плану «Ост» от 27 апреля 1942 г. Текст : непосредственный // Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза : документы и материалы / под ред. П. А. Жилина. М. : Военное издательство, 1987. С. 123—133.
- 6. Из речи рейхслейтера Розенберга о политических целях Германии в предстоящей войне против Советского Союза и планах его расчленения от 20 июня 1941 г. Текст: непосредственный // Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: документы и материалы / под ред. П. А. Жилина. М.: Военное издательство, 1987. С. 81–82.

- 7. Из вступительной речи Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко, произнесенной на заседании международного трибунала в Нюрнберге 8 февраля 1946 г. Текст: непосредственный // Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: документы и материалы / под ред. П. А. Жилина. М.: Военное издательство, 1987. С. 175–187.
- 8. Из «12 заповедей немцев на Востоке и их обращении с русскими» от 1 июня 1941 г. Текст : непосредственный // Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза : документы и материалы / под ред. П. А. Жилина. М. : Военное издательство, 1987. С. 73–75.
- 9. Из стенограмм высказываний Гитлера о завоевательных планах фашистской Германии. Текст : непосредственный // Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза : документы и материалы / под ред. П. А. Жилина. М. : Военное издательство, 1987. С. 138—140.
- 10. Из письма Бормана относительно политики на оккупированных территориях от 23 июля 1942 г. Текст : непосредственный // Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза : документы и материалы / под ред. П. А. Жилина. М. : Военное издательство, 1987. С. 134–135.
- 11. Комментарий к статье 357 Уголовного кодекса Российской Федерации «Геноцид» (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 № 162-Ф3). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b21e235ab7f2ffdb9921d73f1 d1828628780cf10/. Текст : электронный.
- 12. Мельников, Д. Е. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер / Д. Е. Мельников, Л. Б. Черная. М. : Изд-во Агентства печати «Новости», 1981. 432 с. Текст : непосредственный.
- 13. Михайлов, И. Г. Преступления оккупационного режима нацистской Германии на территории Вяземского района Смоленской области в 1941—1943 гг. / И. Г. Михайлов, Е. Г. Брунова. Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. Ниmanitates. 2019. Т. 5. № 4 (20). С. 139—155.
- 14. Морозов, С. Д. Мужчины, женщины и дети на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны: численность и потери / С. Д. Морозов. Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 37–48.
- 15. Нота германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза от 21 июня 1941 г. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1941nota.php. Текст : электронный.
- 16. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступни-ками : сборник материалов. В 7 т. Т. 5. М. : Госюриздат, 1960. 884 с. Текст : непосредственный.
- 17. Осмоловский, А. А. Оккупационная политика нацистской Германии: теория и практика / А. А. Осмоловский, А. Г. Ливицкий. Текст: непосредственный // Віцебшчына ў 1941—1944 гг.: супраціў, вызваленне, памяць: матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 18—19 чэрвеня 2009 г. / [рэдкалегія: В. У. Акуневіч (адказны рэдактар) і інш.]. Віцебск, 2009. С. 27—31.
- 18. Осьмачко, С. Г. Советский коллаборационизм (1941–1945 гг.): актуальность дефиниции и социокультурный дискурс / С. Г. Осьмачко. Текст: непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3. С. 230–241.
- 19. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. Мн. : Беларусь, 1965. 464 с. Текст : непосредственный.

- 20. Распоряжение об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных от 8 сентября 1941 г. Текст : непосредственный // Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза : документы и материалы / под ред. П. А. Жилина. М. : Военное издательство, 1987. С. 116.
- 21. Статья 357 Уголовного кодекса Российской Федерации «Геноцид» (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 № 162-Ф3). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b21e235ab7f2ffdb9921d73f1d1828628780cf10/. Текст: электронный.
- 22. Стенограмма заседания Российского организационного комитета «Победа» от 2 июля 2020 г. URL: http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedanija-rossiiskogo-organizacionnogo-komiteta-pobeda-02-07-2020.html. Текст: электронный.
- 23. Соображения Гиммлера об обращении с местным населением восточных областей от 28 мая 1940 г. Текст : непосредственный // Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза : документы и материалы / под ред. П. А. Жилина. М. : Военное издательство, 1987. С. 99—103.
- 24. Турумбаев, А. Ж. «Генеральный план Ост» план геноцида «народов востока» / А. Ж. Турумбаев, Н. В. Лидер. Текст: непосредственный // Война: продолжение политики или преступление: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 72-й годовщине атомной бомбардировки Хиросимы. 2017. Омск: Омский государственный технический университет, 2017. С. 57–61.

REFERENCES

- 1. Bogdanov V.N. Germany's goals in the war against the USSR. *Vestnik MGIMO* = *Bulletin of MSUIR*, 2011, No. 3, pp. 114–123. (In Russian).
- 2. Velikaya Otechestvennaya vojna, 1941–1945: [The Great Patriotic War, 1941–1945]. M., Nauka, 1999. Book. 4. 368 p.
- 3. Vinkler K. About the Holocaust in modern Russia. *Holokost na territorii SSSR. Materialy XIX mezhdunarodnoy konferencii po iudaike = Holocaust in the USSR. Materials of the XIX International Conference on Jewish Studies*. M., Center «Sefer», 2012, pp. 131–142. (In Russian).
- 4. Damaskin O.V. The Nuremberg trials: legal lessons for the present (to the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War). *Voennoe Pravo = Military Law*, 2020, No. 3 (61), pp. 318–331. (In Russian).
- 5. Zamechaniya i predlozheniya «Vostochnogo ministerstva» po General'nomu planu «Ost» ot 27 aprelya 1942 g. [Comments and proposals of the "Eastern Ministry" on the General Plan "Ost" of April 27, 1942]. Prestupnye celi gitlerovskoj Germanii v vojne protiv Sovetskogo Soyuza. Dokumenty i materialy [Criminal goals of Nazi Germany in the war against the Soviet Union. Documents and materials]. Ed. by. P.A. Zhilin. M., Voennoe izdatel'stvo, 1987. Pp. 123–133. (In Russian).
- 6. Iz rechi rejhslejtera Rozenberga o politicheskih celyah Germanii v predstoyashchej vojne protiv Sovetskogo Soyuza i planah ego raschleneniya ot 20 iyunya 1941 g. [From the speech of Reichsleiter Rosenberg on the political goals of Germany in the upcoming war against the Soviet Union and plans for its dismemberment on June 20, 1941]. Criminal goals of Hitlerite Germany, pp. 81–82. (In Russian).
- 7. Iz vstupitel'noy rechi Glavnogo obvinitelya ot SSSR R.A. Rudenko, proiznesennoj na zasedanii mezhdunarodnogo tribunala v Nyurnberge 8 fevralya 1946 g. [From the opening speech of the Chief Prosecutor from the USSR R.A. Rudenko, delivered at the meeting of the international tribunal in Nuremberg on February 8, 1946]. Criminal goals of Hitlerite Germany, pp. 175–187. (In Russian).

- 8. *Iz* «12 zapovedey nemcev na Vostoke i ih obrashchenii s russkimi» ot 1 iyunya 1941 g. [From the "12 commandments of the Germans in the East and their treatment of Russians, of June 1, 1941]. Criminal goals of Hitlerite Germany, pp. 73–75. (In Russian).
- 9. *Iz stenogramm vyskazyvanij Gitlera o zavoevatel'nyh planah fashistkoj Germanii* [From the transcripts of Hitler's statements about the conquest plans of Nazi Germany]. Criminal goals of Hitlerite Germany, pp. 138–140. (In Russian).
- 10. *Iz pis'ma Bormana otnositel'no politiki na okkupirovannyh territoriyah ot 23 iyulya 1942 g.* [From Bormann's letter regarding the policy in the occupied territories, dated 23 July 1942]. Criminal goals of Hitlerite Germany, pp. 134–135. (In Russian).
- 11. Kommentariy k stat'e 357 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii «Genocid» [Commentary on article 357 of the Criminal Code of the Russian Federation "Genocide"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b21e235ab7f2 ffdb9921d73f1d1828628780cf10/. (In Russian).
- 12. Mel'nikov D.E., Chernaya L.B. *Prestupnik nomer 1. Nacistskij rezhim i ego fyurer* [Criminal number 1. Nazi regime and its Fuhrer]. M., Publishing House «Novosti», 1981. 432 p.
- 13. Mihaylov I.G., Brunova E.G. Crimes of the occupation regime of Nazi Germany in the Vyazemsky district of the Smolensk region in 1941–1943. *Gumanitarnye Issledovaniya* = *Humanitarian Studies*, 2019, vol. 5, No. 4 (20), pp. 139–155. (In Russian).
- 14. Morozov S.D. Men, women and children in the occupied territories of the USSR during the Great Patriotic War: number and losses. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2015, No. 2 (75), pp. 37–48. (In Russian).
- 15. Nota germanskogo ministerstva inostrannyh del pravitel'stvu Sovetskogo Soyuza ot 21 iyunya 1941 g. [Note of the German Ministry of Foreign Affairs to the Government of the Soviet Union dated June 21, 1941. Available at: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1941nota.php. (In Russian).
- 16. *Nyurnbergskij process nad glavnymi nemeckimi voennymi prestupnikami* [Nuremberg Trials of the Main German War Criminals]. M., Gosyurizdat, 1960, vol. 5. 884 p.
- 17. Osmolovskij A.A., Livickiy A.G. The occupation policy of Nazi Germany: theory and practice. *Vicebshchyna ў 1941–1944 gg.: supraci*ў, *vyzvalenne, pamyac': materyyaly respublikanskaj navukova-praktychnaj kanferencyi = Vitebsk region in 1941–1944: resistance, liberation, memory: materials of the republican scientific-practical conference*, Vitebsk, 2009, pp. 27–31. (In Russian).
- 18. Os'machko S.G. Soviet collaborationism (1941–1945): relevance of definition and socio-cultural discourse. *Verhnevolzhskiy Filologicheskij Vestnik = Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 2019, No. 3, pp. 230–241. (In Russian).
- 19. Prestupleniya nemecko-fashistskih okkupantov v Belorussii 1941–1944 [The Crimes of the Nazi Occupiers in Belarus, 1941–1944]. Minsk, Belarus, 1965. 464 p.
- 20. Rasporyazhenie ob obrashchenii s sovetskimi voennoplennymi vo vsekh lageryah voennoplennyh ot 8 sentyabrya 1941 g. [Order on the treatment of Soviet prisoners of war in all POW camps of September 8, 1941]. Criminal goals of Hitlerite Germany, pp.116. (In Russian).
- 21. Stat'ya 357 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii «Genocid» [Article 357 of the Criminal Code of the Russian Federation "Genocide"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b21e235ab7f2ffdb9921d73f1d1828628780cf10/. (In Russian).

- 22. Stenogramma zasedaniya Rossijskogo organizacionnogo komiteta «Pobeda» ot 2 iyulya 2020 g. [Transcript of the meeting of the Russian Organizing Committee "Victory" of July 2, 2020]. Available at: http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedanija-rossii skogo-organizacionnogo-komiteta-pobeda-02-07-2020.html. (In Russian).
- 23. Soobrazheniya Gimmlera ob obrashchenii s mestnym naseleniem vostochnyh oblastej ot 28 maya 1940 g. [Himmler's considerations for the treatment of the local population of the Eastern regions, 28 May 1940] Criminal goals of Hitlerite Germany, pp. 99–103. (In Russian).
- 24. Turumbaev A.Zh., Lider N.V. «General'nyj plan Ost» plan genocida «narodov vostoka» ["General plan Ost" a plan of genocide of the "peoples of the east"]. Voyna: prodolzhenie politiki ili prestuplenie: materialy regional'noy nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoy 72-y godovshchine atomnoy bombardirovki Hirosimy = War: Continuation of Politics or Crime: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference on the 72nd Anniversary of the Atomic Bombing of Hiroshima, 2017, Omsk, Omsk State Technical University, 2017, pp. 57–61. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Панарин, А. А. Геноцид советского народа в отражении исторической памяти о Великой Отечественной войне / А. А. Панарин. – Текст: непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 75–90.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Panarin A. A. Genocide of the Soviet People in Reflections of the Historical Memory of the Great Patriotic War / A. A. Panarin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 75–90. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 171: 328.185

МЫШЛЕНИЕ АДВОКАТА КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Э.Р. Глечян, А.С. Макаров, С.В. Омельченко

THE ATTORNEY'S THINKING AS A CREATIVE PROCESS: PHILOSOPHICAL ASPECTS OF LEGAL PRACTICE

E.R. Glechyan, A.S. Makarov, S.V. Omelchenko

Анномация. Исследуются творческое мышление адвоката и выделяются философские аспекты различных форм проявления творческого мышления в защитительной деятельности адвоката. Авторы останавливаются на сложных философско-методологических правовых и нравственных проблемах, с которыми сталкивается адвокат в коммуникативных процессах, во взаимодействии с различными субъектами права. Делается вывод о том, что для подлинного профессионализма адвоката необходим высокий уровень критического мышления, сопряженного с автономностью нравственного и правового сознания. Правовых знаний недостаточно, надо уметь приметь их на деле, в быстро меняющихся обстоятельствах, соблюдая принципы и идеалы гуманизма и нормы адвокатской этики. Серьезные проблемы порождены гетерономными факторами, которые приводят к порче правового этоса. Перспективы улучшения положения в сфере правосудия связываются авторами с последовательным проведением в жизнь принципов независимости ветвей власти, усилением автономности субъектов права, повышением качества юридического образования и самообразования.

Abstract. The article examines the creative thinking of a lawyer and highlights the philosophical aspects of various forms of manifestation of creative thinking in the defensive activity of a lawyer. The authors dwell on the complex philosophical and methodological legal and moral problems faced by a lawyer in communication processes, in interaction with various subjects of law. It is concluded that for the true professionalism of a lawyer, a high level of critical thinking is required, coupled with the autonomy of moral and legal consciousness. Legal knowledge is not enough, one must be able to take it in practice, in rapidly changing circumstances, observing the principles and ideals of humanism and the norms of legal ethics. Serious problems arise from heteronomous factors that lead to the deterioration of the legal ethos. The authors associate the prospects for improving the situation in the sphere of justice with the consistent implementation of the principles of independence of the branches of government, strengthening the autonomy of subjects of law, improving the quality of legal education and self-education.

Ключевые слова: творческое мышление, правовое сознание, нравственное сознание, защита, адвокатура, автономия, гетерономия, правовая практика.

Keywords: creative thinking, legal consciousness, moral consciousness, defense, advocacy, autonomy, heteronomy, legal practice.

Актуальность исследования правового сознания и правового мышления несомненна. Если на уровне рядового гражданина, обладающего обыденным сознанием, речь должна идти о востребованности адекватного осознания сво-их прав и свобод, то на институциональном уровне субъектов права особую значимость приобретает культура мышления, способность творчески осмысливать сложные ситуации оказания профессиональной помощи юриста.

Тема творческого мышления адвоката разработана недостаточно. Запрос в Интернете выдает только 2–3 работы на тему юридического мышления или профессиональной этики. В частности можно сослаться на статьи М.Л. Давыдовой [1], Д.В. Зыкова [2], учебное пособие С.Ю. Нарциссовой [3]. Мы не принимаем при этом ненаучную рекламу и активную саморекламу людей в социальных сетях, которые обладают магическими секретами и способностью решать все проблемы (за гонорары). В этих работах отражены некие парадигмальные принципы юридического мышления, но нет отражения реального творческого мышления, порождаемого возникающими проблемами. Эти проблемы особенно сложны и серьезны в сфере защиты прав человека в уголовных процессах. В условиях пандемии проблема защиты прав человека еще больше обострилась [4]. В связи с этим мы поставим себе очень скромную задачу первичного рассмотрения (своего рода «пилотажное исследование») творческого мышления адвоката в философском аспекте.

На протяжении многих веков процесс защиты исследовался различными учеными, юристами, политиками. И это не случайно, поскольку, усовершенствование качества защиты всегда является актуальным из-за совершенствования средств обвинения. Однако нередко защитительная деятельность сталкивается с противостоянием органов, которые оппонируют защите как бы с позиции силы и закона. Рассмотрим эти аспекты более подробно, в том числе, выясним, что такое защита, и каково её предназначение в уголовном процессе в современных условиях.

Защита — это противостояние неравных сил, силы организованной и вооруженной, с одной стороны, и силы мышления, силы ненасилия, с другой стороны. Суд на основании закона должен уравновешивать доводы обеих сторон, чтобы принять справедливое решение. Фактически же адвокат борется с целой системой государственного механизма уголовного принуждения и ввиду практики обвинительного уклона правосудия в России часто обречен на проигрыш. Поиск справедливости, поиск доказательств невиновности либо смягчения вины с помощью стратегий критического мышлений, логики и нравственного чувства сострадания к подсудимому — вот истинное предназначение правового защитника. В данном случае важна оговорка: мы имеем в виду добропорядочных адвокатов, профессионалов, принципиальных и бескомпромиссных.

Справедливость – это философское, нравственное и правовое понятие. В этике справедливость определяется как понятие морального сознания, характеризующее такое положение вещей, которое рассматривается как должное,

соответствующее определенному пониманию сущности человека и его прав [5, с. 338]. Однако правовое сознание и правовое мышление преодолевают излишнюю субъективность в понимании справедливости на основании устойчивых нормативных критериев закона. Исторически человечество медленно двигалось именно в этом направлении понимания справедливости.

Суть справедливости, основанная на праве, как и всякое явление этического и правового формата подвержено временному видоизменению. Следовательно, методы и поиски справедливости в защитительной деятельности также систематически трансформируются. К примеру, в Древнем Риме, в самый ранний период его развития отсутствовало представление о публично-правовой форме уголовного судопроизводства, и многие преступления преследовались в порядке частного обвинения, однако именно в этот период началось развитие состязательного процесса, и в ходе судебного развития стороны имели равные права [6, с. 39]. В период со II в. до н. э. по III н. э. в Древнем Риме формируется классическое римское право. В этот период развивается и возвышается роль адвокатуры, при всем притом судебные ораторы (защитники) пользовались огромным авторитетом. Должность судебного защитника зачастую становилось трамплином к достижению высоких государственных должностей. В эпоху развития постклассического права (V-VI вв. н. э.) заметно ограничилось состязательность в уголовном процессе. В этот период времени развиваются инквизиционные процессы. Адвокаты перешли под надзор особых государственных служащих. К адвокатам увеличилось недоверие со стороны администрации и суда.

Защита в уголовном процессе, как мы отметили, это противостояние мощному государственному аппарату, специализирующемуся на уголовном преследовании (органы предварительного следствия, прокуратура, сюда можно отнести, по крайней мере в России, и подверженный обвинительному уклону суд, который не может быть идеальным, «божьим судом»). По сути своей деятельности, если брать во внимание лишь только одно уголовное дело, один адвокат сталкивается с противостоянием, как минимум шести и более субъектов: оперативный работник, следователь, потерпевший, прокурор, свидетели, суд, то есть все те, кто так или иначе обосновывают и поддерживают обвинение. В формате добросовестности исполнения своих обязательств — это сложнейший мыслительный труд для адвоката, основанный на знании о праве, логике, умении предсказывать процессуальные маневры оппонирующей стороны и быть готовым к ним, это выработка тактики защиты и многое другое.

Защитительное мышление есть не что иное, как стремление адвоката к гармонии своего внутреннего духовного мира, автономного нравственного и правового сознания, с внешним миром права (в нашем случае уголовным и уголовно-процессуальным). Соблюдение формальной логики, правильности мышления выступает первой предпосылкой, благодаря которой формируется автономия правового сознания защитника, правильное мышление определяет

правильное отношение собственного «Я» к дальнейшим защитительным функциям, предостерегает от грубых ошибок и субъективизма.

Второй предпосылкой выступает собственно критическое (творческое мышление). Синонимами критического мышления выступают термины «самостоятельное мышление», «автономное мышление», «творческое мышление», «диалектическое мышление», «разумное мышление», «теоретическое мышление», «культурное мышление» и даже просто «мышление» (мышление подлинное, аутентичное, открытое истине бытия мира и бытия человека). На первый взгляд, кажется, что мыслить самостоятельно просто, но на самом деле, в своей практике адвокат (добросовестный и принципиальный) сталкивается с информационным потоком гетерономных сведений. Все потому, что защитник, как и любой человек, а если быть точнее, его внутренний духовный мир подвержен всяким причинам, мешающим смотреть на справедливость ясным взором. В ряд гетерономии могут быть причислены конкуренция на рынке адвокатуры, отсутствие сострадания к подзащитному, соблазн наживы, лень, желание быть угодным следствию и суду, оставаться при работе «по назначению», зависть, лицемерие и фальшь, отсутствие желания в усовершенствовании профессиональных навыков и многое другое. А.Ф. Кони очень тонко подметил суть этических устоев защитника: «...защита есть общественное служение... Уголовный защитник должен быть virbonus, dicendiperitus (муж добрый, опытный в речи), вооруженный знанием и глубокой честностью, умеренный в приемах, бескорыстный в материальном отношении независимый в убеждениях, стойкий в своей солидарности с товарищами... Он друг, он советник человека, который, по его искреннему убеждению, невиновен вовсе или вовсе не так и не в том виновен, как и в чем его обвиняют...» [7, с. 30].

Одна из важнейших задач защитника, опять же, в этическом контексте, — это укрепление собственной веры в созидание, в прекрасное, в добро и справедливость. Адвокат должен твердо верить в эти идеалы, и следовать им в каждом своем деле. Нет веры в успех — не будет положительного результата. Вера должна сопровождаться кропотливым трудом, правильностью и критичностью мышления.

Позволим себе творческую гипотезу. В начале XX века в российском журнале «Ментализмъ» появилась статья американского адвоката Уильяма Уокера Аткинсона (1862–1932), которая привлекла наше внимание. Среди прочего, Аткинсон обращает внимание читателя на то, что все люди подвергаются влиянию мыслей окружающих людей (не мнений, а именно мыслей). Подчеркивается, что мысли людей проявляют необыкновенную силу действия. В этом контексте, Аткинсон акцентирует внимание на то, что если человек сможет распознать условия возникновения этой силы, то он сможет овладеть ею и принять ее, как орудие нашего воздействия в желаемом направлении [8, с. 60]. Если не брать во внимание возможный мистический оттенок мыслей Аткинсона, то остается чистый рациональный осадок. В защитительной деятельности адвокат сталкивается с мыслями ряда оппонирующих ему

субъектов в различных форматах и контекстах: культурных, антропологических и социальных дискурсов, которые, в той или иной степени оказывают свое влияние (вплоть до давления) на защитника. Очень важно, в профессиональном плане, усвоить и понять стержень оппонирующего мышления, т. е. прояснить суть обвинения и дать оценку качества сбора доказательств. Методы обвинения по сбору доказательств, зачастую шаблонные, нетворческие, стереотипные, содержат в себе противоречия. Отчасти это происходит из-за непрофессионализма, отчасти из-за излишней самоуверенности обвинения и недооценки ею возможностей защиты.

Следователь фактически не является достаточно самостоятельным процессуальным лицом, не обладает автономным правовым мышлением в рамках своего профиля. Например, у следователя одна позиция по делу, руководитель следствия навязывает свое мнение, прокурор свое мнение и т. п. Поскольку в России, следователь лишь только «на бумаге» самостоятельное процессуальное лицо, но фактически таковым не является, то он осуществит попытки связать и согласовать мнение различных людей со своей позицией по делу, даже если они противоречивые. Результатом является эклектическое правовое мышление.

Позволим себе аналогии из мира кинематографа. В художественных фильмах мы восхищаемся творческим мышлением детективов (людей), их способностью принимать самые фантастические версии, которые потом себя полностью оправдывают. А следователей часто показывают просто глупыми людьми, которые не могут связать между собой две мысли. А ведь следователь и детектив – это одно и то же лицо. Получается такое «двоемыслие». Одно лицо обладает творческим мышлением. А другое имеет конформное мышление, рассуждает по принципу: «Не надо думать, надо делать то, что приказано». На самом деле это трудно вообразимое явление, хотя, современная уголовно-правовая политики обвинения придерживается данного явления в ортодоксальном формате, превращая уголовное дело в кашу несуразицы, заведомо зная, что суд сам устранит недочеты. В основе этой ортодоксии лежат: отсутствие процессуальной самостоятельности следователя и независимости всех ветвей власти; несовершенство норм права, позволяющие попирать не только права людей, но и сам закон, ограничение права на защиту, и практическая институализация запрета оправдательных приговоров. Многие критики адвокатуры (т. е. все те, кто имеют отношение к обвинительной и судебной деятельности) полагают, что низкий процент оправдательных приговоров - это совершенство органов предварительного следствия, но при этом об отсутствии независимости ветвей власти никто из обвинителей не говорит. Вряд ли такая теория кого-нибудь из числа здравомыслящих людей убедит. Подобная философия, фактически, унижает роль адвокатуры, в том смысле, что, якобы, в российском адвокатском сообществе нет специалистов, которые могли бы законным способом противостоять обвинению и удовлетворить правовые потребности подзащитного. Опровергается

обвинение адвокатуры в непрофессионализме помимо доводов здравого смысла и позицией Верховного суда РФ. Например, заместитель председателя Верховного суда РФ Владимир Давыдов на совещании председателей судов заявил, что «судьи сами в справках критикуют качество следствия и дознания, которые «допускают значительное число нарушений закона, которые не только снижают качество расследования дел, но и существенно влияют на сроки расследования, а в дальнейшем на результаты рассмотрения дел и материалов в судах». Давыдов привел статистику, согласно которой суды ежегодно возвращают в прокуратуру около 10 тыс. дел для устранения недостатков, что препятствует рассмотрению дел по существу» [9].

Даже при наличии всех погрешностей, которые отмечаются руководством Верховного суда, почему-то не возрастает число оправдательных приговоров. Одной из причин является невысокий материальный уровень жизни людей, на которых заведено уголовное дело. Большое количество обвинительных приговоров правоохранительная и судейская элита связывает с тем, что много уголовных дел (до 70 %) судами рассматривается в особом порядке, а этот порядок не предусматривает вынесения оправдательных приговоров. Отметим, что особый порядок судопроизводства подразумевает фактическое признание вины, отсутствие желания, а главное - возможности для борьбы, даже в тех случаях, если человек вовсе невиновен. Вместе с тем стоит задуматься, почему обвиняемый желает воспользоваться особым порядком? Этому есть одно единственное разумное объяснение: отсутствие финансовой возможности привлекать для защиты адвоката по собственному усмотрению. Этот показатель благоприятен для следственных органов, поскольку на помощь правоохранителям (даже не обвиняемому) приходят адвокаты по назначению, или как их в обществе называют «бесплатные адвокаты», которые, во-первых, в подавляющем своем большинстве тесно сотрудничают с органами предварительного следствия, дабы оставаться при деле, а во-вторых, за «копейки», которые платит государство за участие в следственных действиях, выполняя поручение по назначению, адвокаты, опять же, в подавляющем своем большинстве, ничего не предпримут (не смогут или не захотят) для защиты своего подзащитного. Однако если представить, что экономический уровень жизни, финансовый потенциал у населения будет на более высоком уровне, и люди смогут для защиты своих интересов нанимать высококвалифицированных, принципиальных и энергичных адвокатов, то, разумеется, доля дел в особом порядке резко сократится, следственные и надзорные органы столкнутся с волной противостояния, что неизбежно приведет к росту оправдательных приговоров. При обвинительном уклоне это невозможно, а значит, и повысится качество расследования уголовных дел, и возвыситься доверие населения к судебной системе.

В то же время укоренившаяся негативная тенденция на практике формирует у адвоката мужество, заставляет самосовершенствоваться и любить свою профессию, противостоять опасному процессу профессионального

и эмоционального «выгорания». Не побоимся высоких слов и скажем, что такой адвокат — это своего рода герой, противостоящий судьбе. В цивилизованном демократическом обществе, где существует справедливая правовая система и справедливый суд, адвокату не обязательно быть настолько мужественным, ему достаточно иметь знание и навыки защиты, а закон и правосудие компенсируют все остальное, оставив на правовом поле брани только правовое состязание.

«Как можно познать себя? Только путем действия, но никогда – путем созерцания. Попытайся выполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть» (Гете «Фауст») [10]. Вот и защитник, настоящий профессионал, искренний душой, любящий свою профессию, должен действовать, преодолевать все преграды, выполнять свой профессиональный долг, совершенствовать себя. Любое разочарование может подорвать веру, прежде всего, в себя, и лишь только потом в справедливость. Такой адвокат становится рабом судьбы, он перестает мыслить, а делает то, что ему скажут. Безусловно, есть и такие адвокаты, которых номинально называют «господами». Интересна, хотя во многом и спорна, мысль Ф. Ницше о морали рабов и морали господ [11]. Для рабской морали характерно смирение как самоунижение и позор, в то время как ценностью морали господина является гордость, сила и благородство. Господин дает оценку действиям раба, оценивает, насколько хорошими или неудовлетворительными были последствия для того, кто их совершил. Оба вида морали не принимают во внимание человеческие эмоции. Применимо к нашему исследованию, данная концепция подчеркивает, что в адвокатской корпорации есть представители с моралью раба, а господином для них является тот субъект (следователь, суд), который привлекает этого адвоката. Они оценивают работу этого адвоката и по результатам решают его дальнейшую профессиональную судьбу: если адвокат по назначению не будет противиться правовому произволу, то этот адвокат, по сути, обеспечен работой, в объеме конвейерного судопроизводство, то есть, говоря обыденным языком, будет завален работой. Эта работа оплачивается государством в мизерных расценках, но когда есть объем, сумма становится впечатляющей. Но, а если адвокат, которого привлек следователь, проявил свой профессионализм и воспротивился незаконным явлениям, то, разумеется, он не будет в дальнейшем привлечен органами следствия, дознания и судом. И в этом случае, проявление профессионализма и принципиальности выводит адвоката в ранг нравственных господ: к нему начинают прислушиваться и считаться. А покладистость и послушание автоматически поставило бы на нем клеймо раба, целиком и полностью зависимого от следственносудейского «работодателя».

Необходимо отметить проблемные моменты взаимоотношений защитника и доверителя. Она заключается в том, что современная российская правоохранительная система вышла на новый уровень ограничения права на защиту. Уголовное право превратилось в некое коммерческое явление, строгость

и гуманность которого зависит от материального достатка «клиента». Все это подрывает дух свободы народа, волю к сопротивлению произволу, усугубляет чувство безнадежности перед следствием и судом. Нередко сами адвокаты способствуют этому, поскольку, будучи привлеченными органами следствия и суда, фактически никакую защиту не осуществляют.

А ведь обвиняемый доверяет свою жизнь, свободу и здоровье адвокату. «Адвокат должен не допускать действий (бездействия), которые подрывают такое доверие» [12, ст. 1]. Кодекс профессиональной этики адвоката прямо указывает, что злоупотребление доверием является несовместимым со званием адвоката. Данная норма положена в основу адвокатской этики, ею адвокат должен руководствоваться, чтобы поддержать, во-первых, авторитет адвокатуры, и, во-вторых, отношения с доверителем, который доверяет слишком многое, рискуя не только своей судьбой, но судьбой своей семьи. Нужно осознавать, что доверие во многом психологическое явление, отношение как бы «трансфера», напоминающего отношение врача и пациента. Много адвокатов обещают доверителю благоприятный исход дела, тем самым обнадеживая доверителя. Эти обещания, по сути, обретают далеко не нравственный формат, и даже становятся аморальным поступком. Адвокат может допустить (позволить себе) гарантию высокого качества своей работы, но не благоприятный результат, тем более, учитывая современные реалии отечественного «правосудия». Взаимообмен информацией, непрерывный диалог между адвокатом и доверителем важен по ряду причин: во-первых, доверитель дополняет и уточняет суть проблемы, во-вторых, адвокат корректирует перспективы, ожидающие доверителя. Доверительные отношения адвоката и доверителя основаны на духовно-нравственном сближении, на взаимных обязательствах, профессионализме, человеческом сострадании. Если исключить только один из данных компонентов, то нить доверия не выдержит, пострадает как сам адвокат, запятнав свою репутацию так и доверитель, поручение которого оказалось невыполненным.

Адвокат в профессиональной деятельности должен учитывать уровень нравственности противоположной стороны состязательного процесса, для того, чтобы определить возможные перспективы правового диалога в контексте конкретного дела, для построения тактики защиты. Нравственность — это элемент, формирующий автономию правосознания, а если быть точнее, от уровня нравственности зависит уровень автономности. Противостоит автономии такое явление как гетерономия. Адвокаты сталкиваются с большим числом явлений, способных сломить волю личности. Воля же, в свою очередь, двигатель всякой автономии, добрая воля и нравственность — это одно и то же. В качестве примера мы укажем на бюрократизацию и корпоративность в борьбе с защитой целой системы государственных аппаратов, что, по сути, напоминает борьбу Давида с Голиафом, при которой, Давид победил Голиафа своей сообразительностью, тактичностью и умом. Защитник должен быть готовым к тому, что сплошная обвинительная политика в силу

своей гетерономной тенденциозности сформировала своего рода новый вид нарциссизма, что проявляется у представителей обвинения в виде самовлюбленности. При поддержке различных инстанций и органов власти представители обвинения в геометрической прогрессии завышают свою самооценку, что неизбежно приводит к отказу от самокритики. Представление от собственной грандиозности ослепляет их, и в этом состоянии неизбежны ошибки. Мы должны понимать, что любая обвинительная деятельность это продукт человеческой активности, который материализует обвинение в уголовное дело. Деградация профессиональной самокритичности, вызванной на фоне нарциссизма, по нашему мнению, один из величайших социальных и антропологических видов социальной патологии, тормозящий всякое развитие, как в творческом понимании, так в этике и в эстетики. Такие «профессионалы» утрачивают всякую способность к познанию всякого систематически обновляющегося явления (например, закона), которое необходимо для профессионального творчества. Однако такие нарциссы в профессиональном плане очень любопытны для познания, за ними интересно наблюдать, анализировать и предсказывать их неизбежные погрешности. Ф.Н. Поносов отмечает, что «успех практической деятельности человека во многом определяется тем, насколько верно он познал законы развития природы и общества, насколько соответствуют его представления о мире самому миру. Познание – это бесконечный процесс приближения мышления к познаваемому предмету, движения мысли от незнания к знанию, от знания неполного, несовершенного к знанию более полному, более совершенному» [13]. Если защитник сможет в процессе наблюдения познать суть характера оппонента, его профессиональные навыки, способности, то он сможет предвидеть дальнейшие действия (бездействия) обвинителя. На самом деле это непросто, но очень важно в защитительной деятельности.

Всякая профессиональная защитительная деятельность должна быть основана на четко выстроенной тактике. Обладать лишь только юридическими знаниями недостаточно. Защитник должен иметь философские знания, которые могли бы позволить ему анализировать и решать коренные вопросы, связанные с поставленной задачей по защите доверителя, выработать целостный взгляд на мир предъявленного обвинения, его сути, определить место своего подзащитного в этом мире, и попытаться вывести его оттуда в мир свободы. Это и означает творческое, культурное мышление. Культура, в том числе и правовая, позволит защитнику самовыразиться в творческой деятельности, выработать навыки и умения защиты, проявить субъективность и объективность. Немаловажную роль в тактической деятельности защитника играет терпение. В контексте философии терпение – это добродетель и она означает, в том числе, сдержанное ожидание благоприятных результатов чего-либо. В защитительной практике защитник, как и обвинитель, использует доказательства. Однако применение доказательств не должно быть непродуманным. Оно должно применяться четко в определенное время при наступлении благоприятного момента. Иногда некоторые защитники, проявляя нетерпение, раньше времени используют свои «козыри» — доказательства, тем самым, дают возможность оппонентам обернуть это доказательство против защиты.

И в завершении подчеркием то, чем должен обладать защитник в первую очередь: автономностью правового и нравственного сознания. Творческое мышление тесно связано с нравственностью. Великий философ Паскаль высказал всем известное, но уместное в данном контексте изречение: давайте мыслить хорошо, в этом источник нравственности. Все перечисленные выше аспекты в формате автономности правового сознания дополняют друг друга. Если мы говорим о защитнике в контексте автономности правового сознания, то мы, прежде всего, имеем в виду: 1) его знание о праве и его субъективное отношение к праву; 2) осознания своей свободы и своего духа; 3) гармонизацию свободного духа в правоприменительном (защитительном) творчестве; 4) обладание высшей степени правовой культуры и культурного мышления. Нравственность – это важнейшая этическая категория, которая присуща не только субъектам обыденного правового сознания, но эта категория является первоосновой профессиональной деятельности адвокатов. В то же время мы должны понимать, что без автономного правового сознания не может благоприятно гармонировать нравственность и профессионализм. Автономность правового сознания адвокатов, должна, по сути, раскрывать специфику отражения права в сознании адвоката в обязательной взаимосвязи с человеческой субъективностью, основываться на принципе единства социального, культурного и личностного начала в исследовании правовых, политических и иных общественных явлений. При таких обстоятельствах автономность правового сознания адвокатов будет определяться как здоровое соотношение внутренних (духовных, мыслительных) и внешних (правовая, нормативная реальности) факторов в сознании. Это и есть суть онтологического диалогизма в праве. Важно акцентировать внимание на проблеме развития диалогических форм правового сознания, поскольку диалог, как важнейшая составляющая правовой культуры и критического правового мышления, направлен на взаимное обогащение людей ценностями, смыслами, опытом, взаимопониманием, профессионализмом. Самое важное для адвокатской корпорации инициировать развитие диалогического права, вовлекая в этот процесс иные социальные субъекты правового сознания. Современная российская правовая система основана преимущественно на монологизме и защитнику (адвокату), по этой причине, в своей профессиональной деятельности приходится сталкиваться с большими проблемами. И до тех пор, пока адвокатская корпорация достойно не заявит о себе и не займет свое достойное место в мире права, по аналогии корпоративной солидарности следствия - прокуратуры, прокуратуры - суда, эти проблемы останутся нерешенными.

Таким образом, для профессионализма адвоката требуется высокий уровень критического (творческого) мышления. Это мышление неразрывно связано с автономностью нравственного и правового сознания субъектов права. Все еще страдает качество юридического образования. Однако правовых знаний недостаточно, надо уметь приметь их на деле, в постоянно меняющихся обстоятельствах. Серьезные проблемы в сфере права вызваны гетерономными факторами, которые приводят к порче правового этоса. Перспективы улучшения положения в сфере правосудия, на наш взгляд, связаны с последовательным проведением в жизнь принципов независимости ветвей власти, усилением автономности субъектов права, повышением качества юридического образования и самообразования, развитием культуры мышления, повышением творческого потенциала личности в области права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Давыдова, М. Л. Профессиональное мышление юристов в сравнительноправовом ракурсе / М. Л. Давыдова. Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 5. С. 66—72.
- 2. Зыков, Д. В. О трех видах юридического мышления / Д. В. Зыков. Текст : непосредственный // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 2. С. 82–85.
- 3. Нарциссова, С. Ю. Профессиональная этика юриста / С. Ю. Нарциссова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Академия МНЭПУ, 2018. 151 с. Текст : непосредственный.
- 4. Бандурин, А. П. Проблемы защиты конституционных прав и свобод граждан России в период пандемии / А. П. Бандурин, П. С. Самыгин, Н. М. Сизова Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. N 6. С. 75—79.
- 5. Словарь по этике / А. В. Адо, М. И. Андриевская, Л. М. Архангельский [и др.] ; под ред. И. С. Кона. 5-е изд. М. : Политиздат, 1983. 445 с. Текст : непосредственный.
- 6. Косарев, А. И. Римское право / А. И. Косарев. М. : Юрид. лит., 1986. 157 с. Текст : непосредственный.
- 7. Кони, А. Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи / А. Ф. Кони. М. : Эксмо, 2013. 637 с. Текст : непосредственный.
- 8. Аткинсон, У. У. Могущество мысли в повседневной деловой жизни / У. У. Аткинсон. Текст : непосредственный // Ментализмъ. 1907. № 3. С. 60.
- 9. Верховный суд предпочитает оправдательные приговоры. URL: https://pasmi.ru/archive/228499/. Текст : электронный.
- 10. Гёте, И. В. Фауст / И. В. Гёте. М. : Мир книги : Литература, 2010. 478 с. Текст : непосредственный.
- 11. Nietzsche, Friedrich. On The Genealogy of Morals. New York: Vintage Books, 1967. 167 p.
- 12. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 20.04.2017). Текст : непосредственный.
- 13. Поносов, Ф. Н. Гносеологический ряд как форма взаимосвязи истины и заблуждения в индивидуальном и коллективном познании : дис. ... д-ра филос. наук / Поносов Федор Николаевич. Екатеринбург, 2010. 315 с. Текст : непосредственный.

REFERENCES

- 1. Davydova M.L. Professional'noye myshleniye yuristov v sravnitel'no-pravovom rakurse. Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina = Bulletin of the O.E. Kutafin University, 2015, No. 5, pp. 66–72. (In Russian).
- 2. Zykov D.V. O trekh vidakh yuridicheskogo myshleniya. Vestnik VolGU. Seriya 5: Yurisprudentsiya = Bulletin of VolSU. Series 5: Jurisprudence, 2013, No. 2, pp. 82–85. (In Russian).
- 3. Nartsissova S.Yu. Professional'naya etika yurista [Professional Ethics of a Lawyer]. M., the Academy of Akademiya IIEPU, 2018. 151 p.
- 4. Bandurin A.P., Samygin P.S., Sizova N.M. The problems of protection of constitutional rights and freedoms of Russian citizens during a pandemic. Gumanitarnyye, Sotsial'no-ekonomicheskiye I Obshchestvennyye Nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences, 2020, No. 6, pp. 75–79. (In Russian).
 - 5. Slovar' po etike [Dictionary of Ethics]. Ed. by. I.S. Kon. M., Politizdat, 1983. 445 p.
 - 6. Kosarev A.I. Rimskoye parvo [Roman law]. M., Yurid. Lit., 1986.157 p.
- 7. Koni A.F. Zakon i spravedlivost'. Stat'i i rechi [Law and Justice. Articles and speeches]. M., Eksmo, 2013. 637 p.
- 8. Atkinson U.U. The power of thought in everyday business life. Mentalizm = Mentalism, 1907, No. 3, pp. 60. (In Russian).
- 9. Verkhovnyy sud predpochitayet opravdatel'nyye prigovory [The Supreme Court prefers acquittals]. Available at: https://pasmi.ru/archive/228499/.
 - 10. Goethe I.V. Faust [Faust]. M., Mir knigi: Literatura, 2010. 478 p.
 - 11. Nietzsche, F. On The Genealogy of Morals. New York, Vintage Books, 1967.
- 12. Kodeks professional'noy etiki advokata [The Code of Professional Ethics of a Lawyer]. Edition of 20.04.2017.
- 13. Ponosov F.N. Gnoseologicheskiy ryad kak forma vzaimosvyazi istiny i zabluzhdeniya v individual'nom i kollektivnom poznanii. [Gnoseological series as a form of interrelation of truth and delusion in individual and collective knowledge]. dis. ... doct. philos. sciences. Yekaterinburg, 2010. 315 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Глечян, Э. Р. Мышление адвоката как творческий процесс: философские аспекты юридической практики / Э. Р. Глечян, А. С. Макаров, С. В. Омельченко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – \mathbb{N}^{0} 4. – С. 91–102.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Glechyan E. R., Makarov A. S., Omelchenko S. V. The Attorney's Thinking as a Creative Process: Philosophical Aspects of Legal Practice / E. R. Glechyan, A. S. Makarov, S.V. Omelchenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 91–102. (In Russian).

УДК 2-183: 16: 17

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ГЛОБАЛЬНОМ СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

М.А. Губанова

HUMAN TRANSFORMATION IN THE GLOBAL NETWORK SOCIETY

M.A. Gubanova

Анномация. Рассматривается мировоззренческая проблема будущего «постчеловека» как субъекта трансформирующегося глобального сетевого общества. Процесс цифровизации оказал влияние на все социокультурные институты и сферы жизнедеятельности человека, коренным образом изменив характер социальных связей и отношений. Феномен «человек» настолько изменился, что теперь мы говорим о нем, как феномене «постчеловека». В трансгуманистической концепции эволюции человечества последующим этапом развития выступает именно такой постчеловек. Социальные проблемы в условиях компьютерной информатизации общества следует рассматривать в контексте их органической взаимосвязи с человеческим капиталом и гуманистической этикой.

Abstract. The worldview problem of the future "posthuman" as a subject of the transforming global network society is considered. The process of digitalization has influenced all socio-cultural institutions and spheres of human life, radically changing the nature of social ties and relationships. The phenomenon of "man" has changed so much that now we speak of "post-man". In the transhumanistic concept of the evolution of mankind, the next stage of development is precisely such a posthuman. Social problems in the context of computer informatization of society should be considered in the context of their organic relationship with human capital and humanistic ethics.

Ключевые слова: Global Information Society (GIS), постчеловек, когнитивный трансгуманизм, трансгуманизм, цифровое бессмертие, постчеловек, е-Homo, сетевое общество, digital-эволюция.

Keywords: Global Information Society (GIS), posthuman, cognitive transhumanism, transhumanism, digital immortality, e-Homo, networked society, digital evolution.

Актуальность проблемы взаимосвязи человека и революционно изменяющегося общества несомненна. Информационное общество приобретает такие характеристики, как сверхсложность, динамичность, многомерность, постоянно, как по волшебству (под действием научно-технической магии), преображается, превращается онтологически и гносеологически, визуально и сущностно-аксиологически, структурно и функционально. Новое общество с его живой социальностью — это данность, по поводу определения которой еще не сформировалось не только теории, но и единого устойчивого мнения. Для характеристики современного этапа информационного развития общества применяется широкий спектр различных определений, среди

которых все чаще встречается понятие «Глобальное сетевое общество» Global Information Society (GIS) [7]. Вместе с обществом изменяется и человек. Футурологи рассматривают различные модели эволюции человека. Самый простой прогноз состоит в том, что эволюция человека уже прекратилась. Она невозможна и не нужна. Люди стали почти богами благодаря своему разуму. Другой прогноз состоит в том, что эволюция превратилась в инволюцию и человек обречен на вымирание или замену киборгами. Однако это крайности. Третий вариант — это умеренное реалистическое мировоззрение на человека и его отношение к социальному миру.

Цифровое пространство требует оперирования огромным объемом данных, человек не в состоянии перерабатывать столь большие потоки информации. Технологии помогают решить эту проблему (в частности, появляются отдельные направления исследований, например Big Data и Data Science, artificial intelligence и т. д.), актуализируются исследования взаимодействия человека и искусственных систем, созданных им самим [3]. В сверхбыстром темпе информационного общества человеку требуется совершенно другой уровень обработки и хранения информации. Естественная адаптация требует усилий и длительного периода времени, тогда как медицина и нейронауки предлагают «умные лекарства», или «лекарства для ума» (smart drugs, или smart pills), это порождает проблему этики антропного программирования и свободы выбора [14].

Появляется новое направление в философии когнитивный трансгуманизм, которое ставит вопрос об эволюции вида Homo Sapiens, взаимодействии искусственных и естественных систем, а также поднимает проблему упреждающей деонтологии симбиоза мира реального и виртуального [2]. Таким образом, задача науки и философии XXI века в том, чтобы не повторять чудовищных экспериментов над людьми XX века, ведь наука не может быть этически нейтральной, поскольку это важная часть социума. Какие тенденции мы обнаруживаем в современном обществе? Не приведут ли они к упадку морали и не послужат ли катализатором для «расчеловечивания» человека [1]?

В исследовании проблемы постчеловека и соответствующего ему общества необходимо сочетать различные методы. Для решения эпистемологических и методологических задач, относящихся к описанной предметной области, формальная философия науки использует технический аппарат искусственных языков логики и математики, когнитивные науки пытаются соединить разрозненные части и помогают составлять прогностические концепции будущего через интеллектуальную деятельность самого человека, феноменология понятия «человек» в новой информационной среде больших данных применяется с учетом происходящих изменений [13].

В исследовании применяется философско-методологическая база нейроэтики в осмыслении проектов биотехнологического совершенствования человека (часто употребляется термин "human bioenhancement") и его мыслительных, когнитивных функций (то есть Cognitive Enhancement). Своего рода трансгуманистическая мечта о научном и биотехнологическом обретении бессмертия аналогична горизонту развития современных биотехнологий. Этот горизонт отдаляется по мере продвижения к нему. Однако будущее влияет на настоящее, оно уже существенно воздействует на человеческое самопознание и самопонимание; в регулятивной форме участвует при осуществлении вполне реальных современных биотехнологических проектов [12].

Сегодня как никогда важна задача мировоззренческого определения (самоидентификации) современного человека на основе универсального эволюционизма и теории самоорганизации открытых систем (с такими их характеристиками как нелинейность, неравновесность, нестабильность, стохастичность, неопределенность, когерентность поведения элементов). Новое мировоззрение развивается на основе такой методологии исследования, которая способствует становлению единства эссенциологии (исследования сущности), феноменологии (исследования явления) и футурологии в трактовке новой социальной реальности [5].

Предлагаем результаты исследования. Совместными усилиями трансгуманизма и научных конвергенций стало возможным завершение разработки компьютерных симуляций работы человеческого мозга. Исследования нейрофизиологов открывают много тайн о природе человека, но ставится вопрос о введении нового субъекта социального процесса — «искусственной личности», «почти человека» [9].

В новой социальной реальности появляется требование к человеку, который должен соответствовать своей роли в метаэволюции Человечества. В скором времени человечество может шагнуть на новую ступень, и появится Ното eruditus, или e-Homo («человек образованный»). Пока нормы морали и нравственности принципиально не поменялись, но распространение новой сетевой этики ускоряется, меняются инструменты сетевой социализации [15].

Одним из таких инструментов является digital-культура, постоянно меняющая социальную реальность, предоставляющая субъекту и группам Global Information Society (GIS) ряд преимуществ:

- принятие решений в различных сферах становится проще с аналитической поддержкой программ искусственного интеллекта и аналитикой данных;
- больше возможностей она дает для индивидуального творчества и самореализации личности;
- становится возможным все более полное удовлетворение информационной потребности членов такого общества;
- digital-культура гарантирует открытость политических процессов и создает предпосылки развития цифровой демократии во многих развитых информационных обществах.

Кроме того digital-культура обладает важными для трансформации современного общества признаками:

- матричными и потоковыми формами передачи информации;
- формализацией всех процессов жизнедеятельности, мышления и чувственной сферы;

- непрерывно и стремительно обновляющейся цифровой экономикой, мало привязанной к пространству и времени;
- редукцией традиционных форм занятости и приобретением новых компетенций;
 - появлением соответствующей сетевой личности;
 - сетевой идентичностью по цифровым следам или «кибер-теням» [6].

Создаются многие предпосылки для своего рода «идеального», почти в духе античного философа Платона, общества. Остается научить людей чувствовать, мыслить, действовать и «жить» в полностью искусственной среде, поддерживаемой имитационно-симуляционными технологиями. Новый мир и новый человек — это принципиально другой тип бытия. Виртуальное пространство — это возможность невозможного и реальность нереального, то есть, постчеловеческая реальность. Чтобы соответствовать этому миру, человеку необходима «когнитивная эволюция» (от лат. cognito — познание, узнавание, ознакомление) — эволюционные изменения в доминирующих способах переработки интеллектуальной (осознанной) информации [4]. Соответственно меняется мировоззрение как отношение нового человека к новому миру.

Философское осмысление компьютерной революции сопутствует вступлению развитых и развивающихся мировых цивилизаций в новую эпоху сетевого общества как основы общества знания и оперирования Большими данными. Это неизбежно требует формирования сетевой культуры человека, который занят самоидентификацией и самосовершенствованием в цифровом пространстве [6]. В результате наблюдается почти синхронное появление в философии науки и техники и социологии науки эпистемологического движения в изучении науки и технологий STS (аббревиатура от Science Technology Study). В области медицинских исследований и биотехнологий появляется биоэтика и нейроэтика как формы и способы междисциплинарной организации достаточно критической («скептической») ценностной рефлексии в отношении инновационных процессов, затрагивающих природу человека [11].

Переходим к обсуждению результатов. Проблема этико-философского изучения биотехнологических проектов самоконструирования человека на уровне утопии уходит достаточно глубоко в историю. А в предшествующие века была связана с полемикой между сторонниками и противниками религиозного и светского мировоззрения, между сторонниками и противниками механистических взглядов на человека как машину или организм, который невозможно разделить на части. Различные аспекты данной проблемы рассматривались в работах Гоббса, Декарта, Лейбница, Гёте, Ламетри, начиная с XVII в. Пророческие художественные описания проектов конструирования искусственных людей представлены в известных произведениях М. Шелли и И.В. Гёте. Революционные открытия в сфере медицины, физиологии человека, генетики в конце XIX – начале XX вв. пробудили интерес к вопросам конструирования человека. Эти открытия дали толчок появлению различных евгенических проектов. Наука евгеника широко распространилась в XX в.,

дав обоснование как этически нейтральным практикам в области медицинской генетики, так и по-настоящему преступным (в значительной мере создаваемым с опорой на «научный разум») политическим проектам в Германии, США и некоторых других странах [10]. Связь эволюции человека и техники исследуется во многих специальных областях, например, в работах С.Н. Гринченко и Ю.Л. Шаповой [4].

Мы стоим на пороге очередного скачка эволюции, и он связан с развитием 4-х высоких технологий — нанотехнологии, биотехнологии, информационно-коммуникационные и когнитивные технологии, значение которых исследуются в работах: А.К. Казанцева, В.Н. Кисилева, Д.А. Рубвальтера и О.В. Руденского [3].

В заключение отметим существенную трансформацию современной социальной реальности. Чем сетевой социум отличается от реального? В нем можно действовать, но нельзя жить. Через трансгуманизм мы должны прийти к гуманизму. Когнитивный трансгуманизм — это своего рода поиск общего поля для диалога, шаткий мостик над пропастью непонимания между ярыми сторонниками трансгуманизма и биоконсерваторами [11]. Меняется сама суть бытия, бытие Постчеловека — это восприятие бытия. Мир не такой, как он есть, а такой, как Я есть. Таким образом, реальность для постчеловека — это реальность отношений, а не вещей. Более того, выходя за пределы вещественного, мы полностью отрываемся от тела, тем самым погружаясь в мир сверхъестественного [8]. Цифровые технологии тоже эволюционируют, теперь мы неразрывно связаны с сетью и повсеместное использование компьютера постепенно сменяется специфической формой, так называемой мобильной культуры, тем самым создавая новую цифровую экономическую и социокультурную модель общества, в которой нам только предстоит жить [7].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Попова, О. В. Биотехнологическое конструирование человека: этико-философские проблемы : дис. ... д-ра филос. наук / О. В. Попова. М., 2018.-423 с. Текст : непосредственный.
- 2. Baklanov I.S., Baklanova O.A., Shmatko A.A., Gubanova M.A., Pokhilko A.D. The historical Past as a factor of sociocultural transformations of Postmodernity // Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları. -2018. N 1 (7). C. 373-378.
- 3. NВІС-технологии: Инновационная цивилизация XXI века / А. К. Казанцев, В. Н. Киселев, Д. А. Рубвальтер [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2012. 383 с. Текст : непосредственный.
- 4. Гринченко, С. Н. Информационные технологии в истории Человечества / С. Н. Гринченко, Ю. Л. Щапова. Текст : непосредственный // Приложение к журналу «Информационные технологии». 2013. № 8. С. 1—2.
- 5. Салихов, Г. Г. Функции общества в процессе глобализации / Г. Г. Салихов. Текст : непосредственный // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие : сборник статей Международного форума / под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа : Мир печати, 2019. С. 46–50.

- 6. Родионова, М. Н. Сетевая культура как проблема современного зарубежного кинематографа в контексте теорий метамодернизма / М. Н. Родионова. Текст: непосредственный // Вестник гуманитарного образования ВятсГУ. 2018. № 4 (12). С. 96—102.
- 7. Щелкунов, М. Д. Общество 5.0 в технологическом, социальном и антропологическом измерениях / М. Д. Щелкунов, А. Р. Каримов. Текст : непосредственный // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3. С. 158—164.
- 8. Baker, Lynne Rudder. The Metaphysics of Everyday Life: An Essay in Practical Realism. Cambridge University Press, 2009.
- 9. Bostrom, Nick. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies // Oxford University Press, 2014.
- 10. Brody, B. The Ethics of Biomedical Research: an International Perspective. OUP, 1998.
- 11. Fritz Jahr, Bio-Ethik: eine Umschau über die ethischen Beziehungen des Menschen zu Tier und Pflanze // Kosmos. Handweiser für Naturfreunde. No. 24 (1). 1927. S. 2–4.
- 12. Fukuyama, Francis. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution Reprint Edition. Picador; Reprint edition, 2003. 272 p.
- 13. Fuller, Steve. Humanity 2.0: What it Means to be Human. Past, Present and Future. Houndmills, Basingstoke, Hampshire New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- 14. Harris, J. Enhancing Evolution: The Ethical Case for Making Better People. Princeton: Princeton University Press, 2007.
- 15. Доклад Института Ратенау: Est R., van. Intimate technology: The battle for our body and behavior / With assistance of Rerimassie V., Keulen I., van, Dorren G. The Hague: Rathenau Instituut, 2014.

REFERENCES

- 1. Popova O.V. *Biotekhnologicheskoye konstruirovaniye cheloveka: etiko-filosofskiye problem* [Biotechnological human design: ethical and philosophical problems]. dis. ... doct. philos. sciences. M., 2018. 423 p.
- 2. Baklanov I.S., Baklanova O.A., Shmatko A.A., Gubanova M.A., Pokhilko A.D. The historical past as a factor of sociocultural transformations of Postmodernity. *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları*, 2018, No. 1(7), pp. 373–378. (In English).
- 3. Kazantsev A.K., Kiselev V.N., Rubval'ter D.A., Rudenskiy O.B., *NBIC-tekhnologii: Innovatsionnaya tsivilizatsiya XXI veka* [NBIC-technologies: Innovative Civilization of the XXI century]. M., INFRA-M, 2012. 383 p.
- 4. Grinchenko S.N., Shchapova YU.L. Information technologies in the history of Mankind. *Prilozheniye k zhurnalu «Informatsionnyye Tekhnologii» = Supplement to the Journal "Information Technologies"*, 2013, No. 8, p. 1–2. (In Russian).
- 5. Salikhov G.G. The functions of society in the process of globalization. Budushcheye sfery truda: global'nyye vyzovy i regional'noye razvitiye = The future of the world of work: global challenges and regional development. A Collection of articles of the
- International Forum]. Ufa, Mir pechati, 2019, pp. 46–50. (In Russian).
- 6. Rodionova M.N. Network culture as a problem of modern foreign cinema in the context of theories of metamodernism. *Vestnik Gumanitarnogo Obrazovaniya VyatsGU* = *Bulletin of Humanitarian Education of Vyatka State University*, 2018, No. 4(12), pp. 96–102. (In Russian).

- 7. Shchelkunov M.D., Karimov A.R., Society 5.0 in technological, social and anthropological dimensions. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2019, No. 3, pp. 158–164. (In Russian).
- 8. Baker L. R. The Metaphysics of Everyday Life: An Essay in Practical Realism. Cambridge University Press, 2009.
- 9. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford University Press, 2014.
- 10. Brody B. The Ethics of Biomedical Research: an International Perspective. OUP, 1998.
- 11. Fritz Jahr. Bio-Ethik: eine Umschau über die ethischen Beziehungen des Menschen zu Tier und Pflanze. *Kosmos. Handweiser für Naturfreunde*, 1927, No. 24 (1). 1927, pp. 2–4. (In German).
- 12. Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution Reprint Edition. Picador; Reprint edition, 2003. 272 p.
- 13. Fuller S. Humanity 2.0: What it Means to be Human. Past, Present and Future. Houndmills, Basingstoke, Hampshire New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- 14. Harris J. Enhancing Evolution: The Ethical Case for Making Better People. Princeton, Princeton University Press, 2007.
- 15. Report of the Rathenau Institute: Est R., van. Intimate technology: The battle for our body and behavior. The Hague, Rathenau Instituut, 2014.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Губанова, М. А. Трансформация человека в глобальном сетевом обществе / М. А. Губанова. – Текст: непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 103–109.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gubanova M. A. Human Transformation in the Global Network Society / M. A. Gubanova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 103–109. (In Russian).

УДК 17: 34.047: 303.01

ФИЛОСОФИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА: ИГРА КАК МЕХАНИЗМ НОРМАТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА

Е.А. Дурова, А.Д. Похилько

THE PHILOSOPHY OF COLLECTIVE CREATIVITY: A GAME AS A MECHANISM OF NORMATIVE CREATIVITY

E.A. Durova, A.D. Pokhilko

Аннотация. В социально-философском аспекте рассматриваются теоретические вопросы исследования коллективного творчества, выявляются подходы к пониманию одного из продуктов и форм коллективного творчества – игры. Авторы используют междисциплинарный подход, позволяющий рассмотреть игру как механизм нормотворчества. Существуют различные подходы к пониманию одного из продуктов коллективного творчества – игры. В предлагаемом авторами подходе игра становится социальным механизмом формирования сначала нравственных, затем норм обычного права, наконец - современных правовых норм. Акцент при этом авторы делают на правилах игры, которые нормируют деятельность игроков, отклоняющихся от того, что стало регулярным и представляется нормальным. Субъектом такой исторической бесконечной игры является коллективный социальный субъект. Это вытекает из того факта, что игра предполагает множество игроков. В отличие от искусства, где творит индивидуальность, в нормативном творчестве индивид выступает только представителем коллективного субъекта. Россия как глобальный коллективный игрок выступает в качестве субъекта современной геополитики и информационной политики, компонентом которой стала играизация некоторых направлений государственной деятельности.

Abstract. In the socio-philosophical aspect, theoretical issues of research of collective creativity are considered; approaches to understanding one of the products and forms of collective creativity that is a game are identified. The authors use an interdisciplinary approach to consider a game as a rule-making mechanism. In the approach proposed by the authors, a game becomes a social mechanism for the formation of first moral, then customary law, and finally, of modern legal norms. At the same time, the authors place an emphasis on the rules of games, which normalize the activities of players deviating from what has become regular and seems normal. The subject of this historical endless game is the collective social subject. This stems from the fact that a game involves many players. In contrast to art, where individuality creates, in normative creativity the individual acts only as a representative of the collective subject. Russia as a global collective player acts as a subject of modern geopolitics and information policy, a component of which has become the gameization of some areas of state activity.

Ключевые слова: коллективное творчество, игра, нравственность, право, субъект нормативного творчества.

Keywords: collective creativity, game, morality, law, subject of normative creativity.

Активность изменений социальной действительности, произошедших за последние десятилетия, обусловила соответствующее изменение вектора теоретических исследований общественных явлений. Ориентированность общества

на решение возникших задач сформировало запрос на анализ устойчивых понятий под иным углом, с учетом их проявления в настоящих условиях. В этой связи особо актуальным оказалось осмысление проблем творчества, его коллективных видов, игры как продукта такого творчества и как модели для появления социальных идеалов и устойчивых норм поведения.

Целью настоящей статьи является обзор основных направлений и подходов к пониманию творчества, определение сути коллективного творчества на примере одного из его продуктов — игры, а также поиск теоретического направления осмысления творчества социальных идеалов (и норм) в условиях игроизации социокультурной реальности.

Творчество является постоянным спутником человека, будь то конкретного индивида в определенных временных рамках, или человечества в целом на всем пути его развития. Естественная потребность в таком виде деятельности обусловливает человеческую жизнедеятельность, проникает в нее, нередко определяя ее сущность. Подобное положение вещей указывает на особую важность понимания творческого процесса как одного из определяющих факторов человеческой жизни, очевидную для различных отраслей знаний о человеке и обществе.

К пониманию творчества теоретическая мысль начинает стремиться с момента своего зарождения. Уже во времена античности творческая деятельность попадает в поле зрения философов и мыслителей как неотъемлемая часть человеческого бытия. Впоследствии взгляды на это понятие развиваются, проходят определенные этапы наряду с развитием философской мысли в целом.

Проблема творчества приобретает особую важность на переломных этапах истории, когда и были предприняты наиболее существенные попытки ее осмысления [1]. Думается, что причина такой связи лежит в особом «статусе» творческой способности человека, переосмысление которого сопряжено с серьезным переосмыслением места человека в мире вообще. Переходя на новую стадию исторического развития, человечество изменяло свое представление о должном ответе на обозначенный основной вопрос философии, представление, которое оказывалось неполным без осмысления творческих возможностей человека. Эту же закономерность мы можем наблюдать и в русской философии конца XIX — первой половины XX века, характеризующейся значительным интересом к пониманию творчества. В связи с этим следует назвать имена В.С. Соловьева, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, рассматривавших творчество в аспекте религиозно-философской традиции.

К настоящему времени накоплена обширная теоретическая база, посвященная вопросам философского осмысления творческого процесса.

Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время взгляд на суть творческих возможностей человека изменился не только в общественном сознании, но и на теоретическом уровне. Так, люди видят за творчеством креативность, тренируемое качество, присущее если не каждому, то стремящееся

к этому. В научной среде разработка вопросов творчества признается одним из тех междисциплинарных вопросов, которые требуют аккумуляции знаний ряда дисциплин, большинство из которых конкретно-научные. Например, сопряжение изучения различных аспектов, алгоритмов, особенностей креативности с особенностями работы человеческого мозга на уровне нейрофизиологии (изучение «когнома», когнитивных технологий). Подобное прикладное направление объясняется желанием современной науки служить благу человека, общества, разрешать имеющиеся у них реальные проблемы, а также поддержать человека в его стремлении к культивированию своей креативности.

Такой подход, наряду с известными положительными сторонами, сталкивается с определенной сложностью организации диалога различных областей знаний, а также некоторым сохранившимся предубеждением о роли и месте философии в современных исследованиях разума. Несмотря на обращение к философии в случае возникновения этических вопросов или, к примеру, логико-методологической оценки научных знаний, ее возможности остаются недооценены. Выделяя причины отсутствия диалога философии и науки в этой связи, К. Лоренц говорил о воздвижении барьера, препятствующего «прогрессу человеческого познания в том самом направлении, где он особенно необходим: в сфере объективного исследования взаимодействия между постигающим разумом и объектом его восприятия» [2, с. 57]. Отмечается, что улучшению положения философии в контексте сотрудничающих наук могут способствовать набирающие силу методологии, более применимые для истолкования природы происходящего в реальной жизни, а именно неклассические эпистемологии в целом и, в частности, недуальный подход в истолковании человеком природы как окружающего мира, так и в понимании самого себя [3].

Формулирование все большего количества практических задач, стоящих в настоящее время перед отдельной личностью, формирует запрос на исследование познавательных и творческих возможностей человека, их механизмов и пределов с определенной стороны, с использованием ограниченного количества возможностей философии. Вместе с тем общество в целом в процессе своего развития сталкивается также с определенными проблемными ситуациями, не получающими выражения в четко сформулированных запросах. Подобные проблемные ситуации формируются в глубинах общества, не ставят перед обществом явного вопроса и не получают точного, определенного во времени ответа, а существуют в форме ощущения социумом необходимости поиска выхода из затруднения. При этом отсутствие в этом случае каких-либо конкретных формулировок не делает указанное ощущение менее острым, а необходимость – менее насущной.

Разрешить такие ситуации стремится коллективный разум, вовлеченный в специфический вид творчества — коллективное творчество. Являясь процессом медленным, не обусловленным временными отрезками, четкой целью или конкретным результатом, коллективное творчество, тем не менее, сформировало

устойчивую основу социальной жизни. К продуктам коллективного творчества принято относить, в том числе, естественные языки, мораль, основные социальные институты, идеологию, религию, фольклор, государство и так далее. Данные явления изучаются и в совокупности (в контексте априорного знания, например), и по отдельности — в значительном количестве работ различной направленности. Следует отметить, что в подобных исследованиях ведущую роль играют гуманитарные знания, и философия здесь проявляет себя во всем многообразии своих возможностей.

Одним из продуктов коллективного творчества, давших направление для множества исследований прошлого столетия, и являющихся актуальными до настоящего времени, является игра. Указанные исследования объясняли формирующиеся социальные реалии, отвечали на вопрос об изменении в понимании человеческого Бытия, обозначали проблемные перспективы. Категория игры приобретает особую значимость в философии постмодернизма с переходом к эпохе постмодерна, произошедшем в XX веке и связанном с коренными изменениями культурной действительности, многих аспекта бытия человека, в самом человеке.

Сопоставление отличительных черт модернизма с соответствующими им чертами постмодернизма приводит Ихаб Хассан в известной таблице [4]. Здесь модернистской Цели противостоит постмодернистская Игра, автор подчеркивает игровой характер постмодернизма, обращение общества к игровым формам. Современные исследователи, анализируя работы философов – представителей эпохи постмодерна Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ж. Бодрийяра и других, – делают вывод о придании вопросу об игре онтологического статуса. Игра здесь заменяет метафизическое Бытие или Бога, выступает в качестве первоначала, являет собой слепое творчество. В отличие от бытия игра не является сущностью, абсолютной истиной, сокрытой в видимом мире, а в отличие от Бога не творит мир в соответствии с идеалом, а из ничего [5].

Знаковым исследованием игрового элемента в культуре стали работы Й. Хёйзинга, после которых понятие игры стало одним из основных в описании человеческой культуры. Описывая игру через ее признаки, он понимает ее как «некое поведение, осуществляемое в определенных границах места, времени, смысла, зримо упорядоченное, протекающее согласно добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы или необходимости. Настроение игры — это настроение отрешенности и восторга, священное или праздничное, в зависимости от того, является ли игра священнодействием или забавой. Такое поведение сопровождается ощущением напряжения и подъема и приносит с собой снятие напряжения и радость» [6, с. 111].

Вместе с тем не все исследователи согласны с позицией Й. Хёйзинга о несерьезном характере игры, о ее убывающем значении для различных сфер человеческой жизни, и, в противовес этому, утверждается, что игра становится одним из важнейших экзистенциалов человеческого бытия [7, с. 84]. Думается, что подобное несогласие с идеями Й. Хёйзинга достаточно условно

и объясняется различием в условиях осмысления этого понятия, претерпевшим фундаментальные изменения в течение XX века и меняющимся по настоящее время. То есть, рассматривая игру в контексте культуры, мыслитель видел категорию в иных реалиях, определявших подход к ее сущности. Возможно, в связи с этим интерпретацию указанных идей относительно настоящего необходимо осуществлять с поправкой не только на изменение самих условий, но и на содержания понятия игры.

Обязательное включение Й. Хёйзинга в понятие игры элемента состязательности, доставшегося от животного мира, заключает в себе большие познавательные способности. Прежде всего, это касается осмысления процесса индивидуализации личности, ведь в игре проявляются первые попытки человека утвердить свое особое отношение к миру, преодолеть обезличенные формы поведения. Здесь мы видим игру несколько с другой позиции – как бы изнутри, относительно конкретной личности. В этом случае она проявляет себя как явление, обусловившее феномен фантазии, как стимул преодоления поведенческого принципа «делай как все», противостояние идентификации с группой. Кроме того, с усложнением социализации личности, решающим аспектом игры становится не состязательность, а моделирование действительности, предвосхищение будущего, представляемого через наполненное положительными эмоциями настоящее. Последнее играет весомую роль в процессе творчества и учебы, служит стимулом для поддержания творческих сил. Игра сама становится условием, предпосылкой и механизмом коллективного творчества.

Приведенный выше краткий обзор философских взглядов на проблему категории игры свидетельствует о многообразии подходов к пониманию феномена, о широкой и разнородной области явлений, охватываемых понятием «игра». Думается, что можно условно выделить теоретическое направление, рассматривающее игру как продукт коллективного творчества, как нечто заданное, обусловленное социально-культурными процессами в целом и обусловливающее «условия» игровой формы человеческого бытия. С другой стороны, очевидна значимость подхода к пониманию игры в соотношении с личностью, влиянием игровых практик на активность человека, степень его духовного и нравственного развития. Здесь также возможно провести условную аналогию с двумя уровнями творчества — коллективным и индивидуальным, а также предположить наличие устойчивой связи игровой и творческой деятельности.

Оба направления являются чрезвычайно актуальными в настоящее время, в условиях смещения ценностных ориентиров, высказываемых опасений о потере человеком персональной идентичности и приобретении новой – ролевой, характеризующейся множественностью и ситуационностью, о разрушении традиционных смыслов, в том числе посредством широкого использования электронных игровых форматов. Кроме того, в таком контексте становятся очевидными возможности философской мысли наряду с другими

науками о человеке и обществе выполнять не только фундаментальные теоретические исследования, но также и быть потенциально направленными на разрешение практических, насущных проблем общества.

Если выделить в качестве основного признака творчества создание нового, то, с точки зрения нравственного творчества на первое место выйдет проблема самотворчества, самосозидания человека, причем на своих собственных духовных основаниях. В таком случае нормативное сознание оказывается как бы «встроенным» в субъективность регулятором поступков личности, а не гетерономным фактором действий и поведения индивидов. Возможно ли глубинное самообновление человеком самого себя? Эта проблема ставится в древнегреческой философии (например, Сократ), средневековой философии (Августин), философии Нового времени (Декарт), современной философии (Сартр, Камю). Задача преодоления «ветхого человека» и создания нового человека была поставлена в Библии. Речь должна идти об обновлении нравственных ценностей, которые регулируют нравственное сознание и поддерживают высшие идеалы морали. Добро становится предметом творчества масс людей еще в начале средних веков, когда побеждает христианская мораль. Самоизменение субъекта исторического процесса становится возможным ввиду того, что этот субъект является общественно-индивидуальным. Поэтому совпадение объекта и субъекта творчества является относительным, и становится возможным духовное созидание людей людьми путем общения, диалога. Рефлексия в процессе коммуникации служит условием формирования морали. Культурное формообразование является возможным миром творчества, поскольку является автономным феноменом сознания и деятельности общественно-индивидуального субъекта. Культурное формообразование в духовном аспекте – продукт социально-исторического творчества. Ядром же такого творчества является мораль, ее ценности.

Анализ процессов нормообразования (нормотворчества) — сложная проблема. В особенности потому, что внутреннее и внешнее диалектически дополняют друг друга [8]. Причина и следствие меняются местами в процессе взаимодействия. Социокультурные детерминанты детерминируют и в то же время детерминируются нормами. Внутренняя, субъективная сторона процесса нормообразования в обществе является не «вторичной», а ведущей стороной во взаимном согласовании объективного и субъективного. Можно отразить это согласование объективного и субъективного в термине «релевантность нормативного сознания» [9].

Релевантность означает уместность, то, что относится к делу. Индивид действует в системе социальных отношений, соответствует им и одновременно изменяет их. Зарождение норм происходит в хаосе индивидуальных смыслов, нормы оформляются в процессе перехода от уникальных смыслов к ценностям. Язык стремится выразить криптонормированные (скрыто нормированные) универсальные смыслы культуры, придавая им обобщенное и явное выражение. Человеческое поведение имеет множество степеней свободы,

которые ограничиваются взаимодействием с другими людьми. Взаимное торможение свобод индивидов и приводят к выработке норм как «правил игры».

В игре выделяют несколько главных компонентов: игроки, правила, задача (цель), воображаемая ситуация, роли, взятые на себя играющими; игровые действия как средство реализации этих ролей; язык игры (игровое символическое употребление предметов, т. е. замещение предметов игровыми, условными предметами); реальные взаимоотношения между игроками. С творчеством игру сближает то, что в ней отсутствует материальный практический результат, который можно использовать. Важнейший элемент игры – это правила игры (соотношение её компонентов). Отклонение от правил прекращает игру. Сама игра может менять правила. Однако если правила игры устоялись, то они становятся нормой. Некоторые правила игры становятся настолько универсальными, что им уже придается значение серьезного. Например, нравственные правила и нормы выработаны в истории путем миллиардных повторений ситуаций с девиациями. Правовые нормы основаны на нравственных нормах и сужают варианты девиаций, ужесточают возможные санкции против нарушений.

Следует коснуться важного в данном контексте вопроса об игроизации социокультурной реальности. Игроизация затронула и Россию. В такой традиционной коллективистской стране как Россия социальные (коллективные) субъекты играют главную роль в политических, экономических и правовых играх. Игра вышла за узкие рамки священного ритуала или праздничной забавы. Она стала способом социального творчества реальности в информационном обществе. Игроизация — это расширение традиционных границ игры, как бы применение игры там, где она ранее не применялась, и, казалось бы, вообще неприменима. Оценки игроизации полярно противоположны: ее рассматривают как аморальное явление или как жизненную необходимость. Представителями таких оценок являются Л.Т. Ретюнских и С.А. Кравченко [10, с. 8; 11, с. 143].

Важным теоретико-методологическим основанием исследования являются работы Л.Т. Ретюнских, в которых изложены концепции игры и тесно связанное с ними явление игроизации. Термин «игроизация» оказался у нее необходимым для того чтобы точнее отделить игру как таковую от игры, существующей в ряде других бытийных феноменов, выявить границы игрового процесса. У С.А. Кравченко вводится термин «играизация», обозначающий внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии, что позволяет индивидам посредством саморефлексии достаточно эффективно выполнять социальные роли, адаптироваться к «обществу в действии». Термин С.А. Кравченко более локализован, он рассуждает конкретно о России постсоветского периода, разделяя при этом «играизацию» (применяя написание слова с буквой «а») от собственно игры, акцентируя внимание на параметре открытости.

Таким образом, существуют различные подходы к пониманию одного из продуктов коллективного творчества – игры. В нашем подходе игра становится

социальным механизмом формирования различных норм: сначала нравственных, а затем норм обычного права, наконец — современных правовых норм. Акцент при этом мы делаем на правилах игры, которые нормируют деятельность игроков, отклоняющихся от того, что стало регулярным и представляется нормальным. Субъектом такой исторической бесконечной игры является коллективный социальный субъект. Это вытекает из того факта, что игра предполагает множество игроков. В отличие от искусства, где творит индивидуальность, в нормативном творчестве индивид выступает только представителем коллективного субъекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Комаров, А. И. Античная философия (Демокрит, Платон) и проблема творчества / А. И. Комаров Текст : непосредственный // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 2 (2). С 55–63.
- 2. Лоренц, К. По ту сторону зеркала. Эволюция. Язык. Познание / К. Лоренц. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с. Текст: непосредственный.
- 3. Бескова, И. А. Философия творчества и наука: грани взаимодействия / И. А. Бескова. Текст: непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–1. С. 185–196.
- 4. Хассан, И. К концепции постмодернизма (из «Постмодернистского поворота», 1987) / И. Хассан. URL: http://culturolog.ru/content/view/2765/. Текст : электронный.
- 5. Аликин, В. А. Идеи игры в философии постмодернизма / В. А. Аликин Текст: непосредственный // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 11. С. 19–26.
- 6. Хёйзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий / Й. Хёйзинга. М. : Азбука Аттикус, 2019. 176 с. Текст : непосредственный.
- 7. Беляева, Л. А. «Человек играющий» в эпоху постмодерна / Л. А. Беляева, О. Н. Новикова. Текст : непосредственный // Идеи и идеалы. 2018. № 3 (37). С. 82–95.
- 8. Калмыков, Р. Б. Персональная страница / Р. Б. Калмыков. URL: http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-336.phtml. Текст : электронный.
- 9. Похилько, А. Д. Социокультурная автономность сознания: философскоантропологическое измерение: дис. ... д-ра филос. наук / Похилько Александр Дмитриевич. – Армавир, 2007. – С. 261–281. – Текст: непосредственный.
- 10. Ретюнских, Л. Т. Философия игры / Л. Т. Ретюнских. М. : Вузовская книга, 2002. 254 с. Текст : непосредственный.
- 11. Кравченко, С. А. Играизация общества: контуры новой постмодернистской парадигмы / С. А. Кравченко. Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. 2002. Note 6. С. 143-155.

REFERENCES

- 1. Komarov A.I. Antique philosophy (Democritus, Plato) and the problem of creativity]. *Ekonomicheskiye I Sotsial'no-gumanitarnyye Issledovaniya* = *Economic and Social and Humanitarian Studies*, 2014, No. 2 (2), pp. 55–63. (In Russian).
- 2. Lorents K. *Po tu storonu zerkala Evolyutsiya. Yazyk. Poznaniye* [Beyond the Mirror. Evolution. Language. Cognition]. M., Yazyki Russkoy Kul'tury, 2000. 272 p.

- 3. Beskova I.A. The philosophy of creativity and science: facets of interaction. Mezhdunarodnyy jurnal Gumanitarnykh I Yestestvennykh Nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2019, No. 10–1, pp. 185–196. (In Russian).
- 4. Khassan Ikhab. *K kontseptsii postmodernizma (iz «Postmodernistskogo povo-rota»)* [Towards the concept of postmodernism (from "Postmodernist Turn")]. Available at: http://culturolog.ru/content/view/2765/. (In Russian).
- 5. Alikin V.A. Game ideas in the philosophy of postmodernism. *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Vyatka State University*, 2014, No. 11, pp. 19–26. (In Russian).
- 6. Khoyzinga Y. *Homo ludens. Chelovek igrayushchiy* [Homo ludens. The playing man]. M., Azbuka Attikus, 2019. 176 p.
- 7. Belyayeva, L.A. "A playing man" in the postmodern era. *Ideii Idealy = Ideas and Ideals*, 2018, No. 3(37), pp. 82–95. (In Russian).
- 8. Kalmykov R.B. *Personal'naya stranitsa* [Personal page]. Available at: http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-336.phtml. (In Russian).
- 9. Pokhilko A.D. *Sotsiokul'turnaya avtonomnost' soznaniya: filosofsko-antropologicheskoye izmereniye* [Sociocultural Autonomy of Consciousness: Philosophical and Anthropological Dimension]: dis. ... doct. philos. sciences. Armavir, 2007. Pp. 261–281.
- 10. Retyunskikh L.T. Filosofiyaigry [The Philosophy of a Game]. M., Vuzovskaya kniga, 2002. 254 p.
- 11. Kravchenko S.A. Gameization of society: the contours of a new postmodern paradigm. Obshchestvennyye Nauki I Sovremennost = Social Sciences and Modernity, 2002, No. 6, pp. 143–155. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дурова, Е. А. Философия коллективного творчества: игра как механизм нормативного творчества / Е. А. Дурова, А. Д. Похилько. – Текст: непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 110–118.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Durova E. A., Pokhilko A. D. The Philosophy of Collective Creativity: a Game as a Mechanism of Normative Creativity / E. A. Durova, A. D. Pokhilko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 110–118. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Галустов Роберт Амбарцумович — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: rgalustov@mail.ru

Galustov Robert Ambartsumovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Pedagogy and Educational Practice, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: rgalustov@mail.ru

Гармышев Денис Александрович — соискатель кафедры отечественной истории 20—21 веков Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: denislannister@yandex.ru

Garmyshev Denis Alexandrovich – applicant of the Department of National History of the 20–21st Centuries, the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: denislannister@yandex.ru

Глечян Эдуард Русланович — кандидат философских наук, преподаватель ФГБОУ ВО «Государственный морской университет им. адмирала Ф.Ф. Ушакова» (г. Новороссийск); e-mail: glechyan1980@mail.ru

Glechyan Eduard Ruslanovich – Candidate of Philosophical Sciences, Teacher of Admiral F.F. Ushakov State Maritime University (Novorossiysk); e-mail: glechyan1980@mail.ru

Головлев Алексей Алексеевич – доктор географических наук, г. Самара; e-mail: dudarev51@mail.ru

Golovlev Alexey Alekseevich – Doctor of Geographical Sciences, Samara; e-mail: dudarev51@mail.ru

Гром Олег Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону); e-mail: gromescu@gmail.com

Grom Oleg Andreevich – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don); e-mail: gromescu@gmail.com

Губанова Марина Александровна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Gubanova Marina Aleksandrovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Дмитриева Наталья Валерьевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, ассистент Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: e-kafedra@yandex.ru

Dmitrieva Natalia Valerevna — Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher at the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Lecturer, the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: e-kafedra@yandex.ru

Дударев Сергей Леонидович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dudarev51@mail.ru

Dudarev Sergey Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dudarev51@mail.ru

Дурова Екатерина Александровна — аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Durova Ekaterina Aleksandrovna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Зеленко Наталия Васильевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: uzelnv@rambler.ru

Zelenko Natalia Vasilievna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Technology and Design, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: uzelnv@rambler.ru

Казарян Маргарита Гайковна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: rita068@mail.ru

Kazaryan Margarita Gaikovna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: rita068@mail.ru

Князева Алиса Сергеевна – кандидат педагогических наук, преподаватель ЧУ ПОО «Армавирский колледж управления и социально-информационных технологий» (г. Армавир); e-mail: lisa-a-22@yandex.ru

Knyazeva Alisa Sergeevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Teacher, Armavir College of Management and Social Information Technologies (Armavir); e-mail: lisa-a-22@yandex.ru

Макаров Александр Сергеевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: glechyan1980@mail.ru

Makarov Alexander Sergeevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: glechyan1980@mail.ru

Матвеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории XX—XXI вв. (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Matveyev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the 20–21st Centuries (SSC RAS Basic Department), the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Омельченко Сергей Владимирович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: glechyan1980@mail.ru

Omelchenko Sergey Vladimirovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: glechyan1980@mail.ru

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: panarin.arm@mail.ru

Panarin Andrey Anatolyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: panarin.arm@mail.ru

Пономарева Виктория Витальевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», г. Армавир; e-mail: vika.ponomareva.72@mail.ru

Ponomareva Victoria Vitalievna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social, Special Pedagogy and Psychology, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: vika.ponomareva.72@mail.ru

Похилько Александр Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Pokhilko Alexander Dmitrievich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302).

Электронная версия журнала рассылается в течение **15** дней после окончательной даты приема материалов. Печатная версия рассылается в течение **30** дней с момента рассылки электронной версии.

Срок приема статей – до 15 февраля 2021 года. Дата выхода журнала – март 2021 года.

Основные рубрики журнала:

Педагогические науки Исторические науки и археология Философские науки

Как опубликовать статью

- 1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.
- 2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:
 - текст статьи (Приложение 1);
- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (1 страница = около 1800 знаков без пробелов¹, при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет 100 рублей.

Правила оформления статьи

Объем до 10 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей -20 мм. Выравнивание текста - по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением *doc.

- 1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК (http://vak.ed.gov.ru/316).
- 2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой http://www.naukapro.ru/metod.htm.
 - 3) Заглавие статьи на русском языке.
 - 4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.
 - 5) Ключевые слова объёмом не более 7–10 слов.
- 6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объём от 100 до 250 слов).
 - 7) Пункты 3–6 на английском языке.
- (Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).
 - 8) Текст статьи (не менее 8 страниц без списка литературы).
- 9) Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100—2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).

¹ Как выяснить примерный объем статьи в страницах? В редакторе MSWord 2003 выбираем меню «Сервис» => пункт «Статистика» в Word 2007 или 2010 Вкладка «Рецензирование» => кнопка «Статистика». Количество знаков без пробелов делим на 1 800 и получаем количество страниц.

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

- 1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.
- 2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

- 1. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54-57. (In Russian).
- 2. Lindorf L.S., Mamikoniants L.G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте http://translit-online.ru/

10) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Приложение 1

Шифр специальности: 12.00.01

УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

- ¹ Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир, Российская Федерация
- ² Армавирский лингвистический социальный институт, г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation ² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Kony's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.

Keywords: human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. Брянск: Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. 192 с. Текст: непосредственный.
- 2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев. Текст : непосредственный // Вестник Европы. 1882. № 2. С. 755—774.
- 3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. Текст: электронный.
- 4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. -2014. June 21. P. 1-10.

REFERENCES

- 1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
- 2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
- 3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva.* 1870–1900 [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
- 4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

Приложение 2

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Иванов Иван Иванович — начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по полписке:
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или

какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: 352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.

ский кра	г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.
Яг	антирую, что в представленной мною статье «
(название	татьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.
Опл	гу публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации со
гласен(а).	
Авт	
	(подпись) (фамилия и инициалы)
« »	20 Γ.

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 4 2020

Редакционно-издательский отдел Зав. отделом: А.О. Белоусова Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Формат $60\times84/8$. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 8,77. Тираж 300 экз. Заказ № 77/20.

Издатель:

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» Отпечатано в ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционно-издательский отдел © АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35 *@-fax* 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net